944
T-658

ВОЗВРАТИТЕ КНИГУ НЕ ПОЗЖЕ

обозначенного здесь срока

Зак. 4226. Угольцех 1-й Образцовой тип. Москва

К+

214 - 4/II. 36

246 - 7/X 38

434 - 3/II 39

~~440~~ 90 16/I - 1940.

~~25~~/II.

~~150 7/IV 41.~~

54 90 23/I 42

496 90 16/3 42

2490 18/IV 48

Московская Центральная
Публичная библиотека

дозв. ценз. спб. 7 июля 1900 г. тип. тов. „общ. польза". б. подъяч., 39.

Наполеонъ I.

На домъ не выдается

Ко

Э. К. 1

ЖИЗНЬ ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫХЪ ЛЮДЕЙ
БІОГРАФИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА Ф. ПАВЛЕНКОВА.

п 34 г.

НАПОЛЕОНЪ I

ЕГО ЖИЗНЬ И ГОСУДАРСТВЕННАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ.

БІОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ.

Профессора **А. С. Трачевскаго.**

49

Съ портретомъ Наполеона, гравированнымъ въ Лейпцигѣ Геданомъ.

944
Т658
1 вкл. л.-порт.

ЦѢНА 25 КОП.

Московская Центральная
Публичная библиотека

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Ю. Н. Эрлихъ, Садовая, № 9.
1900.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 11 Мая 1900 года.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	стр.
I. Тревоженія юности. (1769—1796).	7
II. Чудеса генія въ Италіи. (1796—1799).	19
III. Первый консулъ. (1799—1804).	34
IV. Императоръ. Борьба за міродержавіе. (1804—1807) . .	47
V. Императоръ въ зенитѣ и „начало конца“. (1807—1812) .	64
VI. Оборона генія. (1813—1814).	82
VII. Сто дней и о. св. Елены. (1815—1821).	95

Литература по эпохѣ Наполеона I по истинѣ необозрима. Представляетъ колоссальное предпріятіе уже одинъ ея критическій указатель, предпринятый, съ 1894 года, итальянцемъ *Lumbroso:* Saggio di una bibliografia raggionata dell'epoca Napoleonica. И эта литература растетъ съ каждымъ днемъ, особенно въ послѣднее время. Тутъ рвеніе поддерживается борьбой еще не замершихъ партій и противоположныхъ взглядовъ. Отсюда масса мемуаровъ, какою не щеголяла ни одна эпоха въ исторіи до такой степени: среди нихъ видимъ такія крупныя произведенія, какъ записки Меттерниха (1880—1884), Талейрана (1890—1892), Марбо (1891), г-жи Ремюза. Не говоримъ уже о цѣлой библіотекѣ военныхъ мемуаровъ, съ замѣтками самого Наполеона во главѣ (Mémoires pour servir à l'histoire de France sous Napolèon, écrits à S-te Hélène par les généraux qui ont partagé sa captivité 1823—1825. 8 томовъ), поясняемыми біографіей знаменитаго военнаго теоретика *Jomini* (Vie politique et militaire de N. 1827. 4 т.) и изслѣдованіями нѣмецкаго военнаго писателя *Bleibtreu:* Die napoleonischen Kriege.—Der Imperator и др. (1870—1893).

По изобилію, а особенно по значенію, съ мемуарами поспорятъ документы или подлинные акты, какъ военнаго, такъ и гражданскаго свойства. Ихъ особенно много появилось въ послѣднее время, благодаря открытію государственныхъ архивовъ для ученыхъ. Намъ лично посчастливилось изслѣдовать архивы министерствъ иностранныхъ дѣлъ въ Петербургѣ и Парижѣ. Найденныя нами бумаги напечатаны, въ 4 томахъ, въ „Сборникѣ Императорскаго русскаго историческаго общества“ за 1890 — 1893 г. Онѣ обнимаютъ 1800 — 1803 гг.; остальное сдано нами въ помянутое общество, 7 лѣтъ тому назадъ, для дальнѣйшаго изданія. Важное значеніе имѣетъ и 32-томная переписка самого Наполеона I (Correspondance de N. I. 1858—1870), хотя по ней прошлась рука издателя-племянника не къ выгодѣ истины.

Нечего и говорить о множествѣ монографій на всѣхъ языкахъ, посвященныхъ различнымъ вопросамъ или эпохамъ, годамъ въ жизни Наполеона. Укажемъ только на болѣе любо-

пытныя и новѣйшія изъ нихъ. Для характеристики личности Наполеона важны труды *Masson'a*: N. et les femmes, 1893; N. chez lui, 1894; N. inconnu, 1895; Les cavaliers de N. 1897.—Для дипломатіи—*Houssaye*: 1814 (1889); 1815 (1894). *Vandal*: N. et Alexandre I, 1891—1896, 3 т. *Tatistcheff*: Alexandre I et N. 1891.—Для внутренней дѣятельности Наполеона—*Blanc*: N. I, ses institutions civiles et administratives, 1880. *Welschinger*: La censure sous le premier empire, 1882.—Для Наполеонидовъ—*Kleinschmidt*: Die Eltern und Geschwister Napoleons I, 1878.

Но было не мало и попытокъ дать даже біографію Наполеона, впрочемъ по большей части неполныхъ и вообще односторонних. По изобилію фактическихъ данныхъ, до сихъ поръ не утратили своихъ достоинствъ старѣйшія сочиненія дипломата временъ императора, *Bignon'a* (Histoire de France sous Napoléon. 1838—1850. 14 томовъ) и *Thiers'a* (Histoire du Consulat et de l'Empire. 1845—1862. 20 томовъ). Это—главные изъ почитателей Наполеона. Выступившіе противъ нихъ „хулители“ (*Prince Napoléon*: N. et ses détracteurs. 1887) далеко не кончили своей задачи: таковы *Lanfrey* (Histoire de Napoléon. 1867—1875. 5 т.) и *Taine* (Le régime moderne. 1891—1894. 2 т.). Любопытно, что встрѣчается мало общедоступныхъ біографій Наполеона, вѣроятно, вслѣдствіе большой трудности предмета. Притомъ онѣ относятся уже къ нашему времени, если не считать такихъ слабыхъ попытокъ, какъ *Вальтеръ Скотта* (1827. 9 т.) и *Шлоссера* (1832—1835. 3 т.). Изъ нихъ выдаются работы австрійца *Fournier* (N. I. 1886 — 1889. 3 т., съ обширной библіографіей), англичанъ *Seely* (A short history of N. 1886) и *Wolseley* (Decline and fall of N. 1894. 3 т.), наконецъ американца *Слоона*: Новое жизнеописаніе Н. 1896.

Неисчислима и иконографія Наполеона I. Есть множество его портретовъ. Нашъ—одинъ изъ лучшихъ: онъ принадлежитъ кисти Поля Деларош. Запасъ рисунковъ, характеризующихъ Наполеона и его время, можно видѣть у *Laurent* (1826), *Norvins* (1827. 4 т.), *Peyre* (1888), *Dayot* (N. peint par l'image. 1893) и *Grand-Carteret* (N. en image; estampes anglaises. 1895).

I.

Треволненія юности. 1769—1796.

Наполеонъ Бонапартъ родился на о. Корсикѣ, въ городкѣ Аяччьо, 15-го августа 1769 г. Въ то время тамъ славился на весь міръ молодой диктаторъ Паоли—благородный патріотъ, философъ, законодатель, мечтавшій сдѣлать изъ Корсики образецъ прогресса и демократіи, согласно съ идеями новаго «Просвѣщенія». Для этого онъ освободилъ свою родину отъ господства генуэзцевъ. Но «старый порядокъ» отомстилъ смѣлому преобразователю въ лицѣ Людовика XV: именно въ 1769 г. французы захватили островъ. Паоли бѣжалъ въ Англію.

Лѣтъ 20 спустя, великій старецъ Корсики былъ утѣшенъ на чужбинѣ звуками родной вендетты (мщенія). Одинъ юный землякъ писалъ ему: «я родился, когда 30.000 французовъ, изрыгнутыхъ моремъ на берега моей родины, запятнали престолъ свободы потоками крови. Вотъ гнусное зрѣлище, представшее моимъ первымъ взорамъ! Крики умирающихъ, стоны и жалобы обиженныхъ, слезы отчаянія окружали мою колыбель... Я родился, когда умерло мое отечество». Этотъ неукротимый корсиканецъ, который, лѣтъ 15 спустя, захватилъ престолъ поработателей своего отечества, былъ нашъ герой.

Бонапарты были тосканскіе патриціи, издавна переселившіеся на Корсику. Отецъ Наполеона, *Карло*, мелкій юристъ въ Аяччьо, служилъ сначала у Паоли, потомъ передался къ французамъ. Самодуръ и кутила, онъ рано умеръ, не оставивъ своему второму сыну ничего, кромѣ долговъ, рака въ желудкѣ и каменной болѣзни. Жена Карло, строгая красавица *Летиція*, была «мужская голова на женскомъ туловищѣ», какъ говорилъ Наполеонъ. Крѣпкая тѣломъ и душой крестьянка, она передала ему черты своего лица, свою выносливость, точный умъ и неразборчивость въ средствахъ. Эта величавая Сударыня-Мать (Madame-Mère) имперіи навсегда сохранила мужицкую скаредность и корсиканскую грубость.

Изъ множества дѣтей Летиціи выжили, кромѣ нашего героя, семеро—Жозефъ, Люсьенъ, Люи и Жеромъ, Элиза, Полина и Каролина; кромѣ послѣдней, всѣ они пережили Наполеона. Ея любимчикъ, второй сынъ, былъ забіяка. Наполеонъ самъ говорилъ про себя: «Я не отступалъ ни передъ чѣмъ, ничего не боялся, наводилъ страхъ на всѣхъ моихъ сверстниковъ». Онъ дрался, царапался, кусался, а виноваты всегда оказывались другіе. Обученіе его было «самое жалкое». 11-лѣтній «дядюшка» (по матери) Фешъ выучилъ его грамотѣ, а одинъ церковникъ—катехизису.

Въ 1779 г. Карло помѣстилъ мальчика въ военное училище въ *Бріеннѣ*, на казенный счетъ. Передъ тѣмъ его подучили по-французски, но плохо: Наполеонъ всегда говорилъ, на всѣхъ языкахъ, грубовато и писалъ съ ошибками. Воспитателями въ Бріеннѣ были невѣжи-монахи, а учениками—«кадеты-жантильомы», французскіе дворянчики. Товарищи насмѣхались надъ неуклюжимъ, нервнымъ «гладковолосымъ корсиканцемъ», который дичился ихъ, уже какъ бѣднякъ, и уединялся съ своимъ Цезаремъ или Плутархомъ въ садикъ. Подъ конецъ корсиканецъ предавался порывамъ ярости: «Надѣлаю французамъ столько зла, сколько могу!» шипѣлъ онъ, и мечталъ «сравняться съ Паоли». И кадетъ-демократъ торжествовалъ, выдумавши игру въ крѣпости изъ снѣгу: при аттакѣ на нихъ жантильомы избирали его своимъ командиромъ. «Я уже чуялъ инстинктомъ, что моя воля должна подчинить себѣ чужую волю», говорилъ онъ впослѣдствіи. Въ письмахъ домой, сухихъ, повелительныхъ, отрокъ заботился о родныхъ, какъ отецъ. Наставники хвалили его успѣхи по исторіи и географіи, а еще больше по математикѣ, но прибавляли: «нравъ властолюбивый, требовательный, упрямый».

За успѣхи Бонапартъ былъ переведенъ, въ 1784 г., въ военную академію въ *Парижѣ*. Здѣсь онъ пробылъ съ годъ и слушалъ знаменитаго математика Монжа. Онъ увлекался только фактами да прикладной стороной науки: нѣмецкій учитель-философъ назвалъ его «скотиной». Бонапарта выпустили по ускоренному экзамену: кажется, отъ него хотѣли избавиться. Начальство признавало за нимъ способности и прилежаніе, но аттестовало его такъ: «крайне самолюбивъ, безгранично честолюбивъ, рѣзокъ, энергиченъ, капризенъ, готовъ на все: пойдетъ далеко, если обстоятельства поблагопріятствуютъ». Въ академіи волченокъ сталъ спартанцемъ: умеръ отецъ, а помогавшій ему другъ дома прекратилъ пособіе. И все-таки Наполеонъ считалъ обѣ школы своимъ «счастливымъ временемъ».

Нашъ поручикъ артиллеріи застрялъ на четыре года въ провинціальныхъ гарнизонахъ—въ *Валансѣ* (Дофинэ), *Дуэ* (на гра-

ницѣ Фландріи) и въ *Озоннъ* (на Луарѣ). Онъ испытывалъ и нищету, и муки честолюбія.

Тогда-то слагался этотъ геній переходной эпохи: и на его примѣрѣ лучше всего видно, какъ «великіе люди» совершенно естественно, будничнo зрѣютъ плодами своего времени, его послушными орудіями.

Какъ разъ въ серединѣ гарнизоннаго прозябанія Бонапарта вспыхнула великая французская революція. Смѣтливый поручикъ Бурбонской монархіи, задававшей тонъ всему материку, видѣлъ, какъ разваливался самъ собой пресловутый *старый строй* (ancien régime), основанный на подгнившихъ пережиткахъ средневѣковья. Заскорузлый въ предразсудкахъ властолюбія абсолютизмъ, невѣжественное и нетерпимое духовенство, спесивое, праздное и бездарное дворянство, — словомъ, всяческія феодальныя привилегіи, поглотивши собственное будущее, тревожно доживали свои послѣдніе дни. У нихъ уже не было ни крѣпкой власти, ни денегъ, ни нравственнаго обаянія; тамъ и сямъ уже слышался подспудный ропотъ народа, вспыхивали бунты среди голодныхъ, извѣрившихся массъ и даже въ рядахъ развращенныхъ армій.

Примѣръ казармы и лагеря, бывшихъ разсадниками всякихъ пороковъ, былъ особенно понятенъ нашему поручику. Войско состояло тогда попреимуществу изъ добровольцевъ, т.-е. изъ подонковъ общества, которыхъ такъ зазывали вербовщики: «У насъ три раза въ недѣлю танцы, два раза игры на вольномъ воздухѣ; остальное время солдаты играютъ въ кегли, въ чехарду, ходятъ въ караулъ и на ученье. Почти все время посвящается удовольствіямъ—и жалованье большое». Офицеры были только «жантильомы»—испорченные до мозга костей дворянчики, кутилы и фанфароны. Да и тѣ, если не было особой протекціи, служили поручиками 15 лѣтъ, чтобы еще черезъ 15 лѣтъ выйти въ отставку съ орденомъ, на скудную пенсію.

Если Франціи, а съ ней и всему цивилизованному человѣчеству, суждено было жить, старый строй долженъ былъ уступить мѣсто новому, основанному на противоположныхъ началахъ. И уже давно, съ гибельнаго конца короля-солнца, Людовика XIV, началась критика наличнаго порядка, которая съ каждымъ днемъ становилась все болѣе безпощадною и всестороннею. А рядомъ слагалось новое міровоззрѣніе, которое было такимъ шагомъ впередъ изъ прежняго мрака, что его назвали *Просвѣщеніемъ* попреимуществу. Во второй половинѣ XVIII вѣка, особенно при Людовикѣ XVI, лучшіе люди, свѣтлѣйшіе умы, съ Монтескьё, Вольтеромъ, Дидро и другими во главѣ, составили непреодолимую армію «философовъ» или «энциклопедистовъ»: ихъ главный трудъ, знаменитая «Энциклопедія»

(1751—1780) предетавляла арсеналъ новаго міровоззрѣнія по всѣмъ вопросамъ жизни и теоріи. При всемъ разнообразіи оттѣнковъ въ мысляхъ, эта армія шла подъ однимъ знаменемъ: вѣдь, не могло быть спора о томъ, что̀ именно слѣдовало противопоставить слишкомъ извѣстнымъ порокамъ стараго строя. Безконтрольный деспотизмъ монарха, разбойничій эгоизмъ «привилегированныхъ» (privilegiés), фанатизмъ клерикаловъ должно было замѣнить самодержавіемъ народа или демократизмомъ, всеобщимъ равноправіемъ и человѣколюбіемъ. Отсюда священная формула—*свобода, равенство и братство* (liberté, egalité, fraternité), которую мы читаемъ на всѣхъ знаменахъ и гербовыхъ бумагахъ временъ революціи.

Эта упрощенная формула всего человѣческаго бытія быстро проникала всюду: ее понимали сердцемъ въ крестьянскихъ хижинахъ, выносившихъ на себѣ главное бремя стараго строя; она раздавалась въ чертогахъ знати и у подножія престола, благодаря талантливымъ, остроумнымъ книжкамъ и сценическимъ представленіямъ. Но больше всего она проникала всюду черезъ вѣщія слова новаго пророка,—«геніальнаго чудака», Жанъ-Жака *Руссо*, который умеръ. когда Наполеону было 9 лѣтъ. Руссо расширилъ содержаніе жизни, дополнивъ «разумъ» энциклопедистовъ чувствомъ и фантазіей, этими основами грядущаго романтизма. Они привели его къ «жизни за правду», къ «сладострастью грезъ» о лучшемъ будущемъ: оттого онъ такъ неотразимо дѣйствовалъ на молодежь. Этотъ деревенскій «медвѣдь» съ адской ненавистью отнесся къ лживому «свѣту», къ исковерканному обществу привилегированныхъ: вмѣстѣ съ нимъ, онъ проклялъ и всю цивилизацію, за ея пороки; его догматами стали нѣмая природа и созданный его устами идиллическій «дикарь». «Новый Діогенъ» воспиталъ въ себѣ, въ пустынности своего бытія, пламенную любовь ко всѣмъ обдѣленнымъ и слабымъ и «неугасимую ненависть къ притѣснителямъ бѣдныхъ людей. Этихъ-то нищихъ духомъ онъ поставилъ вѣнцомъ творенія: «самодержаніе народа», дающаго власть правителямъ по «договору», его полное равенство со всѣми, терпимость къ ближнему—вотъ что хотѣлъ поставить пророкъ на развалинахъ прогнившаго стараго строя. Самъ сынъ нищаго, мученикъ отчаянія, Руссо глубже всѣхъ захватывалъ болѣзнь вѣка, смѣлѣе всѣхъ выступалъ съ кореннымъ леченіемъ и жегъ сердца пламенной рѣчью трибуна, писалъ слезами и кровью. Оттого-то къ его, нерѣдко фантастическому, голосу прислушивались и львицы «свѣта», и труженицы избъ. И въ теченіе всей эпохи, да долго и послѣ, мы встрѣчаемся, на каждомъ шагу, съ «руссоизмомъ», притомъ не только въ политикѣ, но также въ литературѣ, искусствѣ, въ нравахъ всего міра.

Если энциклопедисты, съ ихъ «вольтерьянствомъ», надѣялись подправить существующій строй особенно съ помощью свободы и создали начало *революціи* лишь по необходимости, то Руссо отразился въ ея разгарѣ, въ полнотѣ ея силъ. Этотъ переворотъ былъ неизбѣженъ: старый строй допускалъ «философію», лишь какъ обязательную и красивую моду, какъ литературное явленіе; онъ былъ неспособенъ претвориться, дать просторъ новорожденнымъ силамъ исторіи. Это стало очевиднымъ и для ребенка уже въ 1781 г., когда либеральный министръ финансовъ, Неккеръ, былъ вторично уволенъ за то, что этотъ «протестантишка» немного сократилъ расходы двора да совѣтовалъ королю дать «народу маленькое участіе въ управленіи». Вскорѣ старый строй понялъ необходимость уступить этому противному «духу нововведеній»; но онъ все опаздывалъ, надѣясь обмануть проснувшійся народъ обѣщаніями. И кончилось созваніемъ «генеральныхъ штатовъ» или государственныхъ чиновъ—этого стараго земскаго собора, который назвался небывалымъ именемъ *конституанты* или «національнаго» собранія для начертанія «конституціи», т.-е. новаго государственнаго уложенія. День открытія новаго учрежденія, 5-ое мая 1789 года, принято считать эрой великой французской революціи.

Въ тотъ день Бонапартъ томился въ Озонѣ, въ самыхъ тяжелыхъ условіяхъ жизни поручика захолустнаго гарнизона. Въ Валансѣ было еще сноснѣе. Тамъ нашъ офицеръ сначала даже отдавалъ дань юности. Онъ посѣщалъ мѣстную аристократію, взялъ нѣсколько уроковъ танцованія, наконецъ, влюбился-было въ одну дебелую дѣвицу съ задорнымъ личикомъ: «Я тоже когда-то любилъ!» говорилъ онъ потомъ съ удивленіемъ. Поручикъ почитывалъ романы и немного сантиментальничалъ: «Вертера» Гёте онъ проглотилъ пять разъ подъ-рядъ. Но не прошло и полугода, какъ неугомонный юноша опять погрузился въ работу и затосковалъ. Рукой покаянника написалъ онъ тогда: «Любовь—бредъ, болѣзнь: я даже считаю ее вредной для всего человѣчества вообще и для каждаго человѣка въ отдѣльности... Царю міра, мужчинѣ, недостойно томиться въ цѣпяхъ существа слабѣйшаго и разумомъ, и тѣломъ. Развѣ довѣрятъ защиту осажденнаго отечества или государственную тайну безвольному ребенку, который волнуется отъ одного движенія другого лица?...»

Бонапартъ работалъ усердно, но не въ ожидаемомъ нами направленіи. Военная служба вообще не нравилась ему за свою рутину и мелочность: разъ онъ попалъ подъ арестъ за нерадѣніе. Поручикъ старался запастись только практическими свѣдѣніями, особенно по

артиллеріи, какъ орудіями карьеры, ремесла. Его занимали больше исторія да географія, а главное—литература. Онъ поглощалъ массу книгъ, черкалъ ихъ на поляхъ, дѣлалъ выписки, вдумывался. Тутъ были древніе и французскіе классики, въ особенности же энциклопедисты, экономисты, итальянскіе филантропы. Но больше всего отдавалась дань тогдашнему властителю думъ: дамы даже сравнивали задумчивый взглядъ красиваго поручика со взорами пророка Просвѣщенія. Загнанному бѣдняку нравилось и уничтоженіе «привилегированныхъ», и самодержавіе народа съ его свободнымъ договоромъ. Онъ началъ было писать жестокое разсужденіе противъ абсолютизма.

Но и чтеніе запоемъ не могло заморить червяка честолюбія. Угрюмый поручикъ чуждался даже товарищей. Въ его дневникѣ прорывались такія фразы: «Вѣчно одинокій среди людей, возвращаюсь я домой мечтать съ самимъ собой, отдаваться всей силѣ моей тоски... Жизнь въ тягость мнѣ; радости бѣгутъ отъ меня; все для меня—мученіе. Люди, съ которыми я живу, далеки отъ меня нравомъ, какъ блескъ луны отъ свѣта солнца. Еслибы поперекъ моей дороги стояла одна только чья-либо жизнь, я не задумался бы вонзить клинокъ въ грудь тирана и тѣмъ отомстить за мою отчизну и за попранные законы».

И немудрено было тосковать. Нашъ поручикъ прибылъ въ Валансъ наполовину пѣшкомъ, вмѣстѣ съ своимъ любимцемъ, братомъ Люп; и оба должны были жить на 3 фр. въ день. Въ Дуэ онъ схватилъ болотную лихорадку, которая мучила его 7 л. и разъ чуть не уложила въ могилу. Въ Озоннѣ онъ сталъ аскетомъ отъ безденежья, ѣлъ разъ въ день, спалъ 6 ч. А тутъ худыя вѣсти изъ Корсики: мать чуть не голодала съ кучей непристроенныхъ дѣтей.

Бонапартъ метался, какъ левъ въ клѣткѣ. Не забудемъ, что онъ причислялъ себя къ «философамъ»; а ихъ аксіомой было всемогущество Разума, въ смыслѣ личности, которая будто можетъ сразу передѣлывать учрежденія и нравы. Къ тому же нашъ поручикъ раздражалъ себя чтеніемъ о великихъ полководцахъ и правителяхъ, да о таинственномъ Востокѣ, который ждетъ новаго Александра, а покуда обогащаетъ ненавистную Англію. Бонапартъ закидывалъ начальство назойливыми просьбами въ пользу семьи, причемъ лукавилъ и привиралъ; но ему даже не отвѣчали. Бѣдняга хватался за литературные труды; но онъ не умѣлъ писать и не находилъ издателей. Впослѣдствіи онъ тщательно истреблялъ это бумагомаранье, пропитанное пылкимъ революціоннымъ духомъ. Наконецъ, Бонапартъ самолично являлся внезапно то въ Парижѣ, то въ Корсикѣ,

пользуясь отпусками, непостижимыми даже при тогдашней анархіи въ войскахъ. Но всюду неудачи: и честолюбецъ готовъ былъ драться съ турками на русской службѣ. Екатерина II не обратила вниманія на его предложеніе. Однако Бонапартъ не отчаивался. Когда Летиція плакалась на бѣдность, онъ утѣшалъ ее такъ: «Отправлюсь въ Индію—и черезъ нѣсколько лѣтъ возвращусь набобомъ, привезу хорошее приданое всѣмъ тремъ сестрамъ».

А волны революціи уже подымались всюду. По провинціямъ вспыхивали бунты; броженіе овладѣвало даже IV полкомъ въ Озоннѣ. Была уже въ огнѣ и Корсика. Нашъ поручикъ бросился туда.

Летиція не узнала своего любимца. Прежде она съ трудомъ переносила его туманныя фантазіи и чванство новою философіей; теперь же она увидѣла передъ собой осторожнаго практика, который смѣло и ловко хватался за жизненные опыты. То была прелюбопытная пора въ жизни Бонапарта, но неясная: потомъ онъ самъ всячески заметалъ ея слѣды. Въ эти-то 6 л. (1789—1795) обнаружились въ немъ рѣдкая самоувѣренность и отвага, лукавство и честолюбіе. Онъ говорилъ тогда въ своей семьѣ: «Кто не согласился бы съ радостью умереть подъ ударами кинжаловъ, лишь бы сыграть роль Цезаря? Одинъ лучъ славы, выпавшій на долю великаго человѣка, былъ бы достаточнымъ вознагражденіемъ за насильственную смерть». А своимъ политическимъ товарищамъ онъ проповѣдовалъ: «Законъ подобенъ статуямъ боговъ, которыя иногда приходится окутывать завѣсой». Нашъ поручикъ задумалъ овладѣть Корсикой, но въ то же время не разрывать съ ея поработительницей. «Стану я, думалъ честолюбецъ, главаремъ якобинства—и революція наградитъ меня во Франціи. Освободится Корсика—и я перейму роль Паоли.» Отсюда—замѣчательная двойная игра. Благодаря ловкимъ прошеніямъ, Бонапартъ большую часть времени провелъ въ отлучкахъ, и отчасти безъ разрѣшенія начальства. А самъ все воевалъ съ Франціей. Онъ превратилъ клубъ «патріотовъ» въ очагъ якобинства и независимости острова. Но сначала дѣло дальше не пошло: ревизоръ Учредительнаго Собранія назвалъ этихъ патріотовъ «самыми презрѣнными людьми». Бонапартъ возвратился въ Озоннъ: и ему не только простили все, но и сдѣлали штабсъ-капитаномъ, съ 1.300 фр. жалованья.

Настала прежняя нищета, опять съ Люи, да грызня червяка и гореванье о голодающей семьѣ. Смутьянъ развлекался только посѣщеніемъ мѣстныхъ якобинцевъ да болтовней съ крестьянами; въ то же время онъ дружилъ съ сельскими батюшками и ходилъ къ нимъ на исповѣдь. Вскорѣ Бонапартъ былъ переведенъ въ знакомый Ва-

лансъ, гдѣ стало еще хуже: даже жалованье стали платить неаккуратно. А долина Роны становилась очагомъ радикализма. «Южная кровь струится въ моихъ жилахъ столь же быстро, какъ въ Ронѣ!» воскликнулъ штабсъ-капитанъ—и сталъ предсѣдателемъ мѣстнаго якобинскаго клуба. Затѣмъ онъ вдругъ забралъ жалованье впередъ, выхлопоталъ отпускъ и снова очутился въ Аяччьо. Здѣсь возобновились интриги и волненія пуще прежняго. Послѣ подкуповъ, обольстительныхъ словъ, даже дракъ, причемъ былъ побитъ его же другъ, Поццо ди-Борго, Бонапартъ былъ выбранъ въ начальники національной гвардіи. И отъ него житья не стало: онъ билъ ультрамонтановъ, захватилъ ихъ монастырь, чуть не овладѣлъ цитаделью Аяччьо. Наконецъ и корсиканцы, и парижскіе комиссары спровадили буяна съ острова, снабдивъ его деньгами и отличными аттестаціями.

Въ маѣ 1792 г. явился въ Парижъ французскій штабсъ-капитанъ и корсиканскій подполковникъ. Но тщетно просилъ онъ мѣстечка: самъ военный министръ призналъ его поведеніе «крайне предосудительнымъ». Бонапартъ закладывалъ свои пожитки, собирался снимать квартиры. Его спасла опять революція. Она объявила войну Австріи, а эмиграція такъ ополовинила офицерство, что пришлось все простить дезертиру. Бонапартъ былъ произведенъ въ капитаны IV полка. Но онъ не спѣшилъ къ полку, который былъ уже въ огнѣ: онъ опять получилъ отпускъ и въ четвертый разъ появился на Корсикѣ. Тогда якобинцы уже овладѣли Франціей, подъ видомъ конвента. Бонапартъ сталъ вести себя на родинѣ, какъ ихъ посланецъ,—горделиво и повелительно. Но—еще неудача! Вся Корсика вознегодовала на измѣнника. Разъяренная чернь бросилась на имѣнія Бонапартовъ.

Въ іюнѣ 1793 г. семья Бонапартовъ бѣжала въ Тулонъ. Здѣсь якобинцы пристроили Жозефа въ армію, «Робеспьерика»-Люсьена и Феша—въ комиссаріатъ; Люи попалъ въ военную школу. Самъ Наполеонъ поспѣшилъ въ Ниццу, къ Брюну, начальнику «итальянской» арміи, выставленной противъ сардинцевъ: его назначили капитаномъ на береговую батарею. Положеніе французскихъ войскъ было тяжело, въ виду борьбы конвента со всею монархическою Европой. Ихъ «14 армій» были плохо снаряжены. Не хватало даже вооруженія: Брюнъ послалъ Бонапарта въ Авиньонъ за пушками. А внутри страны подымались враги якобинства—роялисты на сѣверѣ, умѣренные республиканцы на югѣ. Противъ послѣднихъ конвентъ выслалъ новую армію, съ генераломъ Карто. Сюда-то прибылъ Наполеонъ. У Карто было такъ мало офицеровъ, что онъ оставилъ его у себя, давъ ему батарею. Двинувшись самъ къ Марсели, онъ оставилъ капитана въ Авиньонѣ для устройства артиллерійскаго парка.

Среди безшумной работы въ средневѣковомъ городкѣ, Бонапартъ вдумался въ событія. Корсика исчезала съ его горизонта; въ Европѣ кипѣла борьба, озарявшая славой какого-нибудь Пишегрю—презрѣннаго товарища по Бріенну. А онъ не могъ даже прокормить свою семью: умѣренные республиканцы успѣли овладѣть Тулономъ—и Летиція бѣжала въ Марсель, питаясь чуть не подаяніемъ. Корсиканецъ сталъ французскимъ искателемъ приключеній: онъ попросился въ рейнскую армію. Но конвентъ занятъ былъ тогда паденіемъ Тулона, который попалъ въ руки англичанъ съ помощью умѣренныхъ республиканцевъ. Карто двинулся на выручку города. Къ нему напросился нашъ капитанъ, въ ожиданіи перевода на Рейнъ. Онъ вселилъ необычайное рвеніе въ дремавшую осадную артиллерію, и осаждавшіе рѣшились перейти въ наступленіе. Наканунѣ, на военномъ совѣтѣ, завязались горячіе споры. И юный капитанъ увидѣлъ «всю нашу глупость, все невѣжество, всѣ страстишки и предразсудки штабныхъ», какъ доносилъ онъ конвенту. Наконецъ, былъ принятъ его планъ—и «Малый Гибралтаръ» былъ живо разнесенъ. Самъ капитанъ выказалъ отчаянную храбрость: подъ нимъ пало три коня. «Меня считали неуязвимымъ; и я поддерживалъ это мнѣніе, скрывая легкія раны», говорилъ онъ потомъ. Начальство восхваляло передъ конвентомъ «замѣчательныя» достоинства «этого рѣдкостнаго офицера».

Бонапартъ началъ проявлять и другія качества. Господство якобинцевъ стало тогда «терроромъ», ужасомъ. Люди теряли голову, ударяясь въ крайности. А юный капитанъ сталъ сдержанъ, остороженъ. Онъ устранился отъ политики и зарылся въ свое дѣло, изучая берега отъ Тулона до Ниццы. Онъ началъ также очаровывать людей: въ него уже вѣрилъ не одинъ Робеспьеръ-Младшій, но и Барра, Мармонъ, Жюно. «Повысьте его, не то онъ самъ возвысится», писалъ Барра конвенту. Въ началѣ 1794 «гражданинъ» Бонапартъ былъ произведенъ въ бригадные генералы, съ назначеніемъ начальникомъ артиллеріи итальянской арміи.

Въ этой арміи (67.000) дивизіоннымъ генераломъ былъ Массена, едва ли не лучшій полководецъ эпохи. Онъ вытѣснилъ австрійцевъ и сардинцевъ изъ Приморскихъ Альпъ и уже захватилъ перевалъ Тенду. Тутъ его остановилъ «представитель народа», Робеспьеръ-Младшій. Его пріятель, Бонапартъ, началъ распоряжаться арміей. Онъ пустилъ Массену въ огонь, а самъ недурно проживалъ въ Ниццѣ съ своей семьей. Наконецъ-то карьера обезпечивалась; но вдругъ разразился самый страшный ударъ: 9 термидора (іюля) скатились головы обоихъ Робеспьеровъ; «термидорцы» сразу покончили съ тер-

ромъ. Бонапартъ поспѣшилъ заявить, что еслибъ онъ зналъ о замыслахъ Робеспьера, онъ «не задумался бы вонзить ему кинжалъ въ сердце, хотя бы то былъ его родной отецъ». Но его заточили въ одинъ фортъ на югѣ. Онъ отправилъ оттуда трогательное посланіе въ конвентъ, гдѣ говорилъ, что только мысль объ отечествѣ заставляетъ его выносить «столь тяжкое бремя», какъ его жизнь. Между термидорцами оказались такіе пріятели, какъ Барра. Черезъ двѣ недѣли генералъ былъ выпущенъ изъ форта, но отправленъ въ Ниццу, какъ опальный. Когда онъ опять завелъ тамъ коро[illegible]скія интриги, его опозорили назначеніемъ въ пѣхоту, да еще въ Ва[illegible]ж, для безславныхъ схватокъ съ мятежниками, шуанами, возставшими за короля.

Седьмой разъ судьба напоила, повидимому, смертельный ударъ. Но она не могла сломить человѣка, про котораго пріятели уже говорили, что онъ кончитъ или троном, или эшафотомъ. Онъ самъ рисовалъ себя тогда такъ: «Я теперь словно наканунѣ сраженія. Твердая увѣренность, что двумъ смертямъ не бывать, одной не миновать, убѣждаетъ въ безразсудствѣ задумываться о будущемъ. Все складывается такъ, что я долженъ пренебрегать и своей судьбой, и смертью». Бонапартъ отказался отъ Ванден и былъ уволенъ. 2-го мая 1795 нашъ юный генералъ прибылъ въ Парижъ, опять съ своимъ Люп, по кромѣ того еще съ преданнымъ Жюно и Мармономъ.

Бонапартъ былъ пораженъ радостнымъ настроеніемъ столицы, которая «помнила о террорѣ не больше, какъ о сновидѣніи». Все ликовало, веселилось, наслаждалось, какъ при безпечномъ старомъ порядкѣ. Воскресли и салоны прелестницъ. Одинъ изъ нихъ держала вдова гильотинированнаго конвентомъ генерала Богарнэ, креолка Жозефина: онъ служилъ центромъ зарождавшейся военной знати, съ ея игрой въ высшую политику. То пировала новая буржуазія, цвѣтъ которой назывался «золотой молодежью». Она примыкала къ термидорцамъ и къ эмигрантамъ, которые возвращались толпами и уже имѣли своего полководца въ лицѣ роялиста Пишегрю. Начиналась «контръ-революція». Она отражалась уже и въ военныхъ дѣлахъ. Передъ тѣмъ революція совершила чудеса доблести и принудила Пруссію къ Базельскому миру (апрѣль 1795), который доставилъ французамъ лѣвый берегъ Рейна. Теперь же побѣдители словно окаменѣли: Пишегрю съ Журданомъ заключили съ Австріей ненужное перемиріе.

Роялистическая реакція воскресала такъ быстро, что республиканцы уже боялись назначить президента, который какъ разъ превратился бы въ Монка: они устроили пятиглавую *директорію*,

душой которой сталъ Барра. Роялисты не вытерпѣли: они дали республикѣ первую битву, названную *13-мъ вандемьеромъ* (5 октября 1795). У нихъ былъ свой генералъ—Пишегрю; директоріи судьба послала полководца въ лицѣ его школьнаго товарища.

Бонапартъ уже около полугода слонялся въ Парижѣ безъ дѣла. Онъ опять бѣдствовалъ. Онъ жилъ въ меблированной комнатѣ, ходилъ къ поношенномъ мундирѣ, занималъ гроши у нелюдимаго Жюно, пробовалъ торговать книгами и церковными имуществами—на деньги Жозефа, женившагося на дочери трактирщика. За исключеніемъ Жозефа, бѣдовала вся семья: сестры голодали съ Летиціей въ Марсели; Люсьенъ даже попалъ въ тюрьму. Опальный генералъ осаждалъ министерство прошеніями съ жалкими показаніями о своей службѣ да съ гигантскими планами. Министерство называло эти затѣи «химерами», хотя въ числѣ ихъ былъ планъ итальянскаго похода. Бонапартъ то мечталъ о роскоши, то слушалъ курсъ астрономіи, то сватался за богатую сестру жены Жозефа, которая однако предпочла Бернадота. Онъ даже просился на службу къ султану и готовъ былъ продать себя англійской ость-индской компаніи. Иногда онъ боялся еще худшаго: видныхъ якобинцевъ все арестовывали да казнили. И вотъ Бонапартъ набрасываетъ консервативныя статейки и требуетъ «раскаянія» даже отъ своихъ друзей по якобинству. А въ душѣ—мучительный знакомый голосъ: «воинъ долженъ или срывать лавры, или умирать на ложѣ славы». Бонапартъ чуждался общества. Онъ посѣщалъ только Барра, который вдругъ сталъ душой золотой молодежи и другомъ элегантныхъ красавицъ, въ особенности же Жозефины Богарнэ. «Мнѣ надо было уцѣпиться за кого-нибудь и за что-нибудь», говорилъ потомъ Бонапартъ.

Здѣсь зацѣпилось сердце страстнаго корсиканца. Всѣ чуждались этого страннаго, изможденнаго юноши съ волосами до плечъ, съ пронзительнымъ взглядомъ, съ искривленными губами, съ казарменными манерами. «Онъ, кажется, желаетъ властвовать надо всѣмъ; его взоръ смущаетъ даже нашихъ директоровъ (писала Жозефина подругѣ). Онъ полонъ самомнѣнія до смѣшного; но оно до того опутываетъ меня, что я считаю возможнымъ все, чего ни пожелаетъ этотъ странный человѣкъ. Барра увѣряетъ, что добудетъ генералу начальство надъ итальянской арміей, если онъ женится на мнѣ. А Бонапартъ сказалъ мнѣ: «Такъ по-ихнему мнѣ нуженъ покровитель! Погодите, они сами будутъ преисчастливы, если я захочу стать ихъ покровителемъ. При мнѣ сабля, а съ нею я далеко пойду!» Неопытная прелестница-аристократка уронила поощрительный взоръ, промолвила ласковое слово: солдатъ-пролетарій, желавшій войти въ

Орловская Центральная

«высшее общество», потерялъ голову отъ жгучей, непривычной страсти. Въ мрачномъ честолюбцѣ еще не совсѣмъ изгладились слѣды «чувствительности» и «идеологіи». Въ его походной сумкѣ еще хранился экземпляръ Руссо; на всей его фигурѣ еще лежалъ отпечатокъ идеализма революціи, прикрывая его исполинское *я*.

Этого-то нищаго чудака, безъ роду-племени, безъ отечества и связей, судьба вдругъ возвела на степень спасителя правительства. 4-го октября 1795, выходя изъ театра съ своимъ Жюно, онъ наткнулся на баррикаду роялистовъ. «Ахъ, еслибы парижане поставили меня во главѣ: ручаюсь, что черезъ 2 часа они были бы въ Тюльери! И я выгналъ бы оттуда всѣхъ этихъ негодныхъ членовъ конвента», воскликнулъ онъ. Въ эту самую минуту Барра уговорилъ Карно довѣриться «корсиканскому офицерику, который не поцеремонится». На другой день Бонапартъ спасъ членовъ конвента, выступивъ съ 5.000 солдатъ противъ 20.000 забаррикадированныхъ мятежниковъ. Онъ искусно пустилъ въ ходъ перекрестный огонь картечи, а самъ являлся на конѣ всюду, гдѣ кипѣлъ бой. Часа въ четыре все было кончено; парижанъ погибло не больше двухъ сотенъ.

Бонапартъ сталъ главнокомандующимъ «внутренней» арміи. Его имя загремѣло по Европѣ; онъ сдѣлался «роковымъ человѣкомъ». Его вѣра въ свою «звѣзду» становилась дерзкой. Онъ началъ подписываться *Bonaparte*: «Buonaparte» выдавало его итальянское происхожденіе. Его четкій почеркъ превращался въ неразборчивыя каракули. На семью полился золотой дождь. Люи сталъ поручикомъ; Жозефу обѣщано мѣсто консула; Жерома помѣстили въ военное училище. Бонапартъ раздавалъ мѣста и деньги интереснымъ людямъ всѣхъ партій. Онъ всѣмъ льстилъ, всѣхъ очаровывалъ, даже ухаживалъ за дамами, сталъ чуть не великосвѣтскимъ львомъ. Но къ концу этого года превращеній «фатальный» вдругъ погрузился въ прежнюю задумчивость, сталъ опять нелюдимъ, неуклюжъ, первенъ и грозенъ. Директорія смутилась. Ее вывелъ изъ оцѣпенѣнія Барра, узнавшій отъ своей пріятельницы, въ чемъ дѣло.

Дочь богатаго французскаго плантатора на о. Мартиникѣ, *Жозефина*, питомица парижскаго монастыря, 16-ти лѣтъ была выдана замужъ за генерала Богарнэ. Вскорѣ она разошлась съ мужемъ, оставивъ при себѣ своихъ дѣтей, Евгенія и Гортензію. Богарнэ былъ казненъ, какъ маркизъ; его вдова попала въ тюрьму. Ее освободила золотая молодежь: и она тотчасъ выдвинулась среди ея вѣтреныхъ прелестницъ. Жозефина уже отцвѣтала: ей было теперь 32 г. Но опытная кокетка умѣла еще околдовывать даже такихъ пресы-

щенныхъ сластолюбцевъ, какъ Барра, который устроилъ ей роскошный отель. Здѣсь эта маленькая, граціозная женщина увлекала львовъ новаго «свѣта» своимъ задорнымъ личикомъ, а больше гибкостью креолки, искусными парядами да версальской кухней. Но сумасбродные и черезчуръ дорогіе капризы томной очаровательницы уже надоѣдали всемогущему директору: онъ обрадовался внезапной страсти своего страшнаго спасителя. Бонапартъ получилъ должность главнокомандующаго итальянскою арміей. Онъ женился, и на третій день послѣ свадьбы, 11 марта 1796 г., поскакалъ за Альпы.

II.

Чудеса генія въ Италіи. 1796—1799.

Казалось, Бонапартъ летѣлъ на вѣрную гибель. Нельзя было выдумать болѣе неблагопріятныхъ условій. Во Франціи какъ бы не существовало правительства. Въ директоріи господствовали раздоры. Въ казнѣ—ни гроша. Бонапартъ взялъ послѣднее; ассигнаты ничего не стоили, и ихъ подрывали еще англійскія фальшивыя бумажки. Всюду свирѣпствовалъ голодъ. Не лучше было въ войскахъ. Тяжко было даже рейнскимъ арміямъ, на которыхъ Карно сосредоточилъ все свое вниманіе, поручивъ ихъ лучшимъ генераламъ — Гошу, Моро и Журдану, разгромившимъ первую коалицію. Ихъ оттѣснилъ къ границамъ единственный свѣжій человѣкъ у австрійцевъ—братъ Франца II, эрцгерцогъ Карлъ. Внезапно умеръ «французскій Вашингтонъ», благородный и геніальный Гошъ,—говорятъ, отъ отравы, которую приписывали то Бонапарту, то Пишегрю. Французы ждали спасенія лишь отъ заброшенной итальянской арміи. А она была маленькая (38.000 и 30 пушекъ), голодная, полунагая. И противъ нея стояли, въ порядкѣ, четыре австрійскія арміи, опиравшіяся на цѣпь неприступныхъ крѣпостей. Ихъ охранялъ съ суши изворотливый «привратникъ Альпъ», сардинскій король, а съ моря—англійскій флотъ талантливаго, отважнаго Нельсона.

Бонапарту предстояла невозможная задача. Но ему, какъ всегда, помогли, прежде всего, враги. Австрія представляла собой средневѣковую развалину. Францъ II, хотя и сверстникъ Наполеона, былъ олицетвореніемъ бездарной старины, игрушкой іезуитовъ и эмигрантовъ. Его арміи въ Италіи были вооружены рухлядью. Ими командовали такіе рутинеры, какъ 72-лѣтній Больё; да и тѣ не смѣли сдѣлать шагу безъ приказа тупицъ придворнаго совѣта въ Вѣнѣ. Вдо-

бавокъ австрійцы ревновали сардинцевъ. И они не принимали предосторожностей противъ «мальчишки» и его «стада бараповъ».

Въ рукахъ Бонапарта были и свои условія успѣха. Онъ отлично зналъ театръ войны съ 1794 г. и всю зиму составлялъ планы и особенно карты, о которыхъ непріятель не имѣлъ и понятія. У него была и лучшая въ свѣтѣ армія, давно поставленная имъ же самимъ въ прекрасныя позиціи. То было невиданное «поголовное ополченіе» конвента, самъ народъ подъ ружьемъ. Эти молодые, смѣтливые, легкіе «босоножки» распѣвали свою рыдающую «Марсельезу» и повторяли лозунгъ революціи: «война дворцамъ, миръ избамъ!» Они пришли освобождать своего брата, итальянскаго «каналью», отъ «тирановъ». И вездѣ дѣти засыпали ихъ цвѣтами, а итальянки кидались имъ въ объятія.

Такой арміи соотвѣтствовали вожди. Тутъ былъ самъ *Массена*, «любимое дитя побѣды», бывшій корсаръ и контрабандистъ, алчный плутъ, но первоклассный военный талантъ и отважный рубака; онъ, говорили, просвѣтлялся при громѣ пушекъ. Подлѣ — наперсникъ Бонапарта, *Ожеро*, хотя и плохой, мало способный разсуждать генералъ, но отчаянный и жестокій храбрецъ, который улыбался ядрамъ и прошелъ огнь и воду, нигдѣ не задумываясь ни на минуту. Этотъ сынъ каменщика, великанъ ростомъ, гимнастъ, дуэлистъ, кутила, дезертиръ монархіи, приказчикъ женевскихъ купцовъ, побывавшій и въ тюрьмахъ португальскихъ инквизиторовъ, и танцмейстеромъ въ Неаполѣ—тотъ самый «мужикъ въ салонѣ», съ лицомъ висѣльника, завистливый и ревнивый, который сталъ маршаломъ и герцогомъ Кастильонскимъ при имперіи и пэромъ—при реставраціи, а тогда изображалъ собой яраго якобинца. Адъютантами Бонапарта были: скромный, мужиковатый, горячій и покучивавшій *Жюно*, привязавшійся къ нему, какъ собака, будучи еще сержантомъ въ Тулонѣ, талантливый, но нерѣдко вялый, небрежный *Мармонъ*, этотъ пророкъ еще непризнаннаго генія Наполеона, и *Мюратъ*. Сынъ трактирщика, беззастѣнчивый Мюратъ съ самаго начала службы проворовался и выдалъ своего начальника; при терроръ онъ называлъ себя Маратомъ, а потомъ помогалъ термидорцамъ и, наконецъ, сталъ адъютантомъ Бонапарта и женился на его сестрѣ Каролинѣ—полной и пышной дамѣ. Съ тѣхъ поръ въ немъ разгорѣлось дьявольское честолюбіе; его называли «гасконскимъ лакеемъ и макаронпымъ королемъ». Но онъ всегда оставался искреннимъ, добродушнымъ, мягкимъ съ покорепными. Этотъ великанъ, съ черными, какъ уголь, глазами и волосами, былъ идеалъ кавалериста, царь модъ и наслажденій, тщеславный, но великолѣпный ру-

бака, созданный равно и для щеголеватыхъ парадовъ, и для кровавыхъ битвъ.

Образцовымъ начальникомъ штаба былъ блестящій, расточительный *Бертье* — бездарный полководецъ, но неустрашимый боецъ, а главное, незамѣнимый хозяинъ арміи и покорный, какъ машина, рабски терпѣливый, работящій, свѣдущій исполнитель. Изъ остальныхъ генераловъ выдѣлялся *Ланнъ*—блестящій мотъ, но храбрецъ, искавшій опасностей, «пигмей, вдругъ ставшій гигантомъ», и нѣжная душа. Ему не уступали симпатичный республиканецъ *Жуберъ* и тихій, застѣнчивый добрякъ, идолъ солдатъ, *Дезэ*, человѣкъ почти съ женскимъ сердцемъ, но всегда готовый, съ львиной отвагой, на смертельныя выходки въ авангардѣ. Не портилъ дѣла и ловкій проныра *Бернадотъ*, хотя это былъ больше дипломатъ, чѣмъ воинъ: этотъ лживый, хвастливый гасконецъ, надменный честолюбецъ, который все обѣщалъ, ничего неисполняя, приписывалъ себѣ чужую славу и упорно шелъ къ своей корыстной цѣли, вскорѣ сталъ злобно поглядывать на своего начальника, завидѣвъ въ немъ счастливаго соперника-проходимца; но пока онъ вѣрно и дѣльно служилъ ему. Всѣ эти генералы, вчера еще ничтожества, дружили съ офицерами; а офицеры ѣли изъ одного котла съ солдатами, шли боскомъ, рядомъ съ ними, съ сумками за плечами.

Наконецъ, противъ австрійцевъ и сардинцевъ стоялъ уже во весь ростъ самъ Наполеонъ Бонапартъ. Правда, никакой геній не творитъ изъ ничего. До него создались революціонныя идеи, а съ ними—проповѣдь свободы и естественныхъ границъ: то была душевная потребность націи, вдругъ поюпѣвшей, сбросившей съ себя вѣковыя цѣпи. До него пришли французы въ Италію, гонимые первою коалицей. Не его и самый перлъ военнаго искусства: роясь въ архивахъ, въ злополучную зиму въ Парижѣ, онъ нашелъ планъ похода у маршала Мальбуа, который находился въ Италіи, въ 1745 году, точно въ такомъ же положеніи.

Не его знаменитая новая тактика, перевернувшая военное искусство. Она—дѣло націи и обстоятельствъ: въ сущности, это—Эпаминондова система клина, пробоины, неизбѣжная при борьбѣ съ гораздо болѣе многочисленнымъ непріятелемъ. Новая тактика воплотилась тогда въ незабвенномъ Карно. Этотъ-то геніальный тружникъ всегда сначала «подготовлялъ» битву, тщательно изучивъ мѣстность и силы непріятеля и пробивая «брешь» въ его рядахъ сосредоточеннымъ огнемъ артиллеріи; а затѣмъ слѣдовала стремительная аттака въ штыки, это Дантоновское дерзновеніе. Онъ-то ввелъ

натискъ массами: «искусство генерала, говаривалъ онъ,—всегда встрѣчать врага съ превосходными силами». У него всѣ 14 армій дѣйствовали то врозь, то слитно, словно полки на полѣ битвы: безъ палатокъ и обозовъ, онѣ, какъ вихрь, переносились съ мѣста на мѣсто, уже до боя поражая нравственно неповоротливыхъ генераловъ монархій. Карно же создалъ лучшую въ свѣтѣ артиллерію, положилъ основы славной кавалеріи, устроилъ образцовое интендантство, которое лучше содержало солдатъ, чѣмъ въ 1870 году. Наконецъ, онъ далъ Франціи плеяду военныхъ звѣздъ. Отмѣна привилегій дворянъ на офицерскія мѣста произвела и здѣсь «патріотическое очищеніе»: старыя родовитыя бездарности были замѣнены молодыми талантами снизу, которые получали чины, за заслуги, изъ недѣли въ недѣлю. Карно создалъ и уже упомянутыхъ нами, и многихъ другихъ сподвижниковъ нашего героя, да и его самого.

Такъ Бонапартъ былъ орудіемъ исторіи, исполнителемъ задачъ, назрѣвшихъ до него. Но только онъ могъ исполнить ихъ такъ блистательно. Юный генералъ провелъ дѣло съ такой предусмотрительностью, рвеніемъ и тонкостью, что самъ Массена не могъ найти ни малѣйшей ошибки и сталъ благоговѣть передъ новымъ свѣтиломъ войны. А босоножки уже увѣровали въ его «звѣзду» и готовы были идти за нимъ въ самый адъ. Сочувствовала ему и интеллигенція. Онъ еще мечталъ о чистой славѣ Паоли, какъ возродителя человѣчества. Онъ воззвалъ къ итальянцамъ: «Французская армія пришла разорвать ваши цѣпи. Французскій народъ—другъ всѣхъ народовъ: идите навстрѣчу ему! Мы воюемъ только съ тиранами».

Босоножки тиграми бросились на разбросанныя позиціи непріятеля. Они катились съ горъ лавой, нанося неожиданные удары направо и налѣво. Оторопѣлыхъ австрійцевъ не столько били, сколько брали въ плѣнъ, какъ стада барановъ. Въ двѣ апрѣльскія недѣли 1796 г. сардинцы замирились, отдавъ Франціи Ниццу и Савойю. Миланъ встрѣтилъ побѣдителей, какъ героевъ-спасителей. Ломбардія стала вассаломъ Франціи; Тоскана припяла ея гарнизоны; Неаполь отказался отъ англо-австрійскаго союза. И Нельсонъ покинулъ Корсику, чтобы прикрыть Ирландію отъ высадки французовъ. Загремѣла по свѣту слава «рокового человѣка», какъ настоящаго полководца; солдаты же окрестили его ласковымъ именемъ «капральчика». А въ его головѣ, по собственному признанію, зародилась дерзкая мысль: «Теперь никто не задается великими замыслами; надо будетъ подать примѣръ». Его скромныя донесенія директорамъ вдругъ замѣнились напыщенными и дерзкими посланіями.

И все это была только присказка: сказкой была осада Мантуи,—

неприступной крѣпости, на озерѣ, среди болотъ, съ гарнизономъ, почти равнымъ всей арміи французовъ. Тутъ австрійцы проявили невиданную энергію: они высылали на выручку крѣпости все свѣжія и отличныя войска. Но и Наполеонъ развернулъ всю силу своего генія. Онъ одерживалъ побѣды даже дерзкими хитростями. Вѣтъ эпосомъ отъ 3-дневнаго боя изъ-за моста у Арколэ, гдѣ были переранены почти всѣ генералы и чуть не погибъ самъ вождь, увязнувъ въ болотѣ, когда онъ кинулся на узенькій мостъ впереди всѣхъ, съ знаменемъ въ рукахъ, подъ градомъ пуль и картечи. Всего черезъ 8 мѣсяцевъ Мантуя сдалась, въ началѣ 1797 г.

Побѣдители не отдохнули: на нихъ шла отборная армія съ эрцгерцогомъ Карломъ во главѣ. Они бросились въ Тироль. Карлъ смутился и надѣлалъ ошибокъ. Бонапартъ сметалъ врага по дорогѣ, даже «надъ облаками». Наконецъ, онъ перевалилъ черезъ Карнитійскія Альпы и достигъ Леобена, въ 150 в. отъ Вѣны. Здѣсь остановились побѣдители, истомленные, забытые Франціей, среди возстающаго кругомъ населенія. Бонапартъ отправилъ Карлу «философское» посланіе: онъ предлагалъ миръ, «гордясь гражданскимъ вѣнкомъ больше, чѣмъ печальною военной славой». Начались переговоры. Но австрійскій дипломатъ Кобенцль все торговался. «Если Австрія желаетъ войны, то въ три мѣсяца она станетъ грудой осколковъ!» крикнулъ ему Наполеонъ и хлопнулъ о земь дорогую фарфоровую вазу, а самъ выбѣжалъ, чтобы не расхохотаться. Тотчасъ были подписаны убійственныя для Габсбурга условія.

Итальянскій походъ кончился. «Солдаты! Вы выиграли 14 генеральныхъ сраженій и 70 битвъ, взяли болѣе 100.000 плѣнныхъ и 2.500 орудій. Вы обогатили музеи Парижа 300-ми перловъ искусства. Вы кормились и оплачивались контрибуціями съ покоренныхъ странъ, да еще послали 30 милл. въ казну». Бонапартъ былъ въ правѣ говорить такъ горделиво, но, къ прискорбію, съ новой зловѣщей ноткой: итальянскій походъ имѣетъ міровое значеніе.

Тогда всѣ познали Наполеона, какъ зеркало «начала вѣка», съ яркими чертами переходной эпохи. Съ одной стороны, то было еще «дитя революціи», которое озарялось догоравшими лучами юности и лучшихъ завѣтовъ Просвѣщенія. «Капральчикъ» былъ еще воплощеніемъ «третьяго чина». Онъ жилъ въ неусыпныхъ трудахъ, ходилъ чуть не въ рваныхъ мундирчикахъ, ѣлъ, что попало; и чисты были его руки среди награбленныхъ сокровищъ. Онъ еще перечитывалъ «Новую Элоизу» и «Вертера», и пылалъ юношеской страстью къ своей «восхитительной» Жозефинѣ. Онъ рисковалъ жизнью наравнѣ съ послѣднимъ солдатикомъ, два раза чудомъ спасся

отъ смерти, два —отъ ильна. Онъ очаровывалъ сослуживцевъ товарищеской простотой, воодушевлялъ поэтическую кисть Гро, превращалъ банкировъ въ поэтовъ фантастическихъ спекуляцій. Онъ съ наслажденіемъ пельмовалъ «этихъ наглыхъ монарховъ, презрѣнныхъ тирановъ своихъ народовъ». Побѣдитель мечталъ о раздѣлѣ Турціи, въ союзѣ съ Россіей, съ тѣмъ, чтобы была возстановлена Польша, а «изъ гробницъ великихъ предковъ Греціи вышелъ Геній Свободы». И когда его мысль впервые касалась обновленія Франціи, ему грезилось, что отсюда выйдетъ «свобода для всей Европы». Особенно задумывался онъ надъ «возстановленіемъ итальянскаго отечества»: его глубоко радовало зарожденіе «національнаго духа» среди итальянцевъ, при которомъ «абсолютизмъ и олигархія станутъ уродствомъ въ глазахъ Европы». И интеллигенція Европы прощала герою первыя замашки цезаризма и макіавелизма.

Эти замашки были, въ свою очередь, знаменіемъ времени. Наставалъ новый періодъ въ исторіи, требовавшій своихъ жертвъ. Идеализмъ Просвѣщенія и революціи долженъ былъ смѣниться прозой практицизма. Реакція должна была проявиться, прежде всего, въ арміи, которой приходилось бороться съ самыми грубыми пережитками стараго строя въ Европѣ. Чтобы раздавить «змѣй» старины, какъ выражались якобинцы, приходилось прибѣгнуть къ безпощадности, озвѣриться, что требовалось и тою быстротой, безъ которой армія Бонапарта не могла бы побѣдоносно драться на всѣ фронты съ массами непріятеля. Да и великіе предшественники нашего героя, Тюренъ, Мальборо, Фридрихъ II, брали своею изумительной безчувственностью, рѣдкимъ жестокосердіемъ.

Важнѣе для будущности всего міра и страшнѣе всего была другая черта, въ которой особенно ярко отражалось наступленіе новой эпохи. Она тѣмъ болѣе поразительна, что обстоятельства вдругъ раскрыли ее во всемъ ея безобразіи. Они требовали, чтобы Бонапартъ, для спасенія рейнскихъ арміи, немедленно ударилъ во флангъ австріяцамъ; да и его голодная армія не могла дольше дрожать въ ледяныхъ ущельяхъ Альпъ. А у него не было никакихъ запасовъ, и всего 48.000 фр. въ штабной кассѣ. И вотъ, магическія словечки революціи замѣнились суровымъ голосомъ кондотьеровъ 14-го в. Когда босоножки взобрались на хребетъ горъ, ихъ вождь издалъ первую прокламацію въ новомъ духѣ: «Солдаты! вы наги, васъ кормятъ впроголодь; правительство много задолжало вамъ и ничего не можетъ дать... Я сведу васъ въ самыя плодоносныя долины въ мірѣ. Передъ вами раскинутся роскошныя области, большіе города: вы найдете тамъ почести, славу и богатство».

И вскорѣ исчезъ симпатичный босоножка: къ концу похода ласкавшіе его сначала итальянцы стали возмущаться у него въ тылу, въ отместку за его грабительства и жестокости. А его генералы начали возить съ собой большіе чемоданы съ золотомъ и мечтать о роли царедворцевъ.

Совершалось превращеніе и въ вождѣ, и опять по неумолимымъ требованіямъ обстоятельствъ. Отъѣзжая изъ Парижа и опустошивъ сундуки правительства, Бонапартъ условился съ директоріей, что его армія будетъ не только содержать сама себя, но и пополнитъ ея казну: онъ зналъ, что въ Италіи, несмотря на отвратительное правительство, хранится много сокровищъ, вѣками скопленныхъ обширною торговлей и воздѣлываніемъ благодатной почвы. Но тутъ лежало зерно цѣлаго европейскаго переворота: генералъ, содержащій свое правительство,—уже диктаторъ на дѣлѣ. Онъ и подсмѣивался надъ нелѣпыми планами операцій, которые вздумала-было посылать ему директорія; онъ даже началъ безъ ея спроса вести дипломатическіе переговоры. Впрочемъ покуда это былъ только Цезарь въ Галліи, кумиръ арміи, лагерь которой становился его передвижнымъ государствомъ. Говорятъ, что юный честолюбецъ, голова котораго кружилась отъ изумительнаго поворота колеса фортуны, уже мечталъ о престолѣ. Если это такъ, то его мысли влеклись къ этой «красавицѣ Италіи», сокровища которой не охранялись дракономъ: итальянцы были жалкая масса, несплоченная, невѣжественная, суевѣрная, забитая. Кстати корсиканецъ радъ былъ отомстить Генуѣ, а якобинецъ радовался случаю сбить спесь съ римскаго первосвященника.

А тутъ самъ собой образовался вокругъ героя отборный отрядъ тѣлохранителей—ячейка знаменитой императорской гвардіи. Вождь отдѣлился отъ своихъ товарищей. Лѣтомъ 1797 года уже возникла «резиденція» новаго повелителя. Пышный дворецъ Монтебелло подъ Миланомъ кишѣлъ не только льстецами и просителями, но и посланниками державъ. Изъ Милана наѣзжали аристократки, чтобы подносить букеты дамамъ Бонапарта, который выписалъ семью на свою виллу. А когда, въ концѣ года, Бонапартъ отправился въ Раштатъ, чтобы лично открыть конгрессъ, рѣшавшій участь Германіи, его поѣздка уподоблялась тріумфу повелителя Европы. Таково же было путешествіе по Швейцаріи и Франціи.

Это торжество уяснило самому Наполеону его туманныя грезы: онъ созналъ себя властителемъ міра. Какъ полководецъ, онъ поднялся выше всѣхъ военныхъ свѣтилъ новой исторіи: спеціалисты признали его стратегію 1796 года «классическою»; она послужила генералу

Жомини основой теоріи всего военнаго искусства. Тогда же Бонапартъ оказался и первоклассным дипломатомъ. Онъ и здѣсь разбивалъ формы пресловутой «традиціи», посрамляя сѣдины рутинеровъ. Впрочемъ, по существу, онъ руководился тутъ старомоднымъ макіавелизмомъ. Но и здѣсь онъ былъ лишь отраженіемъ тлетворной среды: приходилось быть или молотомъ, или наковальней. Зато юный ученикъ престарѣлыхъ Макіавелей далеко превзошелъ своихъ наставниковъ: его рядъ дипломатическихъ побѣдъ—своего рода итальянскій походъ. Конечно и здѣсь, Бонапартъ былъ лишь орудіемъ исторіи: онъ развивалъ систему, которую конвентъ ввелъ впервые въ Бельгіи и Голландіи, но зато какъ развивалъ! Не говоря уже про «реквизиціи» натурой, онъ собралъ въ Италіи до 115 милліоновъ франковъ, а Венеція поплатилась еще своими лучшими кораблями. По его собственному признанію, поставщики и офицеры превратили войну «въ ярмарку, гдѣ все продажно до того, что стыдно было за человѣка». Наполеонъ будто не видѣлъ ничего: разъ только упрекнулъ онъ слишкомъ загребистаго Массену, но замолчалъ, когда тотъ, въ отвѣтъ, проспрягалъ ему глаголъ «воровать».

Верхомъ совершенства были интриги съ Венеціей и папой. Бонапартъ восхитительно льстилъ олигархамъ приморскихъ лагунъ въ то самое время, когда подписывалъ «новый раздѣлъ Польши», т. е. отдавалъ часть ихъ земель австрійцамъ. А политика съ папой была такъ тонка, что тогда никто не понималъ ея. Тучный 80-ти лѣтній добрякъ, Пій VI открыто враждовалъ съ Франціей, а Бонапартъ только взялъ у него Авиньонъ съ Легатствами (сѣверная часть Церковной Области) и началъ выказывать св. отцу сыновнее почтеніе, называя себя « защитникомъ религіи». Бонапартъ говорилъ наперсникамъ, что нужно щадить «старую лису»: бывшій якобинецъ понялъ обаяніе религіи надъ массами; онъ уже задумывался надъ своимъ великимъ будущимъ. Вообще же въ Италіи была введена система «республикъ-сестеръ», начатая также конвентомъ въ Голландіи. Ломбардія вмѣстѣ съ Легатствами сдѣлалась Цизальпійской республикой, а Генуя—Лигурійской республикой. Венеція сначала тоже была превращена въ республику, а потомъ частью была присоединена къ Цизальпинѣ, а частью къ Австріи; Іоническіе же острова отошли къ Франціи. Годъ спустя, директорія довершила систему республикъ-сестеръ: Церковная Область превратилась въ Римскую республику, а Швейцарія—въ Гельветскую.

Подвиги новаго дипломата увѣнчались миромъ въ Кампо-Форміо (окт. 1797), про который Бонапартъ сказалъ: «я объявилъ большой шлемъ, имѣя всего 12 взятокъ». То было невиданное посра-

мленіе Габсбурговъ, гибель старой Германіи и основа міродержавія Наполеона. Франція пріобрѣтала Бельгію, Рейнскую границу и Іонические острова; а Австрія теряла, кромѣ Бельгіи, Ломбардію, получая взамѣнъ коварный даръ — Венецію съ Истріей и Далмаціей. Германія лишилась лѣваго берега Рейна; а владѣвшіе имъ князья получали вознагражденіе на правомъ берегу посредствомъ «секуляризаціи», т. е. лишенія владѣній тамошняго духовенства. А для разграниченія новыхъ владѣльцевъ имперскіе чины должны были собраться на конгрессъ въ Раштатѣ.

Но любопытнѣе всего, какъ Бонапартъ распутывалъ самый мудреный узелъ—свои отношенія къ директоріи. Эти отношенія были диковинны: директорія играла роль Мольеровской начальницы-рабыни. Сначала она радовалась удаленію своего опаснаго спасителя, потомъ пыталась подчинить его себѣ. Она даже послала въ Италію своего комиссара шпіонить, но тотъ показывалъ генералу свои донесенія. Потомъ она хотѣла погубить его, задерживая подкрѣпленія, но принуждена была сама благодарить своего генерала за наполненіе ея казны. Они расходились и въ дипломатіи. Директорія интересовалась только Бельгіей и Рейномъ; она готова была возвратить Ломбардію Габсбургу, а папу совсѣмъ уничтожить. Бонапартъ же устроилъ республики—эти зерна будущихъ войнъ, а папу пощадилъ. Сначала директорія получала отъ своего генерала увѣренія «въ преданности», потомъ пошли угрозы отставкой. А когда парижскія палаты упрекнули Бонапарта за насилія въ Италіи, онъ написалъ директорамъ: «Именемъ 80.000 солдатъ предсказываю вамъ, что прошло время, когда адвокатишки и негодные пустомели гильотинировали вошновъ. Горе вамъ, если солдаты принуждены будутъ придти къ вамъ изъ Италіи съ своимъ генераломъ!»

Генералъ имѣлъ право говорить такъ: онъ опять только-что спасъ свое начальство отъ погибели. Жалкая директорія не знала, что дѣлать среди борьбы трехъ партій—якобинцевъ, роялистовъ и «либераловъ», какъ назвались тогда друзья конституціонной монархіи, во главѣ которыхъ стояли г-жа Сталь и ея пріятель, Бенжаменъ Констанъ. Особенно опасны становились роялисты, душой которыхъ былъ Пишегрю. У Барра оставалась одна надежда—счастливый побѣдитель. Бонапартъ сказалъ своимъ войскамъ: «Еслибы понадобилось, вы орлами перелетите черезъ горы, чтобы поддержать правительство и республику». Онъ послалъ въ Парижъ Ожеро. 18 фрюктидора (4 сентября 1797) этотъ храбрецъ безъ выстрѣла занялъ Тюльери и городъ—и все успокоилось.

Возвратилось господство конвента, только въ менѣе кровавой

формѣ: стала свирѣпствовать «сухая гильотина» или ссылка. «Измѣнниковъ республикѣ» сослали въ Кайену: тутъ было до 200 лицъ, попреимуществу журналистовъ и членовъ обоихъ Совѣтовъ, въ томъ числѣ Пишегрю, Бартелеми и Карно, которымъ, однако, удалось бѣжать. Исчезла свобода печати, сходокъ и сообществъ; была нарушена независимость судовъ; многіе департаменты лишились выборныхъ правъ. «Цареубійцы» и республиканцы заняли правительственныя мѣста. Европейская война стала необходимостью, тѣмъ болѣе, что арміямъ приходилось содержать самихъ себя и даже правительство тою системой грабежа, которая была примѣнена покуда въ Бельгіи, Швейцаріи и особенно въ Италіи.

Но то было мимолетное торжество. Директорія достигла вершины своего могущества, съ которой тотчасъ начала спускаться, по наклонной плоскости, въ пропасть. Съ 18-го фрюктидора она стала ненавистна всѣмъ, такъ какъ вступила на ложный путь насилія, которое должно было завершиться ея погибелью. «Всякому показалось-бы естественнымъ, говоритъ и г-жа Сталь, если-бы военный вождь принялъ мѣру, которую до него позволяли себѣ гражданскія власти». А главное, призвавъ на помощь противъ парламента войско, директорія отдавала себя въ его руки, т. е. подписывала себѣ смертный приговоръ. И уже былъ готовъ диктаторъ. Среди арміи, ослѣпившей міръ чудесами изъ чудесъ, родился герой изъ героевъ, про котораго коммиссаръ директоріи уже писалъ изъ Италіи: «Я не вижу для него иного конца, кромѣ престола или эшафота». Презрѣнная директорія хваталась за своего завтрашняго губителя, чтобы не пасть сегодня жертвой роялистовъ.

Въ сущности, диктаторъ былъ готовъ.

Въ ту минуту, въ концѣ 1797 г., монтебелльскій олимпіецъ уже старался показать Европѣ наглядно, съ кѣмъ она имѣетъ дѣло. Въ Раштатѣ онъ распоряжался конгрессомъ по своей волѣ. Онъ подшучивалъ надъ князьями и владыками, и публично прогналъ, какъ лакея, шведскаго уполномоченнаго, графа Ферзена, за то, что тотъ былъ другомъ Маріи-Антуанетты. А затѣмъ 1798 годъ начался еще болѣе знаменательной картиной въ самой Франціи. «Старый порядокъ» не встрѣчалъ такъ своихъ любимыхъ королей. Общество осыпало героя букетами, медалями, пѣснями, газетной лестью. Правительство подобострастно устроило ему пріемъ, напоминавшій театральную апоѳеозу. Всѣ партіи бросились къ нему. Роялисты работали черезъ Жозефину, либералы—чрезъ пріятеля г-жи Сталь, Талейрана; республиканцы считали его сыномъ революціи, восхищаясь 18-мъ фрюктидоромъ.

Но побѣдитель озадачилъ всѣхъ. Теперь это былъ болѣзненный, угрюмый капральчикъ. Европейскіе дипломаты доносили, что «все влечетъ его къ миру и дружелюбію». И самъ Ожеро, хвастаясь 18-мъ фрюктидора, твердилъ, что его генералъ слишкомъ «благовоспитанъ» для такихъ расправъ. Бонапартъ носилъ мундиръ академика, бесѣдовалъ съ учеными, задумчиво гулялъ въ садикѣ своей скромной квартиры. Пуще всего боялся онъ, чтобъ его не записали въ вожаки какой-нибудь партіи: ему нужно было кое-что побольше. Онъ думалъ тогда: «Груша еще не созрѣла: нужно, чтобы директорія испытала неудачи безъ меня. Парижъ безпамятенъ: въ этомъ Вавилонѣ знаменитости быстро смѣняются одна другой. Если мнѣ надолго остаться здѣсь безъ дѣла, я погибъ!» Вновь исчезнуть, да подальше, да для дивныхъ чудесъ—значило также пріучить армію видѣть въ себѣ и своего Бога, и свое отечество. За Парижъ Бонапартъ не опасался: въ его рукахъ былъ Барра; и чуткій Талейранъ самъ перегибался на его сторону.

Въ Европѣ также было все, что̀ требовалось Бонапарту. Тамъ, въ свою очередь, царствовала тревога, угрожавшая гибелью директоріи. Всѣ ненавидѣли ее за наглыя насилія. Какъ всегда, во главѣ движенія стояла Англія. Съ самаго начала революціи она поставила себѣ цѣлью погубить свою вѣчную соперницу: съ 1792 года открылась 23-хъ лѣтняя борьба двухъ великановъ Запада, гордо стоявшихъ по обоимъ берегамъ Канала. Французы отвѣчали британцамъ такой же національной ненавистью. Уже въ 1796 г. директорія задумывалась не только о высадкѣ въ Англію, но и объ Индіи, куда она посылала своихъ агентовъ такъ же, какъ въ Тегеранъ и Константинополь. Въ 1798 году Гошъ едва не появился въ Ирландіи. Когда прибылъ Бонапартъ, парижане толпились въ театрахъ, любуясь живыми картинами «съ высадкой». Директорія назначила побѣдителя командиромъ «англійской арміи». Онъ и самъ давно мечталъ сразиться съ ненавистной соперницей, но повелъ дѣло посвоему. Въ письмахъ и воззваніяхъ онъ шумѣлъ на весь свѣтъ о «высадкѣ», а на дѣлѣ всячески мѣшалъ ей. На его взглядъ гораздо вѣрнѣе можно было нанести «тирану морей» ударъ сбоку.

Бонапартъ съ ранней юности мечталъ о Востокѣ. «Европа — кучка крота; а тамъ живутъ 600 милліоновъ, тамъ—источникъ всякой великой славы», говорилъ корсиканецъ. Конечно и тутъ Бонапартъ былъ лишь орудіемъ исторіи. Французы съ крестовыхъ походовъ считали своей «миссіей» возрожденіе Востока и, прежде всего, *Египта*. Передъ революціей французы задумывались надъ мыслью о Суэзскомъ каналѣ; и Талейранъ расписывалъ, въ академіи, необ-

ходимость и легкость покоренія страны фараоновъ. Бонапартъ только былъ ближе всѣхъ придвинутъ къ этой задачѣ обстоятельствами. Благодаря Венеціи, ему удалось образовать въ Адріатикѣ эскадру не хуже англійской. Занявъ Іонические острова, онъ писалъ директоріи: «Они драгоцѣннѣе для насъ всей Италіи. Приближается время, когда поймутъ, что необходимо овладѣть Египтомъ, чтобы дѣйствительно погубить Англію. Отчего бы намъ не овладѣть Мальтой? Съ нею да съ Корфу въ рукахъ, мы станемъ господами Средиземнаго моря: мы разрушимъ Англію — и Европа у нашихъ ногъ». Именно тогда и Англія зарплась на Мальту: она мечтала проникнуть оттуда въ Индію чрезъ Египетъ. Бонапартъ предложилъ египетскій походъ. Директорія обрадовалась, что теперь, когда войны въ Европѣ нѣтъ, ея владыка уходитъ въ такую опасную даль.

Бонапартъ самъ написалъ себѣ приказъ—разрушить въ Египтѣ вліяніе Англіи, прорыть Суэзскій перешеекъ и «освободить» туземцевъ отъ «тиранніи» мамелюковъ. Мамелюки — родъ феодаловъ, которые составляли отважную, многочисленную и богатую конницу и угнетали феллаховъ-земледѣльцевъ и арабовъ-купцовъ. Они лишь по имени признавали власть Турціи. Конвентъ давно старался подчинить султана своему вліянію, чтобы пользоваться турками, какъ противъ Англіи, такъ и противъ Россіи, которую онъ желалъ заставить отказаться отъ только-что завершеннаго раздѣла Польши (1795). Султанъ уже поручилъ французскимъ офицерамъ свою армію, но еще колебался заключить союзъ съ директоріей. Бонапартъ увѣрялъ его, что, какъ «добрый другъ турокъ», онъ намѣренъ смирить мамелюковъ, поднять благосостояніе его египетскихъ подданныхъ и возвысить значеніе ислама. Онъ отобралъ лучшихъ солдатъ и сподвижниковъ. Во главѣ послѣднихъ былъ величавый, благородный Клеберъ, усмиритель Вандеи и побѣдитель нѣмцевъ Республикапецъ въ каждой жилкѣ, особенно ненавидѣвшій лесть, этотъ богатырь и видомъ недолюбливалъ Бонапарта. Но послѣ Абукира онъ бросился въ его объятія со словами: «вы велики, какъ міръ!» Была набрана также сотня лучшихъ ученыхъ. Всѣ приготовленія были сдѣланы геніально и такъ таинственно, что самъ военный министръ видѣлъ въ тулонской эскадрѣ «правое крыло англійской арміи». При всемъ томъ, для успѣха безумнаго предпріятія требовалось особое счастье: оно и служило роковому человѣку, какъ никогда. Нельсонъ, стоявшій на пути съ сокрушительнымъ флотомъ, три раза проходилъ мимо врага, не замѣтивъ его за туманами и бурями.

Въ маѣ 1798 года изъ Тулона вышла небывалая у французовъ эскадра съ сорока тысячью солдатъ. Съ помощью подкупа, взяли безъ выстрѣла Мальту, затѣмъ такъ же легко высадились у устьевъ Нила и двинулись вверхъ по рѣкѣ. Три дня спустя, у устьевъ же Нила, подъ Абукиромъ, въ «невиданной водами битвѣ», Нельсонъ истребилъ французскую эскадру. «Англичане заставятъ насъ совершить болѣе великіе подвиги, чѣмъ мы предполагали!» воскликнулъ Бонапартъ—и французы двинулись къ Каиру, подъ палящимъ солнцемъ, увязая въ жгучихъ пескахъ. Лишь у пирамидъ встрѣтила ихъ блестящая конница мамелюковъ. «Солдаты! Сорокъ вѣковъ глядятъ на васъ съ высоты этихъ пирамидъ», сказалъ вождь—и впервые *каррэ* пѣхоты выступили противъ кавалеріи непріятеля. Мамелюки были истреблены.

Бонапартъ тотчасъ завелъ типографіи и египетскій институтъ. Всѣ народности были допущены къ мѣстному самоуправленію. Въ особенности чтилъ Наполеонъ исламъ: «Вѣдь и мы—мусульмане: не мы ли уничтожили папу, который проповѣдывалъ войну съ исламомъ?» Онъ клялся Кораномъ, надѣлъ тюрбанъ и ходилъ въ мечеть; онъ до того широко понялъ магометанство, убѣдившись тогда въ невѣрности своей Жозефины, что становилось зазорно даже его персикамъ. Многіе офицеры совсѣмъ омусульманились. Но народъ бунтовалъ подъ вліяніемъ своихъ муфтіевъ и дервишей. Поднялся и достойный врагъ—непреодолимая африканская природа. Впервые послышался ропотъ среди доблестныхъ ветерановъ. «Это—твоя работа!» шептали герои, умиравшіе на глазахъ своего кумира. «Войско приносится въ жертву искателю приключеній!» громко говорилъ Клеберъ. И у Бонапарта оставалось всего 13.000 солдатъ и 50 пушекъ. Онъ поспѣшилъ увести ихъ въ Сирію, гдѣ кстати скоплялись турки, объявившіе войну Франціи. Здѣсь наконецъ счастье изм[illegible]зило, несмотря на новые дивные подвиги. Осада, безъ осадныхъ орудій, приморской крѣпости Сенъ Жанъ д'Акра, защищаемой англичанами, а затѣмъ чума истощили героевъ. Чтобъ облегчить себѣ отступленіе, Бонапартъ избивалъ плѣнныхъ тысячами и заморилъ бы опіумомъ своихъ чумныхъ, еслибы за нихъ не вступился врачъ. Но онъ самъ былъ на высотѣ бѣдствія: онъ прикасался къ чумнымъ, шелъ пѣшкомъ по жгучимъ пескамъ, кормилъ хилыхъ своими конями. Какъ тѣни, добрались французы до Абукира; а тамъ ждала ихъ вдвое болѣе сильная армія отважныхъ янычаръ. Турки были сброшены въ море ловкимъ обходомъ и почти всѣ погибли.

Тутъ Бонапартъ узналъ изъ газетъ, доставленныхъ ему англичанами, объ успѣхахъ второй коалиціи. Онъ сказалъ гнѣвно: «Эта

бездарная, безвольная директорія дѣлаетъ только глупости да беретъ взятки! Все пошло прахомъ съ моимъ отъѣздомъ. Во Франціи въ одно время узнаютъ и объ истребленіи турокъ подъ Абукиромъ, и о моемъ возвращеніи. Въ такую минуту меня не покинетъ вѣрное мнѣ счастье! Да кто не дерзаетъ, тотъ и не выигрываетъ. Попытаемся придти — и придемъ». 22 августа 1799 г. Бонапартъ пустился въ море, съ лучшими изъ генераловъ, покинувъ свою армію на Клебера, которому назначилъ свиданіе, но бѣжалъ раньше, оставивъ ему запечатанный конвертъ. Покинутый Клеберъ дрался, какъ левъ, 1 противъ 10, и отлично устраивалъ «французскую колонію». Но нашелся туземецъ-фанатикъ, который закололъ благодѣтеля страны. «Ну что жъ, однимъ соперникомъ меньше!» воскликнулъ Бонапартъ. Остатки египетскій арміи сдались потомъ англичанамъ. А ея вождь-дезертиръ считалъ себя спасителемъ отечества отъ «непоправимой бѣды».

Бѣда была большая. Директорія озлобила всю Европу своими насиліями. Тогда къ Франціи были присоединены, среди мира, Пьемонтъ, Тоскана и Женева. Ея комиссары распоряжались Германіей, какъ хотѣли, на раштатскомъ конгрессѣ. Превратился въ Парѳенопейскую республику Неаполь, откуда бѣжали въ Палермо Фердинандъ IV и его жена, Каролина, служившая душой «контръ-революціи». Это раздражило родственника Каролины, императора Франца II. Его поддержалъ императоръ Павелъ I, выступившій орудіемъ Промысла для искорененія «заразы своеволія» и для спасенія брата гильотинированнаго французскаго короля, «Людовика XVIII», котораго онъ содержалъ въ Митавѣ. Россія наравнѣ съ Англіей стала душою второй коалиціи (1798). Эта коалиція была грознѣе первой. У нея было вдвое больше войскъ, чѣмъ у французовъ, и ими командовали свои герои—эрцгерцогъ Карлъ, Нельсонъ и самъ Суворовъ, хотя ему было уже 70 лѣтъ. Русскій старый чародѣй битвъ заставилъ міръ забыть на минуту подвиги своего юнаго соперника. Въ Италіи рухнули созданія Бонапарта — республики-сестры, а англичане захватили Мальту. И всѣ ждали нашествія «варваровъ» на Францію. А здѣсь настало банкротство директоріи, которая прибѣгала къ насиліямъ, напоминавшимъ терроръ и доводившимъ страну до голода. Поднималось всеобщее недовольство; вспыхивали мятежи то роялистовъ, то якобинцевъ. Нація искала «спасителя» отъ «нравственной гнили», какъ всѣ называли директорію.

А роковой человѣкъ 48 дней носился по морю, плывя больше по почамъ, чтобы ускользнуть отъ англичанъ. Уже въ виду Франціи наткнулись-таки на британскую эскадру; но та не съумѣла

изловить счастливца. Отъ Тулона до Парижа народъ встрѣчалъ спасителя съ ликованіемъ; въ столицѣ всѣми овладѣлъ искренній восторгъ. Бонапартъ мастерски поддерживалъ идеальное представленіе о себѣ. Онъ казался добродушнымъ, искреннимъ «гражданиномъ» и жрецомъ музъ; а самъ опутывалъ всѣ партіи, говоря съ каждой ея языкомъ. Ему помогали Барра, Талейранъ, новый министръ Фушэ да родные. Жозефина обдѣлывала вліятельныхъ лицъ, даже Моро; Люсьенъ орудовалъ въ совѣтѣ Пятисотъ (нижняя палата), гдѣ онъ былъ предсѣдателемъ. И черезъ мѣсяцъ по прибытіи Бонапарта во Францію, *18 брюмера* (9 ноября) 1799 г., произошелъ великій государственный переворотъ, т. е. уничтоженіе и совѣта Пятисотъ, и совѣта Старѣйшинъ (верхняя палата).

Заговорщики переживали тяжелыя минуты: Совѣтъ Пятисотъ былъ переполненъ республиканцами, которымъ сочувствовала армія; Бернадотъ предлагалъ директоріи арестовать египетскаго дезертира. Вдругъ, 17-го брюмера, заставы столицы оказались запертыми, а почта пріостановлена. На улицахъ появились воззванія Бонапарта: «Какою я оставилъ Францію и какою засталъ ее! Такъ не можетъ продолжаться». Въ Тюльери, у Старѣйшинъ, большинство которыхъ составляли бонапартисты, былъ прочитанъ докладъ о какомъ-то заговорѣ—и они приговорили перевести завтра обѣ палаты въ Сен-Клу и поручить ихъ охрану Бонапарту, т. е. вручить ему начальство надъ войсками столицы. Наполеонъ ждалъ этого приговора у себя дома, окруженный блестящимъ штабомъ. Онъ сказалъ, что нужно освободить республику отъ «адвокатовъ»,—и всѣ поскакали въ Тюльери; а въ Люксембургскомъ дворцѣ директора подали въ отставку.

18-го брюмера, въ С.-Клу, въ саду дворца, было поставлено 8.000 гренадеръ. Но въ залахъ кипѣла оппозиція, особенно у Пятисотъ, гдѣ всѣ клялись до смерти защищать республику отъ «диктатора». Наполеонъ бросился къ Старѣйшинамъ и пробормоталъ, задыхаясь: «Заговоры... Вулканъ... Прямой солдатъ... Мои гренадеры... Вы сами нарушили конституцію». Оттуда онъ прошелъ въ Совѣтъ Пятисотъ, въ сопровожденіи гренадеровъ. Депутаты закричали: «Да здравствуетъ республика! Въ опалу тирана!» Его хватали за мундиръ; ему давали пинки. Шатаясь, выскочилъ онъ на дворъ и упалъ въ обморокъ. Тутъ прибѣжалъ Люсьенъ. Онъ умолялъ солдатъ спасти своего генерала отъ «кинжальщиковъ, подкупленныхъ Англіей». Солдаты пошли за президентомъ Пятисотъ въ залу. Депутаты разбѣжались. Вечеромъ оба совѣта постановили: директорія замѣняется тремя *консулами республики*,—Бонапартомъ, Сіейсомъ и Дюко.

Новая власть тотчасъ издала странный манифестъ: «Революція остановилась на принципахъ, съ которыхъ началась: она окончена!»

III.

Первый консулъ. (1799—1804).

Бонапарту только-что исполнилось 30 лѣтъ. Роковой недугъ еще не подавлялъ расцвѣта силъ. Передъ нами новый Протей, который никогда не поражалъ міръ до такой степени, какъ воинъ, дипломатъ и правитель великой націи. Недаромъ онъ говорилъ тогда: «Только короли-лѣнтяи жирѣютъ во дворцахъ... Мои соперники не потеряли бы даромъ времени, еслибы пожаловали сюда поучиться». Онъ развернулъ дѣятельность, за которую его назвали «необыкновеннымъ» существомъ. Къ этому времени особенно идетъ его собственное выраженіе о себѣ: «Когда умру, вселенная сдѣлаетъ—уфъ!» И тогда еще ничто не мѣшало неутомимому генію. Въ немъ еще сіяли симпатичныя черты молодости, лучи Просвѣщенія. «Ни одинъ монархъ не встрѣчалъ такой готовности къ повиновенію. Франція буквально выполнитъ невозможное, чтобы помочь ему», говоритъ очевидецъ. Всѣ надѣялись, что онъ откроетъ эру мира, явитъ свѣту образецъ внутренняго устройства великой націи, распатанной революціонною бурей.

Казалось, французы не ошиблись. Бонапартъ смѣнилъ военный мундиръ на гражданскій сюртукъ. Онъ написалъ Георгу III англійскому горячій призывъ къ миру, а Павлу I предложилъ, ради дружбы, Мальту. Онъ даже заключилъ торговый договоръ съ Соединенными Штатами, провидѣвъ въ нихъ могучаго соперника британцамъ. И началась богатырская задача строенія разрушенной Франціи. Консульство—эпоха *Наполеона-правителя*: тогда-то совершились тѣ реформы, которыя соотвѣтствовали его битвамъ по блеску, но превзошли ихъ по прочности своихъ послѣдствій.

Такова была уже *конституція VIII года*, служившая переходомъ отъ республики къ имперіи. Здѣсь законодательный починъ вручался «государственному совѣту», который былъ органомъ правительства. Разсмотрѣніе предложеній этого органа принадлежало «трибунату», а молчаливое принятіе—«законодательному корпусу». Отмѣна законовъ, а равно и избраніе на высшія должности, предоставлялись «сенату», члены котораго были безсмѣнны, пожизненны. Исполнительная власть отдавалась *тремъ консуламъ*, назна-

чаемымъ на 10 лѣтъ. Въ сущности, она сосредоточивалась въ *первомъ* консулѣ: онъ «по своей волѣ» ставилъ и увольнялъ всѣхъ чиновниковъ и обнародовалъ законы. Конституція VIII года была отрицаніемъ республики. Лишь приличія ради ее подвергли «плебисциту» или народному опросу, который далъ 3 милл. «да» и $1^1/_2$ тысячи «нѣтъ». Но Бонапарту и этого было мало. Въ августѣ 1802 г. онъ воспользовался новыми побѣдами и вымышленнымъ полиціей заговоромъ. По предложенію сановниковъ, онъ сталъ *пожизненнымъ* консуломъ, съ правомъ назначить себѣ преемника и съ королевской привилегіей помилованія. «Вотъ я и на одной высотѣ съ монархами!» воскликнулъ Бонапартъ.

Теперь-то, среди мира, Наполеонъ поразилъ всѣхъ своего рода итальянскою кампаніей на полѣ гражданственности. Тутъ самымъ важнымъ дѣломъ оказался *кодексъ Наполеона* (мартъ 1804): его одного достаточно для увѣковѣченія этого имени. Правда, это была компиляція изъ старыхъ законовъ, но чрезвычайно простая, краткая и обнимавшая всю жизнь гражданина. А главное, здѣсь, наряду съ укрѣпленіемъ старыхъ основъ — собственности и семьи—были отчасти примѣнены три начала революціи: были введены разводъ и вѣротерпимость, свобода личности и равенство всѣхъ передъ закономъ. Наполеонъ имѣлъ право сказать на о. св. Елены: «Моя истинная слава—не 40 выигранныхъ битвъ: Ватерло изглаживаетъ воспоминаніе о столькихъ побѣдахъ. Но что никогда не изгладится изъ памяти, что будетъ вѣчно жить, — это мой гражданскій кодексъ». Исполнительница Кодекса, новая *юстиція*, также напоминала идеалъ революціи, съ его присяжными, адвокатами, мировыми судьями и съ несмѣняемостью судей. Впрочемъ въ этой-то твердынѣ національной совѣсти и обнаружились ярче и прежде всего попытки цезаризма. Бонапартъ вскорѣ сталъ самъ нарушать идеалъ, особенно съ помощью «спеціальныхъ» судовъ.

То же случилось съ законодательной властью. Она переходила къ *частному* и *государственному совѣтамъ*, гдѣ предсѣдалъ самъ первый консулъ. Первый изъ нихъ обсуждалъ всѣ вопросы высшей политики и заготовлялъ «сенатусъ-консульты» (приговоры сената). Государственному совѣту было дано страшное преимущество—«развивать смыслъ законовъ», по требованію консуловъ. Онъ разсылалъ по департаментамъ своихъ членовъ, напоминавшихъ комиссаровъ конвента: самъ Бонапартъ называлъ ихъ «трибунами подлѣ верховной власти!» Сенатъ, окруженный необычайнымъ блескомъ, сталъ орудіемъ Бонапарта, который назначалъ его членовъ и давалъ самымъ покорнымъ изъ нихъ «сенаторіи» — синекуры съ доходными зем-

лями. Трибунатъ и законодательный корпусъ подверглись «очищенію», что̀ превратило ихъ въ собраніе «евнуховъ законодательства».

Администрація конечно еще болѣе отличалась цезаризмомъ. Она цѣликомъ сосредоточивалась въ рукахъ перваго консула. Всѣ чиновники были его слѣпыми орудіями. Самъ Бонапартъ вѣчно работалъ въ своемъ кабинетѣ и даже въ походной палаткѣ, какъ неусыпное Провидѣніе государства. Онъ дѣлалъ назначенія чуть не на всѣ должности, читалъ почти всѣ министерскія бумаги, черкалъ ихъ, передѣлывалъ заново, даже пробѣгалъ всѣ иностранныя депеши, усыпая ихъ своими отмѣтками; онъ набрасывалъ отвѣты, ноты и инструкціи дипломатамъ и истомлялъ своихъ секретарей диктовками. Онъ бесѣдовалъ еще особо съ министрами иностранныхъ дѣлъ и полиціи; а ихъ товарищи, разъ въ недѣлю, очищали свои портфели передъ нимъ.

Этп семеро *министровъ* были приказчиками Бонапарта, который часто смѣнялъ ихъ, при всей ихъ угодливости. На первыхъ порахъ то были ловкіе дѣльцы. Во главѣ ихъ стоялъ Талейранъ, который считался въ Европѣ оракуломъ дипломатіи: тогда не знали, что Наполеонъ дѣлалъ ему головомойки и самъ диктовалъ главныя депеши. Это была правая рука консула, какъ бога лжи: «языкъ данъ намъ для сокрытія мыслей», говаривалъ бывшій епископъ и «цареубійца». Таковъ же былъ министръ полиціи Фушэ, только погрязнѣе и жесточе: онъ былъ предателемъ всѣхъ правительствъ, которымъ служилъ для охраны. Наполеонъ отлично понималъ обоихъ молодцовъ, но говорилъ: «Одинъ охраняетъ меня справа, другой— слѣва». Бертье, какъ военный министръ, образцово подготовлялъ тотъ военный строй, безъ котораго немыслимы походы Наполеона.

Прямою связью между министрами и первымъ консуломъ служилъ *государственный секретарь:* «онъ разносилъ мои рѣшенія, мою волю по всѣмъ направленіямъ», объяснялъ Наполеонъ на о. св. Елены. Во все время эту должность занималъ вѣрный, скромный и искусный *Марэ:* онъ одинъ умѣлъ поспѣвать за бѣшеной диктовкой своего господина и мгновенно воспроизводить его бѣглыя мысли, набросанныя по-военному, каракулями на клочкахъ бумаги. Во главѣ провинціальной администраціи были поставлены крѣпкія орудія перваго консула — *префекты* и *мэры*, которые также возбуждали зависть Европы своей ловкой исполнительностью. «Это — маленькіе первые консулы», говорилъ про нихъ Наполеонъ. Провинціальные совѣты, эти своего рода земства, стали ихъ игрушками. Такъ выработалась безпощадная *централизація* — новое слово для стараго, но улучшеннаго общества.

Такой несравненный, по могуществу и порядку, цезаризмъ мыслимъ лишь при подобной же *арміи*. Революціонный идеалъ вооруженной націи былъ подорванъ уже «конскрипціей» (наборомъ) директоріи: Бонапартъ окончательно превратилъ гражданина-добровольца въ солдата посредствомъ введенія жребія и замѣстительства. Старые солдаты сами возвращались на вѣчную службу: такъ образовались дивные ветераны «императорской гвардіи», эта гордость военной исторіи. Офицерство было скопленіемъ дарованій и изъ народа, и изъ юныхъ аристократовъ. Такова была «великая армія»—350.000 отборныхъ и отлично снаряженныхъ молодцовъ, посвящавшихъ всю свою жизнь служенію подъ римскими «орлами» генія битвъ. Она содержалась образцово: съ этой цѣлью было учреждено даже второе военное министерство—«военная администрація».

Величавы, ослѣпительны были мѣры для поднятія экономическаго быта, который приходилось чуть не создавать заново. Тогда не знали бюджетовъ, тратили по мѣрѣ надобности, переносили счеты изъ года въ годъ. Сверхъ того, директорія завѣщала банкротство: 18-го брюмера не оказалось никакого кредита, а въ казнѣ—150.000 фр. да счетъ недоданнаго за полгода жалованья мелкимъ чиновникамъ. Бонапартъ, прежде всего, учредилъ, подлѣ министерства финансовъ, «министерство казны» или контроль Но лучшимъ фискаломъ былъ онъ самъ. Съ безпощадностью и энергіей защищалъ онъ казенную копѣйку отъ хищниковъ. Каждую недѣлю просматривалъ онъ лично расходы министровъ и оглашалъ ихъ отчеты, стараясь уравновѣшивать балансъ съ строгостью военной дисциплины.

Затѣмъ приходилось создавать всю машину взиманія доходовъ: и здѣсь-то обнаружилась вся изобрѣтательность Наполеона. Возникла правильная система «прямыхъ податей», на основаніи кадастра или описи имуществъ, и съ помощью «сборщиковъ» изъ богачей. Для косвенныхъ налоговъ возстановили «акцизъ», приноровленный къ указу 1680 г. Вскорѣ началась и система ограбленія Европы. И финансы процвѣли, а вмѣстѣ съ ними явился кредитъ. Наполеонъ всегда держался правила не дѣлать новыхъ займовъ: онъ даже завелъ «кассу погашенія» для старыхъ. Много пользы принесъ и «французскій банкъ», существующій и теперь. Банкъ помогъ *торговлѣ*. Наполеонъ же создалъ отличный торговый кодексъ, возстановилъ торговыя палаты, ввелъ дѣйствующую и теперь десятичную монетную систему, взявъ за основаніе серебро. Онъ не жалѣлъ средствъ на пути сообщенія—дороги, каналы, мосты. При этомъ было истреблено разбойничество, благодаря «жандармеріи» и «пре-

фектурѣ полиціи». Впрочемъ торговлѣ мѣшалъ протекціонизмъ, особенно направленный противъ англійскихъ товаровъ.

Зато *промышленность* двинулась впередъ изумительно. Особенно быстро процвѣли прядильное и ткацкое производства и горное дѣло. Бонапартъ наиболѣе поощрялъ ученыхъ къ новымъ изобрѣтеніямъ. Онъ всячески старался снискать расположеніе буржуазіи, хотя не забывалъ и крестьянства: благодаря многимъ искуснымъ мѣрамъ, поднималось и сельское хозяйство. Наполеонъ создалъ и величавый *колоніальный* планъ. Но тутъ-то цезаризмъ получилъ первое предостереженіе. Наполеонъ возстановилъ въ Вестъ-Индіи рабство — и негры взбунтовались на о. С. Доминго, подъ начальствомъ талантливаго «Бонапарта черныхъ», Туссена-Лювертюра. Съ помощью англичанъ, они истребили цѣлую армію французовъ и основали «республику» Гаити. Бонапартъ бросилъ свои американскіе планы, даже продалъ Луизіану Соединеннымъ Штатамъ.

Могучая централизація, какъ потребность расшатанной страны, быстро поднимала матеріальную культуру. Не то видимъ въ области идейной. Правда, и здѣсь возникли крупные, даже поучительные замыслы; но въ этой утонченной сферѣ сразу и ярче всего обнаружились роковыя послѣдствія цезаризма и макіавелизма Наполеона. Мудренѣе всего оказался религіозный вопросъ. Церковь представляла видъ развалинъ. Неприсяжное духовенство, или «ослушники» революціи, боролось съ «конституціоннымъ» клиромъ; а оба они враждовали съ «теофилантропами» или деистами, которыхъ поощряла директорія. Хаосъ возросталъ отъ открытаго исповѣданія своихъ вѣръ протестантами, евреями и разными сектантами. Если подъ конецъ директорія перестала преслѣдовать католицизмъ, и массы снова склонялись къ нему, то никто не сочувствовалъ папству, которое все время враждовало съ Франціей: всѣ радовались, что развязались съ Римомъ, благодаря революціи, которая порвала всякія преданія и конкордаты.

Казалось, менѣе всего могъ сокрушаться объ этомъ Бонапартъ, ставившій престолъ св. Петра, наравнѣ съ феодализмомъ, въ разрядъ «предразсудковъ, которые должны быть подавлены французскимъ народомъ». Вдругъ міръ былъ пораженъ *конкордатомъ* (1801), который первый консулъ заключилъ съ новымъ папой — добрымъ, миролюбивымъ старцемъ, Піемъ VII. Въ силу этого документа, католицизмъ возстановлялся во Франціи, но лишь какъ вѣра «большинства народа». Его культъ «свободенъ», но «соотвѣтственно полицейскимъ правиламъ». Епископы назначаются первымъ консуломъ: папа даетъ имъ лишь «каноническую инвеституру» или цер-

ковное поставленіе. Они ставятъ несмѣняемыхъ священниковъ, но съ «благословенія» правительства. Все духовенство приноситъ присягу «въ повиновеніи и вѣрности правительству» и обязуется «доносить обо всемъ, что узнаетъ зловреднаго для государства». Папа признаетъ церковныя имущества, отобранныя революціей, за ихъ новыми владѣльцами. Первый консулъ пользуется у церкви всѣми преимуществами прежнихъ королей, а самъ признаетъ свѣтскую власть папы. Мало того. Бонапартъ уже самъ, безъ папы, издалъ «Органическія статьи католическаго культа», заимствовавъ ихъ отчасти изъ декларацiи 1682 г., этой хартіи свободъ галликанской церкви. Здѣсь правительству предоставлялось даже вмѣшиваться въ догму; и церковныя дѣла вообще поступали въ вѣдѣніе «высшей полиціи», какъ замѣтили въ государственномъ совѣтѣ.

Французы тогда-же назвали это новое духовенство «священною полиціей». Самъ Бонапартъ приравнивалъ свою «поповщину» къ жандармеріи и такъ утѣшалъ друзей свободы: «это — прививка религіи, послѣ которой она исчезнетъ во Франціи черезъ 50 лѣтъ». Захвативъ въ свои руки церковь, Бонапартъ сталъ холить ее, какъ «твердую и прочную опору государства». Онъ не жалѣлъ денегъ и почестей для клира и возстановилъ старый церковный церемоніалъ. Въ то же время были отмѣнены республиканскіе праздники, а у теофилантроповъ отняли церкви. Но тутъ цезарь сдѣлалъ крупную ошибку. Конкордатъ вызвалъ бурю среди вольтерьянской націи, особенно со стороны интеллигенціи, членовъ палатъ и даже товарищей консула по арміи. А главное — жандармерія въ рясахъ оказалась преторіанцами. Вѣдь, конкордатъ былъ возстановленіемъ свѣтской власти папъ, а каноническая инвеститура — тѣмъ ихъ оружіемъ, которое привело Генриха IV въ Каноссу.

Легче было справиться съ *просвѣщеніемъ* народа. Въ 1802 г. уже возникла цѣлая воспитательная система, по плану конвента. Въ среднихъ школахъ или лицеяхъ было установлено реальное образованіе, съ новыми языками; надъ ними возвышалось до десятка спеціальныхъ заведеній, по преимуществу для точныхъ и опытныхъ наукъ. Но въ систему конвента вложили новую душу. Педагогія стала монополіей правительства, которое опредѣляло школьный бытъ до мелочей. Все было направлено къ развитію узкой практики, ремесленности: даже въ академіи было закрыто отдѣленіе политическихъ и нравственныхъ наукъ. Лицеи были закрытыя заведенія, переполненныя офицерами и священниками: они походили нето на казармы, нето на іезуитскія школы. Дѣвочекъ вовсе не полагалось обучать. Для массъ Бонапартъ считалъ достаточнымъ давать

«религію да самое необходимое»: мысль революціи о даровомъ обученіи казалась ему «романомъ». *Печать* періодическая была ограничена 8 газетами съ 18.000 подписчиковъ; да и тѣ получали выговоры, если не руководствовались казеннымъ «Монитёромъ». А книги представлялись въ полицію на просмотръ до продажи. Изъ авторовъ Констанъ и Шенье были исключены изъ трибуната и лишились права писать. Г-жа Сталь была изгнана изъ Франціи за нѣсколько словъ въ своей гостиной. Бонапартъ требовалъ даже, чтобъ англичане выдали ему чернившихъ его «памфлетистовъ».

Сдѣлать такъ много въ $4^1/_2$ г., въ такомъ духѣ и среди труднѣйшихъ военныхъ задачъ можно было только при тогдашнемъ состояніи *общества*. Сначала даже въ массахъ были ясны слѣды Просвѣщенія и революціи; а среди интеллигенціи встрѣчались люди стойкихъ убѣжденій и даже такія крупныя женщины, какъ Сталь. Трибунатъ, гдѣ засѣдали Карно и Лафайетъ, даже называлъ себя «защитникомъ свободы». Его вождемъ былъ любимецъ г-жи Сталь, Бенжаменъ Констанъ, сказавшій, что безъ независимости этого учрежденія будетъ «молчаніе, которое услышитъ вся Европа». Противъ конкордата возставали даже всѣ высшія учрежденія и личные друзья Бонапарта. Слышался ропотъ и у военныхъ, особенно въ рейнской арміи, у Моро, который презиралъ милости соперника, въ то время какъ Карно даже удалился изъ отечества. Работали и политическія партіи. *Конституціоналисты* собирались въ салонахъ г-жи Сталь и красавицы Рекамье. *Якобинцы* внушали особенный страхъ Бонапарту, хотя самыми опасными были не они, а *роялисты*, которые были въ сношеніяхъ съ самою Жозефиной, уже боявшейся развода. Поддерживаемые иностранными штыками и англійскимъ золотомъ, друзья Бурбоновъ прославились, въ концѣ 1800 г., даже «адскою машиной» — боченкомъ пороха, который чуть не взорвалъ перваго консула при его проѣздѣ въ Оперу. Къ нимъ примыкали военные, съ Пишегрю и Бернадотомъ во главѣ. Пишегрю прибылъ тайкомъ въ Парижъ, чтобы поддержать подстроенный англичанами заговоръ главаря вандейцевъ, Кадудаля. Но Фушэ съумѣлъ погубить ихъ обоихъ.

Но вскорѣ прекратились и заговоры, и оппозиція. Бонапартъ сначала угождалъ республиканцамъ, потомъ началъ ссылать ихъ, какъ «идеологовъ», и тихонько гильотинировать, причемъ былъ разсѣянъ и кружокъ г-жи Сталь. А рядомъ посыпались милости на роялистовъ, какъ на людей, привыкшихъ повиноваться. Эмигранты возвращались массами: имъ возвращали имущества и давали должности. Большинство «да» при плебисцитѣ о пожизненномъ консульствѣ принадлежало роялистамъ: этотъ плебисцитъ должно считать *разрывомъ*

Бонапарта съ людьми 1789 г. Бонапартъ приписалъ даже адскую машину якобинцамъ, чтобы расправиться съ ними повоенному. Тогда же самая опасная, рейнская, армія была отправлена на С. Доминго; а ея начальникъ, Моро, былъ отданъ подъ судъ за мнимое участіе въ заговорѣ Кадудаля и долженъ былъ удалиться въ Америку. Такъ были усмирены «идеологи». Но нужно было дать острастку и роялистамъ, а главное—разбить ихъ старый кумиръ: и явилась жестокая расправа съ Бурбонами, въ лицѣ *герцога Ангьенскаго*, могикана той фамиліи Кондэ, которая именно не одобряла заговора Кадудаля. Этотъ юный принцъ занимался только любовью и охотой, въ Баденѣ, у границъ Франціи. Французскіе драгуны схватили его и примчали въ Венсенъ, гдѣ онъ былъ растрѣлянъ (мартъ 1804), хотя военный судъ убѣдился, что онъ былъ непричастенъ къ заговорамъ. Бонапартъ былъ правъ только въ одномъ: герцогъ Ангьенскій становился тогда надеждой роялистовъ, на мѣсто братьевъ Людовика XVI. Талейранъ и Фушэ совѣтовали пресѣчь эту безконечную цѣпь заговоровъ. Наполеонъ передъ смертью оправдывалъ эту казнь принца.

Такая беззавѣтная сила сломила и безъ того подорванное общество. Герои оппозиціи замолкли, какъ вожди безъ арміи. Ихъ окружали хотя потомки Просвѣщенія, но люди, утратившіе волю отъ переутомленія, вызваннаго бурями революціи. Для такого поколѣнія, мечтавшаго только о личномъ покоѣ, дѣльный, могучій абсолютизмъ былъ благодѣяніемъ. Трудовая масса рада была порядку, при которомъ могла сколотить домишко, тѣмъ болѣе, что она сбывала въ войска лишніе рты; а главное, она была увѣрена, что капральчикъ оборонитъ ее отъ знатныхъ хищниковъ. «Новая буржуазія» чуяла наступленіе своего царства при хозяинѣ, который такъ цѣнилъ богатство и тотчасъ отмѣнилъ прогрессивный налогъ. Войны были золотымъ дномъ для новыхъ подрядчиковъ и биржевиковъ; а роскошь Тюльери поддерживала богатыхъ промышленниковъ. Наконецъ поднимались и привилегированные, которые и послужили главной закваской *сервилизма* или раболѣпія.

Не прошло и двухъ лѣтъ, какъ общество стало неузнаваемо. Поэтъ Шенье воскликнулъ тогда: «Наши арміи 10 лѣтъ сражались, чтобы мы стали гражданами, а мы вдругъ превратились въ подданныхъ!» Когда явилось пожизненное консульство, законодательный корпусъ украсился бюстомъ повелителя. Въ «день Наполеона» (15 августа) Парижъ заблисталъ магическими *N. B.* (Napoléon Bonaparte). Всякая оппозиція прекратилась. Гробовое молчаніе сопровождало «очищеніе» трибуната: и когда сюда былъ внесенъ вопросъ объ императорствѣ, одинъ Карно излилъ свою республиканскую душу;

остальные трибуны сравнивали Бонапарта съ Карломъ Великимъ и даже съ Геркулесомъ.

На такой почвѣ быстро возрождался «свѣтъ» стараго порядка до мелочей—до одежды и «мусье», вмѣсто «гражданина». Чопорная набожность овладѣвала всѣми. Въ литературѣ образовался кружокъ моралистовъ, поощряемый Жозефиной: онъ началъ нападать на «матеріалистовъ и вольнодумцевъ». Отсюда вышелъ «Геній христіанства» Шатобріана (1802)—это Евангеліе реакціи. Рядомъ процвѣтало рѣзомоплетство въ формахъ лжеклассицизма, который овладѣвалъ и искусствомъ. Этотъ разрывъ съ демократіей и республикой былъ запечатлѣнъ рядомъ такихъ мѣръ правительства, какъ учрежденіе ордена *Почетнаго Легіона*. «Съ этими презрѣнными погремушками можно управлять людьми!» воскликнулъ Бонапартъ: и не ошибся. Возвратъ къ старинѣ выражался наглядно въ бытѣ Тюльери. Получая уже 6 милл. фр. на свою особу, Бонапартъ завелъ настоящій *дворъ*. Здѣсь воскресли парики, расшитые кафтаны, «камергеры» и эмигранты, «аудіенціи», чопорный этикетъ и блескъ баловъ. А среди этого внѣшняго веселья и изящества небожителей кипѣли драмы корсиканскаго клана. Хитрая сестра Наполеона, Каролина, превосходившая волей своего мужа, Мюрата, служила заводчицей козней. Съ ней соперничалъ интриганъ Люсьенъ, котораго наконецъ выгнали изъ Франціи.

И вся эта многообразная жизнь текла среди почти постоянныхъ войнъ. Онѣ нужны были и для утвержденія похищенной власти, и какъ требованіе исторіи: онѣ были прямымъ продолженіемъ предшествовавшихъ событій. Войну вызывали уже дерзкіе отвѣты Англіи и Австріи на мирныя предложенія Бонапарта. Эти державы надѣялись на ослабленіе Франціи послѣ побѣдъ Суворова. У Бонапарта дѣйствительно было меньше силъ, но его армія была отлично изготовлена. И онъ озадачилъ австрійцевъ внезапнымъ переходомъ черезъ Альпы, достойнымъ Ганнибала и Суворова. Въ іюнѣ 1800 г. Бонапартъ натолкнулся, у *Маренго*, на всѣ сплы врага и былъ сломленъ ихъ численностью. Его спасъ безкорыстный Дезэ, который самъ пришелъ, съ своей дивизіей, на выручку товарищамъ, заслышавъ пальбу. Маренго осталось за Бонапартомъ, который приписалъ себѣ его славу. Но онъ геніально воспользовался побѣдой, выказавъ себя великимъ стратегомъ. Маренго дало Наполеону неоспоримое владычество надъ Франціей. Въ то же время благородный Моро столь же геніально расправился съ австрійцами въ Германіи: его подвигъ у Гогенлиндена—одна изъ самыхъ блестящихъ побѣдъ начинавшагося вѣка. Самъ Бонапартъ воскликнулъ, что соперникъ превзошелъ его. Моро при-

нудилъ Франца II къ *люневильскому миру* (февраль 1801): *весь* Рейнъ дѣлался границей Франціи; Тоскана стала королевствомъ Этруріей, которое Бонапартъ отдалъ, для потѣхи, одному полоумному испанскому Бурбону, получивъ за это Парму, Эльбу и Луизіану.

Никогда еще Франція не была такъ могущественна. Германія и Италія поступали подъ ея вліяніе: тамъ шла секуляризація, здѣсь Легатства и Модена присоединялись къ Лигурійской республикѣ. Если папа и Бурбоны уцѣлѣли въ Римѣ и Неаполѣ, то св. отецъ сталъ орудіемъ Бонапарта, а Фердинандъ IV принялъ его корпусъ въ Тарентъ и закрылъ свои гавани для Англіи. Затѣмъ Наполеонъ склонилъ Пруссію на свою сторону и поставилъ въ Испаніи покорное ему министерство Годоя: Иберійскій полуостровъ закрылъ свои гавани британскимъ кораблямъ. Наконецъ, Бонапартъ подбилъ Павла I потребовать себѣ Мальту у англичанъ: тѣ конечно отказали—и царь воскресилъ противъ нихъ вооруженный нейтралитетъ Екатерины II, въ союзѣ съ Скандинавіей и Пруссіей, которая даже захватила Ганноверъ.

Такъ подготовлялся смертельный ударъ заклятому заморскому врагу Франціи. А Англія и безъ того уже чувствовала весь ужасъ такого бича, какъ борьба съ великой республикой. Не легка была даже выгода на морѣ, особенно въ борьбѣ съ голландцами: здѣсь встрѣчались пораженія; однажды герой Нельсонъ потерялъ руку. А на сухомъ пути всѣ британскіе милліоны шли прахомъ, даже словно служили къ прославленію соперницы. Надменному Джону Булю уже приходилось дрожать за собственный домъ. Его упорному министру Питту тяжело было видѣть, какъ война губила все зданіе благосостоянія Англіи, которое онъ вывелъ съ такимъ трудомъ. Торговля пала; купцы банкротились; банки лопались; бумажныя цѣнности понизились на 50%; государственные долги возросли до 12-ти милліардовъ. Имѣя лишь ничтожное войско съ негодными офицерами изъ аристократовъ-кутилъ, Англія выплачивала громадныя субсидіи жаднымъ членамъ коалиціи на материкѣ. На это уходило золото—и Англія вдругъ стала жалкою страной бумажекъ, объявивъ принудительный курсъ для билетовъ своего банка. Бумажки господствовали до конца войны, увлекая даже Питта въ гибельную расточительность и развивая ажіотажъ въ обществѣ. Рядомъ слѣдовали, одинъ за другимъ, сначала иностранные займы, потомъ тяжкіе налоги. Подъ конецъ Питтъ взялся даже за подоходный и прогрессивный налогъ, столь ненавистный богачамъ, хотя онъ старался выгородить крупныхъ землевладѣльцевъ.

Богачи и знать вообще сваливали бремя войны на пролетарія,

какъ и вездѣ, причемъ обогащались поставщики и банкиры. Народъ доходилъ до нищеты. Однажды толпа выбила стекла въ каретѣ Георга III, крича: «Долой Питта, войну и голодъ!» Даже вспыхивали бунты среди моряковъ, которыхъ держали впроголодь, почти безъ жалованья, сажали въ какія-то клѣтки на цѣлые годы, драли «кошками съ девятью хвостами». Разъ они появились въ устьяхъ Темзы, на кораблѣ съ краснымъ знаменемъ «пловучей республики». Глухое недовольство овладѣвало массами, а въ Ирландіи все было готово къ поголовному жестокому возстанію. А Питтъ съ каждымъ годомъ вдавался въ матерпковый деспотизмъ. Былъ отмѣненъ Habeas Corpus; были запрещены сообщества, сходки, читальни; преслѣдовали писателей и издателей, типографіи и журналы. Такъ для британца новый вѣкъ начинался полнымъ арсеналомъ торійской реакціи, финансовымъ крахомъ и голодовкой въ Англіи, звѣрствами въ Ирландіи, милліардами фальшивыхъ ассигнатовъ и массой шпіоновъ-подстрекателей во Франціи, — словомъ, матеріальнымъ, политическимъ и нравственнымъ банкротствомъ.

Мало того. Англія подрывала свое обаяніе въ Европѣ: она становилась своего рода государствомъ-пиратомъ. Британцы блокировали порты, насѣдали на прибрежныхъ жителей, обогащались торговыми призами даже насчетъ нейтральныхъ. Они навсегда захватили Мальту и распоряжались Египтомъ. Овладѣвъ Средиземнымъ моремъ, они бросились въ сѣверныя воды и здѣсь прославились тѣмъ, что звѣрской битвой у Копенгагена принудили датчанъ отказаться отъ вооруженнаго нейтралитета. Это вызвало негодованіе всего материка и даже Соединенныхъ Штатовъ Америки, примкнувшихъ къ вооруженному нейтралитету. И если Павелъ I внезапно умеръ, а его преемникъ, Александръ I, замирился съ Англіей, то онъ же заключилъ дружественный договоръ съ Франціей.

Бонапартъ чувствовалъ, что весь материкъ былъ въ его рукахъ для разсчетовъ съ Англіей. Вездѣ, отъ Германіи до Португаліи, стояли отряды его войскъ; всѣ берега, отъ Балтики до Атлантики, повиновались ему. Отовсюду текли деньги въ его военную кассу: въ бюджетѣ Франціи возникла новая статья—«внѣшніе доходы», т. е. сотни милліоновъ, которые взимались, даже въ мирное время, не только съ покоренныхъ или враждебныхъ, но и съ союзныхъ націй. Бонапартъ уже собирался броситься на непокорный островъ: стояла наготовѣ масса перевозочныхъ судовъ для «арміи булонскаго лагеря». Англія сдалась: послѣдовалъ *амьенскій миръ* (мартъ 1802). Франція отступалась только отъ Іоническихъ о-въ, впрочемъ превративъ ихъ въ республику Семи Острововъ; Англія же возвращала

Египетъ султану, Мальту—іоаннитамъ, а французамъ—всѣ свои завоеванія на морѣ.

Всѣ ликовали. Въ глазахъ французовъ, Бонапартъ, объявившій о «закрытіи храма Януса», становился Генрихомъ IV. Но Наполеонъ видѣлъ дальше другихъ. Онъ сказалъ: «Между старыми монархіями и новою республикой всегда будетъ господствовать воинственное настроеніе». И враги вызвали его на ужасную борьбу. Англичане кричали, что амьенскій миръ есть утвержденіе нестерпимаго владычества Франціи на материкѣ, и не думали отдавать Мальту. Они держали у себя эмигрантовъ и снаряжали въ Парижъ новыхъ заговорщиковъ. Ихъ печать изливала потоки грязи на «нечадіе революціи». Наконецъ Георгъ III потребовалъ отъ Бонапарта оставить Мальту за Англіей, очистить Голландію и Швейцарію и вознаградить сардинскаго короля. И англичане начали войну до ея объявленія (май 1803), когда у Наполеона ничего не было готово. Но французы тотчасъ же вступили въ Ганноверъ, и Бонапартъ продалъ Луизіану Соединеннымъ Штатамъ, что̀ потомъ привело къ войнѣ между ними и Англіей. Французы искренно поддерживали своего консула, пылая ненавистью къ безцеремоннымъ британцамъ.

Но Англія поспѣшила опять превратить свою борьбу съ соперницей въ европейскую войну. Ей помогъ въ этомъ самъ Бонапартъ. Онъ вообразилъ, что никто не посмѣетъ перечить ему—и началъ передѣлывать Европу, причемъ всюду искоренялись пережитки феодализма, вводился Наполеоновъ Кодексъ, водворялся порядокъ. Въ Батавской республикѣ явился «регентъ»—наперсникъ Наполеона. Цизальпина превратилась въ Итальянскую республику, съ «президентомъ» во главѣ, которымъ сталъ самъ первый консулъ. Его наперсники сдѣлались президентами республикъ Лигурійской и Луккской, а Пьемонтъ превратился въ 6 департаментовъ Франціи. Бонапартъ сталъ «великимъ посредникомъ Гельветской республики», защищая тамъ демократовъ противъ олигарховъ; а кантонъ Валлисъ, важный въ стратегическомъ отношеніи, былъ объявленъ республикой, опекаемой французами.

Наконецъ, была перестроена Германія. Габсбургъ былъ вытѣсненъ изъ нея; были уничтожены и его опоры—духовные князья и имперскіе города; а усилились наперсники Бонапарта—южные князья да Пруссія. Изъ массы независимыхъ владѣній въ Нѣмецкой имперіи уцѣлѣло лишь съ полсотни болѣе крупныхъ государствъ да 6 вольныхъ городовъ; число курфюрстовъ возросло до 10. Такова была знаменитая «секуляризація», которая служила завершеніемъ реформаціи, бранденбургской политики и вестфальскаго мира. Ея планъ былъ

составленъ еще Сіейсомъ въ 1795 г.: теперь онъ вошелъ почти дословно въ роспись Талейрана, которая была оформлена въ видѣ «протокола имперскаго сейма» (февраль 1803 г.). А пока составлялась роспись, имперскіе князья наполняли его переднія, ухаживали за его лакеями, носили на рукахъ его собачку, забывали на его столѣ драгоцѣнныя табакерки съ червонцами.

А самъ Наполеонъ обнародовалъ отчетъ своего агента на Востокѣ, гдѣ было сказано: «Теперь достаточно 6.000 французовъ, чтобы вновь завоевать Египетъ». И одинъ его генералъ уже возмущалъ тузем-цевъ въ Индіи. Вскорѣ убійство герцога Ангьенскаго показало, какъ длинны руки у Бонапарта. Онъ воскликнулъ тогда: «Пусть же знаютъ враги моей политики, на что я способенъ, и оставятъ меня въ покоѣ!» И явилась новая государственная печать, въ видѣ «парящаго орла».

Недоставало только короны. Если выскочка, казнившій Бурбона, не могъ назваться «королемъ», то былъ титулъ *императора*, принадлежавшій легіонамъ Цезаря. Объ этомъ давно уже хлопотали подручники перваго консула, въ особенности изъ полицейскихъ. Во время процессовъ Пишегрю и Моро, появились чиновничьи адресы Бонапарту. Затѣмъ сенатъ, вдохновленный Фушэ, просилъ «великаго человѣка» сохранить «сынамъ содѣянное имъ для отцовъ». Первый консулъ обѣщалъ подумать: въ челобитной сенаторовъ не было слова «имперія». Тѣмъ временемъ законодателямъ грозили «нетерпѣніемъ арміи совершить революцію, которая должна быть дѣломъ гражданскихъ властей». Наконецъ, трибунатъ высказался въ пользу наслѣдственной имперіи, хотя и прибавилъ, что ожидаетъ «сохраненія выгодъ революціи и правъ и свободы народа». Въ маѣ 1804 г. явился сенатусъ-консультъ, составляющій «конституцію XII года»—шестую съ начала революціи: онъ «довѣрялъ республику императору» наслѣдственно. Бонапартъ тотчасъ же принялъ титулъ *Наполеона I*, «императора французовъ», хотя имя «республики» красовалось еще года три. Плебисцитъ далъ $3^1/_2$ милліона «да» и $2^1/_2$ тысячи «нѣтъ».

2-го декабря совершилось коронованіе, напоминавшее дни короля-Солнца. Наполеонъ не согласился только причаститься, опасаясь яда итальянскихъ прелатовъ; зато онъ тогда же обвѣнчался, хотя и тайно, съ Жозефиной. Обрядъ коронованія совершалъ самъ Пій VII, въ ожиданіи Пипинова дара. Но онъ получилъ только возстановленіе грегоріанскаго календаря; и тогда же іезуиты были выгнаны изъ Франціи. Полгода спустя, Наполеонъ короновался въ Миланѣ, какъ *итальянскій король*.

IV.

Императоръ. Борьба за міродержавіе. (1804—1807).

Ставши императоромъ, Наполеонъ еще больше спѣшилъ жить. Особенно поразительна эта неусыпная дѣятельность въ расцвѣтъ его силъ и счастья—до 1808 г. Тогда-то, наряду съ почти безпрерывными «кампаніями», шла безустанная работа внутренняго строенія Франціи. Но она могла совершаться только урывками, и въ ней уже не было творчества: развивалась величавая машина консульства. Эта машина оказалась бы прямымъ возвратомъ къ старому *абсолютизму*, еслибы ея сила не лежала въ могучей *централизаціи*, искоренявшей пережитки феодализма.

Старый духъ въ новой формѣ проявлялся наглядно въ *Тюльери*. Самъ императоръ назывался «Божіей милостью» и получалъ 25 милл. фр. въ годъ. Воскресли «Madame, французскіе принцы»; къ нимъ прибавились «великіе сановники» и «великіе служители имперіи», въ томъ числѣ 16 «маршаловъ». У супруги, матери и сестеръ императора завелись свои дворы съ пышными штатами. Все это щеголяло титулами «высочествъ, сіятельствъ, превосходительствъ»: сама Жозефина называла мужа не иначе, какъ «ваше величество» и «государь»; и братья не смѣли садиться въ его присутствіи. Тутъ главнымъ культомъ былъ *этикетъ*, по строгимъ правиламъ временъ Людовика XIV. Онъ соблюдался на всѣхъ балахъ, маскарадахъ, охотахъ, сценическихъ представленіяхъ, въ особенности же на торжественныхъ аудіенціяхъ, гдѣ собиралось до 200 высокихъ особъ, при всемъ дипломатическимъ корпусѣ. Живописны и величавы были также церковныя службы въ такіе праздники, установленные «декретами» (указами), какъ день неизвѣстнаго итальянскаго святого (Наполеона) и первое декабрьское воскресенье—въ годовщину коронаціи и Аустерлица. Столь же пышно была представлена имперія заграницей: французскій посланникъ въ Петербургѣ получалъ до 800.000 фр. въ годъ.

Все принимало «августѣйшій» видъ: даже сестры-республики переименовывались въ «королевства». И постепенно цѣлая династія *Наполеонидовъ* заняла престолы Европы. Императоръ женилъ брата Жерома и пасынка Евгенія на принцессахъ Вюртемберга и Баваріи. Самъ онъ сталъ «братомъ» въ семьѣ монарховъ. Оставалось породниться съ ними кровью, тѣмъ болѣе, что Жозефина была безплодна.

Лѣтъ 10 боролся Наполеонъ противъ мысли о разводѣ, на которой настаивали родные, политиканы, наконецъ, почти вся нація. Но на верху своего могущества онъ посватался за сестру императора Александра I, Екатерину Павловну. Получивъ отказъ, Наполеонъ принудилъ Франца II выдать за него свою дочь, *Марію-Луизу* (1810), которой едва исполнилось 20 л. Жозефина уступила лишь послѣ долгихъ мученій: года черезъ четыре она умерла въ своемъ Мальмезонѣ. Годъ спустя послѣ свадьбы, Марія-Луиза подарила императору сына, котораго онъ назвалъ *римскимъ королемъ*.

Началось также «упрощеніе и улучшеніе учрежденій», особенно послѣ Тильзита, когда побѣдитель возвратился въ полной славѣ. *Законодательные* органы превратились въ закрытые «комитеты», наполненные принцами да пожилыми сановниками. Ихъ засѣданія стали почти пантомимой: въ 1811 г. протоколы 11-ти засѣданій заняли менѣе 50-ти страницъ; а въ 1812 г. вовсе не было засѣданій. А къ этимъ законодателямъ перешли дѣла трибуната, который былъ закрытъ, какъ «слѣдъ мятежнаго, демократическаго духа». Все законодательство стало совершаться посредствомъ декретовъ или сенатусъ-консультовъ, продиктованныхъ императоромъ. Это отразилось ярко на уголовномъ кодексѣ, построенномъ на жестокомъ указѣ 1670 г., хотя, по настоянію самого Наполеона, въ немъ были сохранены присяжные и защита. *Суды* стали «императорскими»; въ нихъ было нарушено начало несмѣняемости, чтобы «очистить» ихъ отъ республиканцевъ. Мировая юстиція была стѣснена полицейскими и «спеціальными» судами. Возникло еще «административное» правосудіе, гдѣ чиновники судили сами себя. *Администрація* была усилена возвышеніемъ пышности покорныхъ министровъ (каждый получалъ не менѣе 200.000 фр. въ годъ) да увеличеніемъ власти префектовъ и мэровъ. Полиція разрослась въ особое министерство. Шпіонство доходило до того, что особые сенаторы слѣдили даже за чиновниками по провинціямъ. Явились и тюрьмы для государственныхъ преступниковъ.

Но императоръ больше всего забстился о нервахъ войны—о финансахъ и арміи. Имперія началась чуть не банкротствомъ, а въ 1811 г. выдерживала полтора милліарда издержекъ. Развивая финансовыя учрежденія консульства, Наполеонъ особенно улучшилъ контроль и акцизное вѣдомство, которое ввело даже соляной налогъ и табачную монополію. Подъ конецъ онъ даже бралъ подати за полгода впередъ и сваливалъ часть издержекъ казны на общины. Но главнымъ источникомъ доходовъ стала война. Возникла «сокровищница арміи» изъ «контрибуцій, реквизицій, конфискацій, секвест-

ровъ». Здѣсь числилось, въ 1810 г., на 755 милл. движимостей и тая недвижимость, что годовой доходъ съ ися достигалъ 40 милл. Эти деньги шли не только на военныхъ, но и на преданнѣйшихъ изъ гражданскихъ чиновниковъ, а также на старую аристократію. Въ 1810 г. тратилось до 29 милл. на «даянія» (dotations), несчитая случайныхъ подарковъ, которыхъ было не меньше; остальное расходовалось на покрытіе дефицита, причиняемаго войнами. Суммы самого императора составляли особый отдѣлъ финансовъ, въ видѣ даяній короны, частной домены, удѣловъ принца и принцессъ». Сюда входили земли и дворцы монарховъ, дары, наслѣдства, покупки,— всего болѣе, чѣмъ на 30 милліоновъ.

Съ такими средствами императоръ сталъ энергично двигать впередъ экономическое развитіе страны. Возникло *министерство торговли и промышленности* (1811); явился практичный торговый уставъ (1808), опиравшійся на указы 17-го в. Не жалѣли средствъ на улучшеніе сельскаго хозяйства: осушались болота, охранялись лѣса, разводились луга. И плодоперемѣнная система вытѣсняла трехпольную, свекловичный сахаръ замѣнялъ тростниковый, растительныя масла стали даже вывозить за-границу такъ же, какъ вина и скотъ. Введеніе испанскихъ мериносовъ утвердило шерстяное производство. И крестьянинъ уже чувствовалъ нѣкоторый достатокъ. Но главныя заботы были направлены на промышленность: здѣсь приходилось бороться съ Англіей. Въ одномъ 1811 г., когда подготовлялся русскій походъ, было издержано 20 милл. «на поддержаніе коммерціи». Завелись постоянныя выставки; фабрикантамъ дѣлались всякія поощренія; иногда казна передавала имъ собственные образцовые заводы. Возникъ «общій мануфактурный совѣтъ» (1810)—и посыпались открытія и изобрѣтенія. Наконецъ, Наполеонъ расширялъ фабричное законодательство: и тутъ, при быстромъ развитіи дѣла, сама собой падала регламентація или стѣснительная формалистика. Впрочемъ промышленною свободой пока пользовались одни фабриканты, хотя не забывали и кустарей. Что же касается рабочихъ, то новые указы были тяжелы для нихъ, тѣмъ болѣе, что ихъ споры съ хозяевами разбирала полиція; особенно невыгодны были для нихъ разсчетныя книжки и воспрещеніе стачекъ.

Послѣдствія этой промышленной дѣятельности были поразительны: въ 10 л. почти безпрерывныхъ войнъ возмѣстилось съ лихвой все, утраченное въ революцію. Французскія издѣлія стали первыми въ Европѣ. Французы начали вывозить многіе товары, въ особенности несравненныя шелковыя и шерстяныя ткани. Промышленность поддерживалась еще изумительными общественными

работами, на которыя было истрачено, при имперіи, $1^1/_2$ милліарда фр.: выростали цѣлые города, не говоря уже про порты, крѣпости, каналы, дороги. Въ то же время принимались мѣры оздоровленія (оспопрививаніе), заводились богадѣльни и больницы, воздвигались статуи и т. д. А изъ Парижа Наполеонъ хотѣлъ сдѣлать «что-то сказочное, колоссальное»: въ немъ сооруженія были въ разгарѣ даже въ 1813 г.!

Всѣ эти чудеса совершались среди войнъ, доводившихъ императора иногда и до колоссальныхъ ошибокъ. Такою была *континентальная система*, этотъ «крестовый походъ Европы противъ Англіи», гибельный для обоихъ великановъ. Впрочемъ и тутъ Наполеонъ лишь продолжалъ старинное дѣло: уже директорія мечтала о закрытіи европейскихъ гаваней для англійскихъ товаровъ; а таможенная политика консульства была лишь воспроизведеніемъ указовъ Людовика XIV противъ испанцевъ. Она состояла въ закрытіи французскихъ гаваней для британскихъ товаровъ. Въ отвѣтъ на это Англія объявила французскіе порты въ блокадѣ. Тогда Наполеонъ издалъ декретъ о «континентальной блокадѣ» (1806), причемъ всякая собственность англичанъ на материкѣ становилась его добычей, а они сами—военноплѣнными. Масса англійскихъ товаровъ была сожжена: материкъ остался безъ сахара и кофе. Въ Англіи пошатнулась вѣковая промышленность, а Франція превращалась въ фабрику для всего материка. Но стала торговля и развилась неслыханная контрабанда: вскорѣ самъ Наполеонъ принужденъ былъ продавать своимъ купцамъ «дозволенія» торговать съ Великобританіей. Между тѣмъ континентальная система возбудила всеобщую ненависть: она разоряла народы; ради нея Наполеонъ захватилъ Голландію, Ольденбургъ и ганзейскіе города. А это поссорило его съ братомъ Люп и соратникомъ Бернадотомъ и было первымъ поводомъ къ разрыву съ Россіей.

Ненависть вызывалась еще больше мѣрами императора въ области «идеологіи». *Церковь* открыла упорную борьбу съ цезаризмомъ. Пій VII открыто дружилъ съ Англіей и Австріей. За это послѣдовалъ шенбрунскій декретъ о прекращеніи свѣтской власти папъ (1809), а Церковная область превращалась во французскій департаментъ. Папа издалъ отлучительную буллу противъ «насильниковъ». Жандармы императора схватили его, въ полномъ облаченіи, и привезли въ Савону. Здѣсь больного старика подвергли одиночному заключенію; у него отняли все—до письменнаго прибора и молитвенника. Наконецъ Наполеонъ собралъ въ Парижѣ, подъ предсѣдательствомъ дяди, Фэша, «національный соборъ» для утвержденія

повыхъ епископовъ. Но владыки потребовали освобожденія папы. Однако Фушэ усмирилъ этихъ «церковныхъ сторожей», бросивъ нѣкоторыхъ изъ нихъ въ тюрьму. А измученный Пій VII былъ привезенъ въ Фонтенебло, гдѣ его принудили подписать примирительный конкордатъ (1813). Но вслѣдъ затѣмъ онъ вдругъ опять воспрянулъ духомъ и издалъ отреченіе отъ этого конкордата. Тутъ къ границамъ Франціи подошли союзники—и Наполеонъ отпустилъ свою жертву въ Римъ.

Отношенія императора къ другимъ религіямъ оставались прежнія. Но его терпимость нашла себѣ особенно яркое проявленіе въ *еврейскомъ* вопросѣ, который занималъ его и съ политической точки зрѣнія. Получивъ права при революціи, евреи устремились отовсюду въ Эльзасъ; но они жили тамъ особнякомъ, увлекались ростовщичествомъ и уклонялись отъ воинской повинности. Императоръ задумалъ «организовать изъ нихъ націю». Такъ какъ у евреевъ не было главы, то онъ собралъ «великій синедріонъ» (1806) изъ представителей всѣхъ синагогъ Европы. Наполеонъ предложилъ ему такую реформу, чтобы «у евреевъ осталось одно только еврейское—догма» и чтобы они вышли изъ того состоянія, въ которомъ «религія — единственный гражданскій законъ, какъ у мусульманъ и вообще въ дѣтствѣ народовъ!» Евреямъ предоставлялась религіозная свобода наравнѣ съ католиками, но съ тѣмъ, чтобы они повиновались законамъ, въ особенности же отбывали воинскую службу, ради чего вводились и фамиліи. Такъ, мозаизмъ сталъ одною изъ четырехъ «признанныхъ» религій, наравнѣ съ греческой, англиканской и мусульманской. Всѣ онѣ сами содержали свое духовенство и подчинялись той статьѣ уголовнаго кодекса, по которой требовалось разрѣшеніе для всякаго сообщества свыше 20 человѣкъ.

Нигдѣ цезаризмъ имперіи не проявлялся такъ ярко, какъ въ дѣлѣ наиболѣе чуждомъ ему—въ просвѣщеніи. Теперь-то вполнѣ осуществился идеалъ казенной учебы, подъ видомъ *императорскаго университета* (1808). Это—совокупность власти въ области педагогіи или министерство просвѣщенія, другими словами—«корпорація» педагоговъ съ военной дисциплиной. Во главѣ университета стоялъ «великій учитель», которымъ былъ назначенъ придворный поэтъ, Фонтанъ, заклятый врагъ «идеологіи» или «философской партіи.» Ему подчинялся цѣлый штатъ «общихъ и частныхъ инспекторовъ». Университетъ совмѣщалъ въ себѣ всѣ школы, не исключая частныхъ. Его духъ опредѣлялся слѣдующими словами указа: «Его величество желаетъ имѣть корпорацію, которая была бы недоступна лихорадочнымъ припадкамъ моды, указывала бы

добро и предостерегала отъ зла; онъ надѣется найти въ ней обезпеченіе противъ вредныхъ теорій, служащихъ къ потрясенію общественнаго строя». Для массъ это пояснялось «императорскимъ катехизисомъ», гдѣ читаемъ: «Господь сдѣлалъ нашего императора Своимъ подобіемъ на землѣ, слѣдовательно почитать императора и служить ему—значитъ почитать самого Бога и служить Ему».

Но Наполеонъ энергично распространялъ просвѣщеніе количественно. Для высшаго образованія заводились «факультеты», для приготовленія учителей—Нормальная Школа. Появилось много спеціальныхъ школъ юридическихъ, медицинскихъ, ремесленныхъ, техническихъ. Особенно заботились о лицеяхъ (родъ гимназій), которые поставляли чиновниковъ и офицеровъ. Здѣсь больше всего поощрялись таланты, на основѣ равенства всѣхъ сословій, ради котораго было назначено много стипендій и даже безплатныхъ вакансій, и вообще было удешевлено обученіе. Только для дѣвочекъ ничего не сдѣлали, кромѣ института дѣвицъ военнаго званія и кавалеровъ Почетнаго Легіона: «имъ не нужно общественнаго обученія, такъ какъ онѣ не предназначены для общественной жизни», сказалъ императоръ.

Больше всего потерпѣла *печать*, въ особенности періодическая. Восемь газетъ пробавлялись легкой словесностью да литературными сплетнями. Имъ запрещалось говорить о разныхъ вопросахъ, особенно о религіи; по политикѣ же разрѣшались только «внушенныя» статьи. И Наполеонъ все былъ недоволенъ газетами: онъ перемѣнялъ ихъ названія, смѣщалъ и штрафовалъ редакторовъ да взималъ % съ ихъ доходовъ; иногда даже отдавалъ весь журналъ въ собственность близкому человѣку. Наконецъ, явился «указъ о печати» (1810), формально возстановлявшій *цензуру*. «Печать—казенная служба!» воскликнулъ императоръ: и министру полиціи было предоставлено право даже истреблять книги, пропущенныя цензорами. Сверхъ того, учредили «общее управленіе по книжнымъ дѣламъ», которое надзирало за издателями и книгопродавцами. Оно завело массу формальностей и наказаній за ихъ нарушенія. Число типографій и книжныхъ лавокъ было ограничено. Въ каждомъ департаментѣ могла издаваться только одна газета, и то подъ надзоромъ префекта. Еще разсылались циркуляры—цѣлая казенная литература на разные случаи. Наконецъ, «черный кабинетъ» вскрывалъ частныя пасьма.

Послѣ журналистики, театръ наиболѣе интересовалъ императора. Комедіи совсѣмъ прекратились; изъ трагедій давались только риторическія, съ намеками на «спасителя націи». Точно такъ-же

императоръ преслѣдовалъ самобытныхъ художниковъ и выдвигалъ льстивыхъ лжеклассиковъ. Онъ дѣлалъ угодливыхъ писателей академиками, кавалерами Почетнаго Легіона и даже маршалами; онъ давалъ имъ награды изъ контрибуцій съ газетъ. А съ непокорными поступали, какъ съ г-жей Сталь. Она вернулась-было въ Парижъ для печатанія своего романа, но Фушэ велѣлъ ей убираться въ 24 часа: и она уже не возвращалась въ отечество до паденія Наполеона.

Въ обществѣ развивался типъ, зародившійся при консульствѣ. Императоръ запечатлѣлъ его возстановленіемъ *знати* (noblesse) съ ея старыми титулами и правомъ первородства (1808). Онъ одарялъ эмигрантовъ имуществами, завелъ для ихъ сынковъ корпуса и «почетную гвардію». Впрочемъ Наполеонъ велѣлъ ихъ богатымъ невѣстамъ выходить замужъ за своихъ генераловъ-выскочекъ; и вообще онъ давалъ титулы больше за заслуги, чѣмъ по рожденію. Такими мѣрами онъ достигъ окончательной прививки «сервилизма» къ французамъ. Новая знать, не понимавшая даже сословной чести, доходила до того, что называла императора «его преосвященнѣйшимъ величествомъ» и «избранникомъ Божіимъ». Когда побѣдитель Европы возвратился изъ Тильзита, сенатъ сказалъ ему: «Ваша слава слишкомъ велика. Чтобы измѣрить эту безконечную высоту, надо стать на разстояніе потомства». Судьи воскликнули: «Наполеонъ выше человѣческой исторіи; онъ выше благоговѣнія!» А сенскій префектъ находилъ, что все это «выше нашего пониманія; и нѣтъ другого средства выразить все это, кромѣ молчаливаго изумленія, налагаемаго благоговѣніемъ».

И все это отражалось въ литературѣ. То была слащавая и вылощенная, пустопорожняя и жеманная словесность «свѣта». Всюду слышались идиллическіе вздохи, видѣлись античные символы. Всѣ «описывали» Меланхолію, Мореплаваніе, Смерть Авеля и т. под., съ прозрачными намеками на «него». Такъ какъ приходилось избѣгать разсужденій, то писатели стали совершенствовать форму: имперія содѣйствовала развитію ясности, изящества, но также кокетливости и вычурности французской рѣчи.

До сихъ поръ мы не касались главнаго созданія имперіи—«*великой арміи*». Описаніе ея послужитъ намъ теперь переходомъ къ чудесамъ воинскаго поприща императора.

Тутъ Наполеонъ не щадилъ ничего. Послѣ Іены онъ началъ брать рекрутъ впередъ; послѣ Москвы явилась еще «національная гвардія» — подростки, которыхъ называли «Маріями-Луизами» за ихъ дѣтскія личики; а послѣ Лейпцига было объявлено поголовное ополченіе. Такъ въ 15 лѣтъ завоеватель призвалъ подъ знамена болѣе

3 милл. французовъ да столько же иноземцевъ. Отсюда страшное дезертирство и «ослушничество» (уклоненіе отъ службы), а съ 1808 г. явное паденіе знаменитой дисциплины. Солдаты стали мародерствовать: они страдали воспаленіемъ кишекъ; ихъ плохо кормили, ибо, по словамъ императора, «война должна питать войну». И вооруженіе-то у нихъ было плохое: старое кремневое ружье, пушки образца 1765 г., жалкіе кони. Но это все-таки была «великая» армія. Она питала духъ военной чести, боготворила вождя и нерѣдко рыцарски поступала съ побѣжденными. Она отличалась самостоятельностью и подвижностью каждой своей части, пылкомъ, смѣтливостью единицъ, умѣньемъ владѣть оружіемъ. Она знала одинъ только кликъ—«впередъ!». Эти молодцы были достойны 14-ти баснословныхъ походовъ «генія битвъ». Такъ какъ смерть, уносившая слабыхъ, дѣлала отличный подборъ, то казалось, будто ихъ не брали ни пули, ни болѣзни, хотя у многихъ отъ ранъ тѣло было, «какъ цѣдилка».

Особенно блестяща была синяя «императорская гвардія»—сливки великой арміи. Послѣ Эйлау она была доведена до 100.000. Затѣмъ лучшею пѣхотой были рослые «гренадеры», которые оттѣнялись легкими, юркими «волтижерами». Еще живописнѣе и отважнѣе была кавалерія, которой почти не знали послѣ Кромвеля и Фридриха II. Въ тяжелой кавалеріи гордостью были зеленые «конные егеря», въ легкой — «гусары» въ мундирахъ цвѣта райской птицы. Артиллерія мало измѣнилась по внѣшности; но Наполеонъ придалъ ей первоклассное значеніе. Онъ дѣлалъ «пробоины» въ рядахъ непріятеля, осыпая ихъ, на 80 шаговъ, залпами изъ 70—150 пушекъ.

Таковы были французы «великой арміи». Но она настолько же состояла еще изъ «вспомогательныхъ» (вассалы) и «иностранныхъ» (союзники) корпусовъ. Тутъ были лучшія военныя силы всѣхъ народовъ, не исключая албанцевъ и татаръ. Эти полчища были достойны такой арміи, по своей отвагѣ и усердію: они отличались только отъ французовъ частью неповоротливостью, частью дикой стадностью. Ихъ красой были «полки» поляковъ, бросившихся къ Наполеону добровольцами съ 1807 г.: плохо обученные, не знавшіе дисциплины, они блистали пылкой храбростью и изящною выправкой.

Наполеонъ не успѣлъ только устроить *флотъ*: онъ пользовался старьемъ да силами своихъ морскихъ вассаловъ. Но онъ замышлялъ обогнать самихъ англичанъ: въ одинъ годъ была спущена въ воду дюжина линейныхъ кораблей и строилось еще съ полсотни водяныхъ великановъ.

Солдатамъ великой арміи соотвѣтствовали вожди. Правда, сказка придала имъ колоссальные размѣры; исчезли чистые герои революціи—Гошъ, Моро, Клеберъ; и Наполеону стали претить самостоятельныя личности. Но все-таки это были еще паладины новаго Карла Великаго. Всѣ они дѣйствовали изумительно подъ его личнымъ руководствомъ. Императоръ умѣлъ и выбирать ихъ, и цѣнить. Онъ рано отпускалъ ихъ на покой и давалъ хорошія пенсіи и мѣста. Онъ не скупился для нихъ на званіе маршала, дѣлалъ ихъ даже «принцами», графами и баронами, осыпалъ ихъ сказочными «даяніями» (Бертье получалъ до $1^1/_2$ милл. фр. въ годъ). Паладины выходили по преимуществу снизу, изъ народа. Всѣ они были воинами по призванію — выносливыми, исполнительными храбрецами. Въ этомъ смыслѣ были хороши даже такія посредственности, какъ Бернадотъ, Ожеро, Жюно, Удино, Груши-и др. А надъ ними возвышалась цѣлая плеяда военныхъ свѣтилъ. Бертье былъ образцомъ начальника штаба; его помощникъ, Жомини—великимъ военнымъ теоретикомъ. Изъ полководцевъ Сультъ и Массена прославили бы эпоху, еслибы подлѣ нихъ не было Наполеона. Немного ниже ихъ стояли «Діоскуры великой арміи»—Даву и Мармонъ. Затѣмъ слѣдуютъ не особенно талантливые, но несравненные храбрецы—Ней, Ланнъ и Мюратъ.

Но у этого блестящаго сонма паладиновъ хромала нравственность—даже по сравненію съ массой «великой арміи». Правда, и тутъ сказка преувеличила: нужно еще удивляться, сколько было отрадныхъ исключеній среди этихъ питомцевъ кровопролитія и бурной эпохи. Нельзя не сочувствовать рыцарственности Мортье и Лористона, добротѣ Макдональда и Даву, честности республиканца Журдана, правдивости Бертрана, благородству Удино, великодушію къ врагамъ Нея, безкорыстію Бессьера. И самымъ идеальнымъ полководцемъ былъ талантливый пасынокъ императора, Евгеній Богарнэ. Но вообще грѣхи паладиновъ равнялись ихъ подвигамъ, и чѣмъ дальше, тѣмъ больше. Во главѣ ихъ стояло алчное корыстолюбіе: они даже хвастались своей ловкостью контрабандистовъ и безпощадностью разбойниковъ. Бернадота и Ожеро даже солдаты называли «денежными телѣгами»; а Массена до того проворовался, что Наполеонъ отнялъ у него 6 милл. и уволилъ его въ 1812 г. «Они не хотятъ больше драться! Я слишкомъ обогатилъ ихъ!» воскликалъ императоръ про своихъ маршаловъ. Послѣ алчности, у этихъ выскочекъ слѣдовало поразительное честолюбіе, доходившее до дѣтскаго тщеславія, и хвастовство. Въ то же время эти поклонники успѣха были холопами своего владыки. Оттого тутъ передъ нами

и рядъ предателей, и такихъ смѣшныхъ завистниковъ, какъ Бернадотъ, Ожеро, Мармонъ. Первыми измѣнили Наполеону его Вeніамины—Бертье, Даву, Мюратъ, Сультъ, Удино, Ней, Мортье.

Богатырская работа Наполеона-правителя, въ концѣ концовъ, подрывала его собственную будущность; но на первыхъ порахъ она доставляла невиданную централизацію силъ, которая давала ему мимолетный перевѣсъ въ *міровой борьбѣ*.

А борьба была неизбѣжна. Могучій императоръ сказалъ тотчасъ послѣ коронаціи: «Не будетъ покоя Европѣ до тѣхъ поръ, пока она не подчинится *единому* начальнику». И онъ назначилъ своего пасынка Евгенія вице-королемъ Итальянскаго королевства, къ которому прирѣзалъ еще Лигурійскую республику; а Лукка была превращена въ княжество для его шурина, Бачьоки, мужа Элизы Бонапартъ. Впрочемъ Наполеонъ не думалъ воевать, увѣренный въ послушаніи Европы. Послѣ страшнаго Маренго онъ охладѣлъ къ брани, углубился въ дѣла правленія. Онъ снова умолялъ Георга III «подчиниться голосу разума и человѣколюбія». Но исторія требовала войны. Англія и не думала бросать тяжбу, завѣщанную консульствомъ. Ея правителемъ снова сталъ неукротимый Питтъ, вышедшій-было въ отставку ради амьенскаго мира. Онъ опять подготовлялъ крестовый походъ противъ «бандита» материка. Кстати послѣдній самъ затронулъ интересы Австріи и Россіи.

Запуганнаго Франца II ободрялъ поведеніе новаго царя. Напрасно Наполеонъ внушалъ въ Петербургѣ свою любимую мысль: «Обѣ державы, стоящія по краямъ Европы, не могутъ вредить другъ другу, а, соединясь, могутъ имѣть повсюду важное вліяніе». Александръ I, при всемъ своемъ либерализмѣ того времени, сразу выказалъ консерватизмъ во внѣшней политикѣ: на него дѣйствовали навѣты англичанъ, ропотъ его «патріотовъ» или «старорусовъ» да гатчинское воспитаніе. Послѣднее тотчасъ же привело къ мемельскому свиданію (1802), гдѣ завязалась роковая дружба съ Фридрихомъ-Вильгельмомъ III, скрѣпленная «платоническимъ кокетствомъ» 24-лѣтняго царя-рыцаря съ «волшебницей», съ молодой, красивой, бойкой королевой Пруссіи, Луизой. Въ то же время Россія поднимала «восточный проектъ» Екатерины II, мѣтившій на присоединеніе Молдо-Валахіи, Каттаро, Корфу, а тамъ—и Константинополя. И Александръ вдругъ возстановилъ требованіе своего отца въ пользу королей Сардиніи и Неаполя, которое естественно оскорбляло Наполеона, какъ безпричинное вмѣшательство въ его дѣла. Затѣмъ онъ наложилъ трауръ при дворѣ по «убіенному» герцогу Ангьенскому. Образовалась *третья коалиція*—Англія, Россія, Австрія, Неаполь и Швеція,—распола-

гавшая полмилліономъ штыковъ. Въ сентябрѣ 1805 г. союзники открыли кампанію: австрійцы внезапно захватили Баварію.

Наполеонъ погибалъ: за него были только ничтожные потентаты Баваріи, Вюртемберга и Бадена, одаренные имъ въ Раштатѣ. Ему приходилось бороться чуть не со всею Европой и вести, вопреки его правиламъ, оборонительную войну. Зато его геній никогда еще не проявлялся въ такомъ блескѣ. Императоръ серьезно работалъ тогда надъ «высадкой» въ Булони. Чтобы подготовить ее, онъ велѣлъ своему бездарному адмиралу напасть, съ помощью испанской эскадры, на англичанъ, пользуясь превосходствомъ силъ. Но британскимъ флотомъ начальствовалъ морской Наполеонъ, геніальный Нельсонъ. Онъ разгромилъ (21 октября) французовъ у мыса *Трафальгара*, близъ Кадикса, хотя самъ палъ въ битвѣ: и началось безспорное владычество Англіи на-водахъ. Между тѣмъ, въ концѣ августа, въ разгаръ приготовленій къ высадкѣ, императоръ вдругъ продиктовалъ планъ кампаніи, который «предвидѣлъ событія войны, ихъ дни и послѣдствія, словно набросокъ воспоминаній о быломъ», какъ выразился Сегюръ. И черезъ мѣсяцъ онъ стоялъ уже на Рейнѣ съ 200.000 солдатъ.

Тутъ ему помогли сами враги. Александръ I поторопилъ Франца II, увѣривъ его въ поддержкѣ потсдамскаго друга, съ которымъ они поклялись тогда въ «вѣчной дружбѣ» у гробницы Фридриха II. Но другъ уже уперся тогда въ свой «строжайшій нейтралитетъ»: Наполеонъ пообѣщалъ ему Ганноверъ; а русская дипломатія, руководимая Чарторижскимъ, мечтавшимъ о возстановленіи Польши, угрожала ему лишеніемъ польскихъ провинцій. Сами русскіе спѣшили на черепахахъ и ракахъ, какъ изображались они въ карикатурахъ. Выскочившая впередъ Австрія находилась «въ изнеможеніи», по сознанію самого Габсбурга. Ея баварскою арміей командовалъ бездарный Макъ—полководецъ старой школы, къ которой принадлежали также его русскіе и прусскіе товарищи.

А у Наполеона начались незабвенные марши и хитрости, которые дѣлаютъ честь не одному вождю, забывшему о своемъ императорствѣ, но и его сподвижникамъ. Солдаты опять подшучивали: «онъ побилъ врага не руками нашими, а ногами». Благодаря почти однимъ безошибочнымъ маневрамъ, на пространствѣ болѣе тысячи верстъ, въ три недѣли была уничтожена 100-тысячная армія; самъ Макъ сдался съ цѣлымъ корпусомъ въ *Ульмѣ* (20 октября). Вслѣдъ затѣмъ Наполеонъ узналъ о Трафальгарѣ. Онъ бросился, въ ярости, впередъ — и черезъ 40 дней Австрія лежала у его ногъ. А казалось, самъ герой попалъ въ западню. Передъ нимъ

стягивались къ Вѣнѣ двѣ свѣжія арміи австрійцевъ; Пруссія прислала къ нему Гаугвица съ ультиматумомъ; въ Неаполѣ показался англо-русскій отрядъ. Наконецъ, выступилъ юный, славолюбивый царь съ ветеранами Суворова, которыми командовалъ хитрый Кутузовъ. Этотъ старый смѣтливый «старорусс» понялъ, что нужно убираться изъ Баваріи, и отступалъ искусно. Французы гнались за нимъ по пятамъ и иногда брали въ плѣнъ русскихъ больше, чѣмъ сколько было ихъ самихъ. Они добѣжали до Моравіи. Но тутъ подоспѣла свѣжая русская армія, съ самимъ царемъ во главѣ, а за нею и австрійцы; съ тыла же надвигались пруссаки. Наполеонъ задержалъ Гаугвица въ почетномъ плѣну и рѣшился, съ своими истомленными 80.000, дать битву 100 тысячамъ свѣжихъ союзниковъ.

Смѣльчаку помогли враги. Русскіе поражали своимъ плохимъ снаряженіемъ, отсталыми порядками, невѣжествомъ и бахвальствомъ офицеровъ; они держали себя «спаспителями Европы». Австрійцы гнушались этими «варварами»; а ихъ нелѣпый штабъ морилъ ихъ голодомъ. Смятеніе у союзниковъ возросло съ пріѣздомъ обоихъ императоровъ. Кутузовъ настаивалъ на отступленіи, Александръ рвался впередъ. Наполеонъ только этого и ждалъ: онъ всячески завлекалъ врага, даже звалъ царя на свиданіе какъ бы изъ страха, намекая на свое плохое положеніе. Посланный къ нему царемъ адъютантъ донесъ: «Нашъ успѣхъ несомнѣненъ. Стоитъ намъ двинуться — и непріятель подастся». 2-го декабря союзники двинулись съ своей грозной позиціи, чтобы «обойти» врага у Аустерлица. «Они идутъ въ западню! Эта армія — наша!» воскликнулъ Наполеонъ, потирая руки. Онъ пробилъ ослабленный обходомъ центръ русскихъ и разрѣзалъ ихъ на двѣ части, изъ которыхъ одна погибла на льду пруда, взломанномъ бомбами. Бой трехъ императоровъ вышелъ «необыкновенною» битвой, какъ и желалъ побѣдитель. Военные историки начинаютъ съ него новую эпоху генеральныхъ сраженій. Питтъ умеръ отъ его «призрака». Аустерлицъ разрушилъ коалицію, но положилъ сѣмя мести озлобленныхъ монарховъ. Онъ—основа міродержавія рокового человѣка и исходная точка пяти великихъ кампаній (1805—1809), сопровождавшихся развалинами старины. Самъ Наполеонъ гордился больше всего «солнцемъ Аустерлица».

Ближайшимъ слѣдствіемъ Аустерлица былъ переворотъ въ Германіи, названный *пресбургскимъ миромъ*, или, какъ говорили сами австрійцы, «капитуляціей» Габсбурга. Австрія теряла $^1/_6$ своего населенія: Венеція съ Истріей и Далмаціей отошли къ Итальянскому королевству, Тироль—къ Баваріи, австрійская Швабія—къ Вюртембергу и Бадену. Францъ II сталъ «Францомъ I императоромъ

австрійскимъ». Вслѣдъ затѣмъ рухнула 800-лѣтняя Священная римско-нѣмецкая имперія (1806): ея мѣсто занялъ *Рейнскій Союзъ*, съ «протекторомъ» Наполеономъ во главѣ, которому онъ уступалъ свою сто-тысячную армію и почти всю среднюю и нижнюю Германію (15 милл. нѣмцевъ). Имперскіе князья опять лакействовали въ передней Талейрана. Многихъ изъ нихъ Наполеонъ «медіатизовалъ», или лишилъ власти, т. е. уничтожилъ феодальное мелкодержавіе Германіи въ пользу немногихъ, покорныхъ и родственныхъ ему, государей. Баварія и Вюртембергъ превратились въ королевства, Баденъ—въ великое герцогство. Вопреки желанію невѣстъ и самихъ женіховъ, Наполеонъ женилъ Евгенія и Жерома на принцессахъ новыхъ королевствъ и отдалъ за баденскаго наслѣдника племянницу Жозефины, ту Стефанію, про близость которой къ императору сплетничали тогда.

И настала эпоха *Наполеонидовъ*. Самъ творецъ ихъ уже офиціально принялъ титулъ «Великаго»: день его рожденія сталъ національнымъ праздникомъ имперіи, напоминавшимъ апоѳеозу цезарей. Столь же офиціально объявилъ онъ себя «защитникомъ церкви» и сталъ вполнѣ распоряжаться землями папы. Затѣмъ братъ Люи былъ «назначенъ» королемъ Голландіи. Особенно много вассаловъ было натворено въ Италіи. Тамъ съ необычайнымъ шумомъ рухнуло самое маститое государство—Неаполь. Королева Каролина открыла свои гавани англичанамъ и русскимъ — и тотчасъ послѣ Аустерлица явился приказъ по войскамъ: «неаполитанская династія перестала существовать; покажемъ міру, какъ мы караемъ клятвопреступленія». Жозефъ Бонапартъ сталъ «королемъ Обѣихъ Сицилій». Затѣмъ по всей Италіи было выкроено 20 «титулярныхъ» герцогствъ, владѣльцы которыхъ не имѣли власти, пользуясь только титулами да «рентами». Тутъ, прежде всего, были пристроены сестрицы Наполеона. Полина сдѣлалась княгиней Гвастальской, Элиза — великой герцогиней Тоскапской, а ея дочь — герцогиней Пармской. Мюратъ оказался великимъ герцогомъ Бергскимъ, Бертье, Талейранъ и Бернадотъ—князьями Невшателя, Беневента и Понте-Корво. Еще позже та же система была распространена на Германію и Польшу.

Возникло новое международное право. Подданные одного государства пользовались правами подданныхъ другихъ государствъ. Съ другой стороны, даже короли изъ Наполеонидовъ оставались подданными своего творца. Владыка обращался съ ними, какъ съ лакеями, и требовалъ, чтобы они угнетали свои страны ради него. Онъ даже тѣмъ болѣе притѣснялъ ихъ, чѣмъ сильнѣе привязывались къ нимъ

подданные за ихъ заступничество и за благотворныя реформы. Его Вепіаминъ, Люи, получалъ отъ него такіе уроки: «Вы управляете слишкомъ по капуцински. Вы потеряли голову и забываете, чѣмъ обязаны мнѣ. Или вамъ хочется получить всенародное доказательство моего неудовольствія? Вы дѣлаете глупость за глупостью, въ отвѣтъ на мои совѣты. У васъ самый узкій умственный горизонтъ, только чувствованьица да скаредность лавочника. Вы неисправимы, фальшивы; вы — измѣнникъ!» Немудрено, что Элиза говорила непокорному Люсьену: «Нельзя обращаться съ владыкой міра, какъ съ нашей ровней. Природа создала насъ дѣтьми одного отца, а чудо превратило насъ въ его подданныхъ. Хотя мы и государи, мы всѣмъ обязаны ему». И Наполеониды слушались своего владыки; а когда онъ палъ, почти всѣ они предлагали ему себя и свои сокровища.

На всемъ Западѣ уцѣлѣла одна *Пруссія*. Уже 10 лѣтъ, съ базельскаго мира, она лицемѣрила съ союзниками, подъ видомъ «строжайшаго нейтралитета», и безъ войнъ удвоила свои владѣнія на счетъ Польши. Осторожный до трусливости, ненавидѣвшій войну Фридрихъ-Вильгельмъ III вручилъ внутреннія дѣла «патріотамъ», завзятымъ нѣмцамъ, Гарденбергу и Штейну, а иностранныя—хитрому франкофилу Гаугвицу. Но душой правленія оказалась тупоумная, развратная камарилья, опиравшаяся на сиссивос и отсталое юнкерство. Наступила глухая реакція; а дипломатія стала такимъ образцомъ трусости и коварства, что сами нѣмцы не довѣряли Фридриху-Вильгельму III. И недаромъ: юный король явно служилъ старой гогенцоллернской идеѣ «прусскаго» объединенія Германіи. Когда, послѣ Аустерлица, Наполеонъ предложилъ ему Ганноверъ, чтобы поссорить его съ Англіей, и такую «приманку», какъ «сѣверное императорство», онъ, «опьяненный радостью», объявилъ себя «личнымъ другомъ мужа вѣка». Тогда владыка потребовалъ, чтобы новый другъ выступилъ и противъ Россіи. Король согласился и на это, и поспѣшилъ занять Ганноверъ; но въ то же самое время онъ заключилъ тайный союзъ съ Россіей противъ Франціи! Наполеонъ еще не зналъ этого, но столь же тайно предложилъ Ганноверъ Англіи, гдѣ франкофилъ Фоксъ смѣнилъ тогда Питта. Въ то же время онъ подъ рукой ознакомилъ нѣмецкихъ князей съ «сѣвернымъ императорствомъ».

Впрочемъ Наполеонъ не думалъ о войнѣ съ Пруссіей. Онъ дорожилъ ея союзомъ, въ виду неизбѣжной новой войны съ Австріей и Россіей. Онъ даже побаивался Пруссіи. Обаяніе Фридриха II дѣйствовало и на него: онъ считалъ хорошею нетронутую 200-тысяч-

ную армію своего берлинскаго друга, а ея кавалерію — первою въ Европѣ. Наполеонъ начерталъ два плана отступленія, на случай пораженія. При отъѣздѣ въ походъ, прощаясь съ Жозефиной, онъ упалъ въ обморокъ. Зато Фридрихъ-Вильгельмъ III труснлъ еще больше; но его увлекло общее движеніе. Дѣло въ томъ, что съ самой коронаціи владыки готовилось ему историческое возмездіе. Она была разрывомъ съ революціонною идеей, въ которой заключался весь смыслъ «звѣзды» корсиканца. Въ народахъ шевелилась подозрительность, закипѣла ненависть къ вѣнчанному обманщику. Постепенно сталъ обнаруживаться *націонализмъ* или «патріотизмъ», въ смыслѣ желанія освободиться отъ новаго «тирана». Прежде всего онъ почувствовался въ Пруссіи, которая еще не была «проучена». Во дворцѣ возобладали «патріоты», во главѣ которыхъ стояли королева Луиза, братъ короля, Лудвигъ, и Блюхеръ. Къ нимъ примыкали такіе вожди интеллигенціи, какъ Штейнъ и Александръ Гумбольдтъ. Націонализмъ блеснулъ и въ Германіи, особенно среди интеллигенціи, въ университетахъ и литературѣ. Пальмъ издалъ горячее «Глубочайшее униженіе Германіи». Наполеонъ разстрѣлялъ его,—дѣло, потрясшее всѣхъ не меньше, чѣмъ казнь герцога Ангьенскаго.

Фридрихъ-Вильгельмъ III вдругъ сталъ собирать войска. То же дѣлалъ Александръ I. Англія, гдѣ умеръ тогда Фоксъ, дала денегъ и подняла Швецію. Образовалась *четвертая коалиція*—такая же, какъ третья, только съ замѣной Австріи Пруссіей. Пруссія и послала Наполеону дерзкій ультиматумъ — очистить Германію. Императоръ внезапно явился въ Майнцъ къ арміи, дѣлая по 25 верстъ въ часъ. Лишь 10 дней спустя, тронулась тяжелая штабъ-квартира пруссаковъ, съ королевской четой. Никто въ «отечествѣ» не поднимался за Гогенцоллерна, а русскіе опять тащились на черепахахъ. Вождемъ пруссаковъ былъ бездарный старецъ, герцогъ Брауншвейгскій, рутинеръ старой школы. Офицерами были кутилы-юнкера, которые морили солдатъ голодомъ и истязали «сквозь строемъ». Генералы перекорялись между собой; король и принцы мѣшали имъ. Наполеонъ понялъ все—и кампанія 1806 г. вышла слѣпкомъ съ похода 1805 г. Онъ заманилъ пруссаковъ въ ловушку и отрѣзалъ имъ отступленіе на Берлинъ. 14 октября 1806 г. французы одержали разомъ двѣ побѣды—подъ *Іеной* и у *Ауэрштедтомъ*. Пруссаки страшно спутались, стрѣляли въ своихъ. Ужасно было ихъ ночное бѣгство. Принцъ Лудвигъ и герцогъ Брауншвейгскій были убиты; королевская чета едва спаслась отъ плѣна. Пруссія подверглась болѣе жестокому разгрому, чѣмъ даже Австрія. Остатки ея арміи бѣжали до самой Польши, причемъ попали въ плѣнъ даже Блюхеръ и Шарнгорстъ.

Крѣпости сдавались одна за другой. Королевская чета бѣжала къ русскимъ въ Мемель.

«Наполеонъ дунулъ на Пруссію—и она перестала существовать», сказалъ Гейне. Передъ міромъ совершалось одно изъ разложеній затхлаго абсолютизма. Чиновники подползали къ побѣдителю съ лестью. Интеллигенція снова задумывалась надъ идеалами революціи. Въ закрѣпощенныхъ массахъ не искрилось и слѣда династическаго патріотизма. Наполеонъ наложилъ на Пруссію убійственную контрибуцію и началъ взимать съ жителей немилосердные налоги. До 1813 г. Пруссія оставалась департаментомъ Франціи: она содержала 150.000 французовъ, а сама не смѣла имѣть болѣе 42.000 солдатъ. Рейнскій Союзъ былъ распространенъ на сѣверъ Германіи; другъ Наполеона, курфюрстъ Саксонскій, сталъ королемъ.

Побѣдитель немедленно взялся за расправу съ помощниками Пруссіи. Въ Берлинѣ онъ издалъ декретъ о континентальной блокадѣ. Затѣмъ Наполеонъ возвѣстилъ, что «Франція никогда не признавала раздѣла Польши»—и поляки дали ему 60.000 солдатъ, а графиня Валевская приласкала его самого. Наконецъ, великій дипломатъ поднялъ Порту, которая начала 7-лѣтнюю войну съ Россіей.

Русскіе опять опоздали и были плохо снаряжены. Они отступали съ своимъ престарѣлымъ, больнымъ Каменскимъ. Но ихъ стойкость и выносливость озадачили завоевателя: «мы деремся, кажется, съ тѣнями», говорили французы, когда русскіе падали, не издавая стона, и беззвучно наносили удары. У русскихъ явились и свѣжіе вожди — смѣлый ганноверецъ Беннигсенъ, осторожный остзеецъ Барклай-де-Толли, спокойный грузинъ Багратіонъ. На помощь имъ пришла невѣдомая сила: «Въ Польшѣ Богъ сотворилъ пятую стихію—грязь!» воскликнулъ Наполеонъ. И она мѣшала подвозу провіанта, а, главное, развѣдкѣ, тогда какъ ловкіе казаки даже перехватывали депеши императора. Оттого не удался ловкій планъ обойти врага: задать ему Ульмъ. Наполеонъ бросался впередъ, не вполнѣ узнавъ дѣло. А русскіе тихо, въ порядкѣ, отступали, все истребляя на своей убогой равнинѣ, покрытой болотами и прудами, окутанной туманами. Самому императору приходилось питаться добычей солдатъ и жить въ сараяхъ. Незнакомый голодъ и холодъ заглянули въ глаза непобѣдимымъ—и отчаяніе впервые закрадывалось въ души измученныхъ ветерановъ, загнанныхъ за тысячи верстъ отъ «милой Франціи»: случались самоубійства; пронесся глухой ропотъ даже въ рядахъ гвардіи.

Наполеону пришлось употребить цѣлыхъ томительныхъ полгода,

прежде чѣмъ врагъ призналъ себя побѣжденнымъ, да и то сохраняя сознаніе подвига и чувство мести. Четыре битвы въ одномъ декабрѣ 1806 г. не привели къ цѣли; самая жестокая изъ нихъ, подъ *Пултускомъ*, осталась даже нерѣшительной. «Великая армія» впервые стала на зимнія квартиры, и Беннигсенъ самъ напалъ на нее. Правда, ему пришлось отступить, и Наполеонъ настигъ его у *Эйлау* (8 февраля 1807); но самъ воитель ужаснулся «этой рѣзни» при равныхъ силахъ и уже отдалъ приказъ отступать. То была первая тяжелая рана «великой арміи». Честь Цезаря спасло «загадочное» отступленіе русскихъ. Вѣрно одно: геній битвъ не одержалъ обычной сокрушительной побѣды. И на парижской биржѣ пала рента. Александръ I уже заключилъ договоръ съ Фридрихомъ-Вильгельмомъ III въ Бартенштейнѣ о томъ, чтобы не слагать оружія, пока Рейнъ не станетъ границей Франціи.

Но русскіе пропали на 4 мѣсяца—и Наполеонъ оправился. «Никогда не чувствовалъ я себя здоровѣе», говорилъ онъ, похлопывая рукавицами. И никогда онъ не поражалъ міра такою энергіей. Отсюда-то летѣлъ въ Парижъ цѣлый градъ распоряженій обо всемъ — до мелочей цензуры и оперы. А по Европѣ раскидывалась искусная сѣть дипломатіи. Наполеонъ добился мира съ Швеціей, поднималъ Персію, Грузію и Абхазію. Онъ довелъ армію опять до 170.000, тогда какъ у русскихъ было всего 100.000. А Беннигсенъ сталъ наступать не во-время, путался, дѣлалъ промахи. Наполеонъ напомнилъ Іену блестящими маневрами — и подъ *Фридландомъ* (14 іюня) русскіе были разбиты такъ, что Беннигсенъ умолялъ царя о перемиріи. При первомъ намекѣ побѣдителя, Александръ самъ предложилъ ему свиданіе, «измѣняя» своему потсдамскому другу. Оно произошло у *Тильзита*, на плоту, посреди Нѣмана. Затѣмъ царь переселился къ императору въ Тильзитъ на двѣ недѣли, а прусскій король жилъ заброшенный въ сосѣдней деревушкѣ. Корсиканецъ пустилъ въ ходъ всѣ свои средства «обольщенія»: онъ даже откровенничалъ о своихъ планахъ. «Теперь мы друзья навѣки: завѣса разорвалась, пора заблужденій миновала», говорилъ потомъ царь французскому послу. Но еще въ Тильзитѣ онъ сказалъ королевѣ Луизѣ: «Потерпите: мы вернемъ свое. *Онъ* сломитъ себѣ шею. Въ душѣ я—вашъ другъ».

Однако напрасно сама красавица Луиза являлась къ побѣдителю съ слезливой просьбой. Только «ради царя» Наполеонъ оставилъ Гогенцоллерну центральныя провинціи—менѣе половины наслѣдія Фридриха II. Изъ западныхъ областей Пруссіи было создано *Вестфальское королевство* для Жерома Бонапарта; прусская

Польша превратилась въ *великое герцогство Варшавское*, отданное саксонскому королю. Такъ возникли передовые посты Франціи противъ Пруссіи и Россіи,—такіе же, какъ Баварія противъ Австріи. Итакъ, *тильзитскій миръ* (7 іюля 1807), произвелъ раздѣлъ Пруссіи. Онъ подготовлялъ и раздѣлъ Турціи: Наполеонъ допускалъ право Россіи на Молдо-Валахію, если Порта не замирится. Императоръ еще предлагалъ царю Финляндію. Россія же признавала всѣ завоеванія Франціи, а также дальнѣйшія «перемѣны» на полуостровахъ Апеннинскомъ и Пиренейскомъ. Сверхъ того, Александръ присоединялся къ континентальной блокадѣ и обѣщалъ помочь Наполеону доканать Англію въ Индіи.

V.

Императоръ въ зенитѣ и «начало конца». (1807—1812).

Наполеонъ поднялся на безпримѣрную высоту. До тѣхъ поръ еще не чувствовалась рѣзкая разница между консульствомъ и имперіей: инымъ казалось, что имперія — та же революціонная Франція, лишь измѣнившая свой внѣшній видъ. Самый новый титулъ имѣлъ больше военный, чѣмъ политическій смыслъ. Теперь же «императоръ» явно означало восточнаго шахиншаха, т. е. «царя царей». Его свита изъ Наполеонидовъ и вѣнценосцевъ уже обложила всю Европу. Вскорѣ братья Жеромъ и Жозефъ стали королями Вестфаліи и Испаніи, сестра Каролина (Мюратъ)—королевой Неаполя, тесть—королями Баваріи и Вюртемберга, а наперсникъ—королемъ Саксоніи, Рейнскій Союзъ покорныхъ имперскихъ князей охватилъ уже всю Германію. Теперь только вполнѣ расцвѣла новая знать, съ 4 князьями и 30 герцогами во главѣ. Многимъ казалось, что Тильзитъ — «дуумвиратъ», за которымъ послѣдуетъ міровое единодержавіе рокового человѣка. И владыкѣ было всего 38 лѣтъ; никогда онъ не чувствовалъ себя такимъ здоровымъ и энергичнымъ. Онъ мечталъ, что съ помощью Россіи можно наконецъ взяться за мирное обновленіе вселенной. Онъ сказалъ тогда своему послу въ Петербургѣ: «Пора дать міру покой. Я не хочу воевать ни съ кѣмъ. Скрѣпляйте союзъ съ Александромъ, которому я довѣряю. Между обоими народами нѣтъ ничего, что могло бы помѣшать ихъ полному сближенію».

Теперь-то міродержецъ окончательно устроилъ и свой дворъ,

перенесши его въ *Фонтенебло*, чтобы уединиться, какъ божество. «Пришло мгновенье счастья!» возвѣстилъ онъ французамъ: и они начали развлекаться по игорнымъ домамъ и укромнымъ уголкамъ. Но самъ императоръ работалъ, какъ никогда, разставаясь, какъ казалось, съ войной. Тогда-то насталъ разгаръ его внутренней дѣятельности, которую мы очертили выше. И Франція зацвѣла матеріально, какъ подъ жезломъ чародѣя: ея государственная рента поднялась до 99! Тогда же Наполеонъ усиленно работалъ, какъ *дипломатъ*. Онъ отдѣлался отъ Талейрана, который позволялъ себѣ дѣлать предостереженія и уже поглядывалъ по сторонамъ: онъ замѣнилъ его простымъ, но преданнымъ исполнителемъ, Шампаньи. Повелитель материка сталъ подготовлять крестовый походъ противъ Англіи. Онъ занялъ Корфу и Каттаро, секвестровалъ Этрурію, Корсику и Эльбу, распоряжался испанскимъ флотомъ, собирался захватить Португалію. Наконецъ, императоръ потребовалъ, чтобы Данія соединила свой флотъ съ французскимъ. Но англичане, какъ пираты, бросились на эту нейтральную землицу, разрушили Копенгагенъ бомбардировкой и увели къ себѣ лучшій флотъ сѣвера.

Наполеонъ поднялся во всемъ своемъ величіи. Данія заключила съ нимъ союзъ. Пруссія и Россія объявили англичанамъ войну, къ которой пристали потомъ и Соединенные Штаты. Австрія примкнула къ континентальной системѣ: Наполеонъ обѣщалъ ей Сербію и Боснію. Французы заняли Римъ и заточили Пія VII въ Савонѣ. Жюно занялъ Лиссабонъ — и «Браганцскій домъ пересталъ существовать». Другой маршалъ захватилъ Каталонію. Оставалось *подѣлить міръ* съ «тильзитскимъ другомъ». И франкофилъ Румянцевъ, ставшій тогда министромъ, началъ на картѣ разверстывать міръ съ французскимъ посломъ, Коленкуромъ. Не сошлись только насчетъ Константинополя. Да нужно было уяснить и самую дружбу. Тотчасъ послѣ Тильзита Коленкуръ писалъ, что онъ—словно ошальный въ Петербургѣ. Тамъ за него были только самъ царь, Румянцевъ да Сперанскій. «Староруссы» негодовали на «исчадіе революціи», которое даровало полякамъ не только свой кодексъ, но еще конституцію и отмѣну крѣпостничества. Помѣщики злились еще на войну съ англичанами, которая мѣшала имъ сбывать свой хлѣбъ и лѣсъ за колоніальные товары Великобританіи. Массы негодовали на союзъ «съ окаяннымъ нехристемъ».

Сталъ подозрительнымъ и царь. Онъ не хотѣлъ очистить Молдо-Валахію: Наполеонъ отказался очистить Пруссію. Наполеонъ предложилъ Дунайскія княжества, если прусская Силезія будетъ присоединена къ герцогству Варшавскому: Александръ не желалъ на-

пести такую новую рану королевской четѣ, которую содержалъ тогда въ Мемелѣ вполнѣ на свой счетъ. Его посолъ въ Парижѣ, «старорусскъ» Толстой, даже дерзко надоѣдалъ императору требованіями въ пользу Фридриха-Вильгельма. А Наполеонъ сталъ тайно покровительствовать султану и укрѣплять въ герцогствѣ Варшавскомъ ближайшія къ Россіи мѣста. Самое это герцогство становилось, въ глазахъ царя, клиномъ, вбитымъ въ бокъ Россіи. Наполеонъ же указывалъ, что оно—созданіе самого Александра, мечтавшаго о воскрешеніи Рѣчи Посполитой: онъ дѣйствительно предлагалъ ему взять себѣ прусскую Польшу. При всемъ томъ, такъ какъ Наполеону грозила бѣда разомъ и изъ Австріи, и изъ Испаніи, онъ опять обѣщалъ царю помочь въ Турціи и даже очистить Пруссію. Оттого-то Александръ тотчасъ согласился на предложенное ему свиданіе.

Свиданіе состоялось въ *Эрфуртѣ*, въ сентябрѣ 1808 г. Оно было также выставкой міродержавія завоевателя. Въ театрѣ онъ любовался «партеромъ изъ королей»; мелкіе потентаты буквально прислуживали ему за столомъ; а онъ выказывалъ почтеніе только свѣтиламъ нѣмецкой литературы, съ Гёте во главѣ, который воспѣвалъ его. Самъ вѣнчанный другъ подавалъ примѣръ лести передъ «лучшимъ изъ людей». Онъ обмѣнялся съ нимъ шпагами и 18 дней не могъ разстаться съ нимъ. Но такъ было съ виду: въ сущности же начали обнаруживаться роковыя предостереженія. Талейранъ имѣлъ тайныя свиданія съ царемъ, которому внушалъ: «дѣло русскаго монарха — быть союзникомъ французскаго *народа*». Онъ успокаивалъ Меттерниха: «Державы должны соединиться, чтобы положить предѣлъ *его* честолюбію». И Эрфуртъ не былъ завершеніемъ Тильзита. По тайной конвенціи, Россія признавала за Франціей только Испанію и Неаполь; а противъ Австріи она выступала только въ случаѣ нападенія Франца II на одного изъ союзниковъ. И за это Наполеонъ тотчасъ уступалъ ей Молдо-Валахію и даже сокращалъ прусскую контрибуцію. Не исполнилось и желаніе императора закрѣпить дружбу бракомъ съ сестрой царя: дѣло ограничилось общими намеками.

Но Наполеонъ былъ радъ и тому, чего добился. Ему обезпечивали тылъ, въ виду неожиданной грозы, принуждавшей его перемѣнить фронтъ. Дѣло въ томъ, что уже Тильзитъ означалъ поворотную точку въ судьбѣ рокового человѣка. Начиналось дѣйствіе желѣзнаго закона историческаго возмездія или реакціи. Сами французы уже тяготились владыкой, который бралъ ихъ кровь и добро за два года впередъ и объявилъ войну самымъ стихіямъ: континентальная система означала нищету всего материка и гибель прибреж-

ныхъ странъ. Усталые народы искали покоя: они готовы были поддерживать «лѣнивыхъ монарховъ» противъ тиранiи «несчадiя революцiи». Быстро возрасталъ нацiонализмъ — эта великая, еще невѣдомая сила исторiи, вызванная самимъ завоевателемъ. Онъ уже замѣчался въ Германiи и Россiи и, наконецъ, вспыхнулъ яркимъ пламенемъ за Пиренеями.

Въ *Испанiи* уже лѣтъ двадцать царствовала бурбонская реакцiя, въ лицѣ тупого *Карла IV*, который подчинялся своей чувственной и коварной супругѣ, *Марiи-Луизѣ*. Государствомъ распоряжался фаворитъ королевы, невѣжественный, алчный и бездарный гвардеецъ *Годой*. Испанцы нищенствовали, а ихъ Бурбоны вступили въ борьбу съ конвентомъ изъ-за Людовика XVI. Испанiю спасъ только базельскiй договоръ, за который Годой же получилъ массу наградъ и титулъ «князя мира». Когда Наполеонъ сталъ консуломъ, мадридскiй дворъ началъ раболѣпствовать передъ нимъ: онъ отдалъ ему даже свой флотъ, который погибъ у Трафальгара. Негодующая нацiя чуть не убила Годоя и провозгласила королемъ, на мѣсто Карла IV, *Фердинанда VII*, наслѣдника престола, котораго преслѣдовали родители, хотя онъ и походилъ на нихъ правомъ и бездарностью. Но и этотъ любимецъ народа обратился за помощью къ Наполеону; и испанцы, подобно итальянцамъ, ждали французовъ, какъ «освободителей» отъ позорной домашней «тиранiи». Еще болѣе сочувствовали тогда «великой нацiи» португальцы: они вообще были демократами, даже масонами; а лиссабонскiй дворъ походилъ на мадридскiй, съ тою разницей, что онъ былъ рабомъ Англiи, высасывавшей соки народа.

Наполеону предстояла благородная роль—поднять родственныя романскiя нацiи и навѣки привязать ихъ къ Францiи. Но онъ не понялъ минуты, ослѣпленный страстью творить королей. Послѣдовала вѣковѣчная «драма» въ *Байонѣ*, которую даже Талейранъ назвалъ «шулерствомъ». Наполеонъ вызвалъ туда и испанскую чету, и наслѣдника, чуть не подравшихся между собой на его глазахъ; а въ Мадридѣ явилась армiя Мюрата, который самъ подстроилъ тамъ новый бунтъ и жестоко усмирилъ его, чтобы взять Испанiю въ руки. Владыка объявилъ своимъ байонскимъ плѣнникамъ, что «Бурбоны перестали существовать въ Испанiи» точно такъ же, какъ въ Португалiи—Браганцскiй домъ, бѣжавшiй тогда въ Бразилiю. А королемъ Испанiи онъ «назначилъ», въ iюнѣ 1808 г., своего брата, *Жозефа*, приказавъ ему уступить Мюрату Неаполь, гдѣ такъ полюбили-было этого добраго и совѣстливаго короля-философа.

Но байонская драма оказалась «началомъ конца», какъ пред-

видѣлъ Талейранъ. Самъ Наполеонъ становился другимъ. Онъ полнѣлъ. Роковые недуги росли. Властелинъ раздражался отъ пустяковъ, задумывался и велъ безпорядочную жизнь: днемъ засыпалъ, ночью мучилъ секретарей диктовкой, предавался сладострастію. Тогда-то онъ воскликнулъ: «Я—не то, что̀ другіе; законы нравственности и приличія созданы не для меня!» И если геній битвъ еще восхищалъ міръ своею геніальной стратегіей, зато уже замѣчалась вялость, даже опасное пренебреженіе мелочами дѣла и излишняя осторожность. Развилась и роковая болѣзнь, которая иногда доводила его до внезапнаго онѣмѣнія, до непостижимаго столбняка или спячки. И проблески былого генія уже не вели ни къ чему, часто были безцѣльны, иногда даже вредны для него самого. А онъ, какъ ребенокъ, готовъ былъ начинать съизнова, виня все и всѣхъ, кромѣ себя. Умирающій левъ всѣхъ задиралъ, раздражалъ, становился невыносимымъ. «Произошла полная перемѣна въ его обращеніи: онъ считалъ себя на высотѣ, гдѣ всякая сдержанность — безцѣльное стѣсненіе», говоритъ Меттернихъ. Даже дипломатія стала грубой, казарменной. И наглое презрѣніе къ врагамъ, чуть не сгубившее Наполеона подъ Эйлау, разрушило теперь всѣ его замыслы на другомъ концѣ материка. Историческая Немезида, въ видѣ національнализма, всюду нагромождала ему препятствія, и чѣмъ дальше, тѣмъ больше. Противъ міродержца, противъ одинокаго палача Европы, поднималась міровая коалиція. Ея застрѣльщиками оказались ничтожные испанцы.

Напрасно Наполеонъ даровалъ имъ конституцію, которая вводила его Кодексъ, отмѣняла феодализмъ, крѣпостничество, пытки инквизиціи, давала даже равноправіе колоніямъ. Напрасно Жозефъ всячески старался облагодѣтельствовать своихъ новыхъ подданныхъ, защищая ихъ, какъ отецъ, даже противъ своего могучаго брата. Даже просвѣщенные прогрессисты среди испанцевъ гнушались добромъ, подносимымъ на остріѣ иноземнаго штыка. А въ массахъ, въ этихъ рабахъ фанатичныхъ монаховъ, напоминавшихъ Россію своей первобытностью, забушевали страсти, не сдерживаемыя цивилизаціей. Испанцамъ ничего не стоило разрушить свои убогія жилища и жалкія церковныя школы. А они считали свой доморощенный бытъ образцовымъ, навѣки богоданнымъ: съ высоты своего невѣжества они презрительно взирали на весь міръ, ненавидѣли «безбожниковъ» и «цареубійцъ», которые, какъ болѣе умные сосѣди, всегда заставляли ихъ служить себѣ. Требованія исторіи освящали возстаніе испанцевъ, какъ міровой подвигъ: оно послужило знакомъ къ освобожденію остальныхъ народовъ отъ цезаризма, противнаго

цивилизаціи, и открыло эпоху въ исторіи. Наполеонъ не постигалъ этой новой силы—національизма; и эта роковая ошибка самомнѣнія сгубила его.

Съ іюля 1808 г. всюду появились монашескія воззванія противъ «дракона, адской бестіи, жида и донъ-Кихота». И весь народъ, до женщинъ и дѣтей, поднялся во всемъ своемъ дикомъ величіи. Въ каждой общинѣ устраивались «хунты» (союзы); отовсюду стекались добровольцы и пожертвованія. Какъ изъ земли выростали шайки голодныхъ оборванцевъ, не знавшихъ ни пощады, ни голоса разсудка. Ими предводили грязные, бѣшеные монахи, съ крестомъ въ шуйцѣ, съ мечемъ въ десницѣ, съ ножомъ при четкахъ. И началась неумолимая «гверилья», т. е. «маленькая», партизанская война, которой помогала природа—эти скалистыя горы да 40-градусная жара. Образовалась и 150-тысячная армія, которая заставила, у Байлена, цѣлый французскій корпусъ положить оружіе. А въ Португаліи народъ призвалъ англичанъ: и лордъ Веллингтонъ принудилъ Жюно къ сдачѣ у Цинтры. Французы убрались за Эбро; самъ Жозефъ бѣжалъ изъ Мадрида (31 іюля 1808).

«Моими войсками командуютъ почтмейстеры!» воскликнулъ императоръ — и, обезпечивъ себѣ тылъ Эрфуртомъ, бросился, въ ноябрѣ, за Пиренеи съ 150.000 отборныхъ ветерановъ. Ему и здѣсь помогъ непріятель. Испанцами овладѣли «тщеславіе и глупость», какъ жаловались сами англичане; они ссорились между собой; ихъ армія превращалась въ скопище голодныхъ. Наполеонъ старался превзойти себя не только въ геніальности, но и въ личной энергіи: онъ, среди зимнихъ бурановъ, пѣшкомъ взбирался на скалы и совершалъ знаменитые перевалы. Въ одинъ мѣсяцъ испанцы были разнесены; а англичане, у которыхъ тогда отлучился Веллингтонъ, едва успѣли спастись на суда. И Жозефъ опять занялъ мадридскій престолъ.

Вдругъ императоръ оставляетъ маршаламъ превосходный планъ, а самъ скачетъ, верхомъ, въ Парижъ въ январѣ 1809 г. Наконецъ-то и геній побѣдъ почуялъ «начало конца»: «испанская война сгубила меня», признавался онъ потомъ. Наполеона вызвала грозная туча: начиналась величавая *борьба народовъ* противъ міроваго цезаризма. Вѣсть о Байленѣ встряхнула всѣ націи, не исключая самихъ французовъ: донесеніе о заговорѣ въ Парижѣ, съ Талейраномъ и Фушэ во главѣ, ускорило возвращеніе императора изъ Испаніи.

Наполеонъ самъ вызывалъ борьбу народовъ даже безсознательно, какъ орудіе революціи: разрушеніе старины не обходится безъ от-

пора со стороны косности и невѣжества массъ. Нетерпѣливость и заносчивость новаго Цезаря подливали масла въ огонь; насилія пробуждали въ народахъ самосознаніе и чувство мести. Оттого, чѣмъ рѣшительнѣе шахиншахъ истреблялъ гидру, тѣмъ больше выростало у нея головъ. Сначала съ нимъ боролись одни затхлыя правительства со своими рутинными арміями; теперь выступали сами націи во всеоружіи патріотизма и просвѣщенія. Наполеонъ былъ сильнѣе въ 1803 году, когда ему сочувствовали за благодатныя реформы не только испанцы, но и нѣмцы, а интеллигенція всюду привѣтствовала его, какъ вождя прогрессивныхъ идей. Теперь же геройство испанцевъ напомнило народамъ о попраніи ихъ прирожденныхъ правъ на независимость.

Особенно поднимался патріотизмъ въ Германіи. Здѣсь насталъ культурный расцвѣтъ, снискавшій нѣмцамъ названіе «народа философовъ и поэтовъ». Философъ Фихте сталъ «свѣтскимъ священникомъ» воинствующаго націонализма; и его поддерживали проповѣди пастора Шлейермахера. Профессоръ Арндтъ основалъ, съ тою же цѣлью, гимнастическое общество. Кёнигсбергскіе масоны создали тайный *Союзъ Добродѣтели*,—патріотическое общество, которое, подъ покровомъ королевы Луизы, быстро распространялось по городамъ, особенно среди студентовъ. Поэты, не исключая Гёте, запѣли «въ испанскомъ духѣ». Весной 1809 г. показались и признаки германской гверильи: одинъ офицеръ чуть не плѣнилъ короля Жерома; «черный легіонъ» сына герцога Брауншвейгскаго промчался, среди французовъ, по всему сѣверу, какъ вѣстникъ смерти поработителей германскаго «отечества».

Взоры всей Германіи опять были устремлены на Пруссію, какъ при Фридрихѣ II. Да она и не могла терпѣть долѣе. Наполеонъ очевидно хотѣлъ просто истребить государство, которое 10 лѣтъ помогало ему своимъ нейтралитетомъ сокрушить ненавистнаго Габсбурга. Онъ называлъ Пруссію «канальей безъ души и чести», и признавался потомъ, что «извлекъ изъ нея милліардъ». Онъ не думалъ выводить изъ нея своихъ войскъ и собирался отнять у нея еще Силезію. Оттого-то, послѣ Іены, эта отсталая держава стала готовиться къ борьбѣ серьезно: она взялась за коренныя реформы. Фридрихъ-Вильгельмъ III, скрѣпя сердце, далъ ходъ истиннымъ патріотамъ—людямъ прогрессивнымъ, даровитымъ и честнымъ. Во главѣ ихъ сначала стоялъ ганноверецъ Гарденбергъ, который хотѣлъ совершить «революцію на демократическихъ началахъ». Уѣзжая въ Россію отъ мести Наполеона, онъ просилъ своего товарища, нассаускаго барона *Штейна*, «спасти государство». Король ненавидѣлъ

этого гордаго патріота, не терпѣвшаго царедворцевъ: онъ далъ ему власть только на 15 мѣсяцевъ (1807—1808). Но этого было довольно, чтобы посѣять благія сѣмена, для которыхъ почва была уже готова.

Опасаясь, какъ бы массы не стали за Наполеона, который освобождалъ крестьянъ въ Польшѣ и западной Пруссіи, Штейнъ подготовилъ уничтоженіе крѣпостничества, которое совершилось въ 1811 г. Затѣмъ онъ заводилъ муниципалитеты, поднималъ земства, поддерживалъ мелкое землевладѣніе и кустарное производство, мечталъ о «національномъ представительствѣ» для всей Германіи. Наполеонъ потребовалъ отставки «нѣкоего Штейна», и король радъ былъ отдѣлаться отъ безпокойнаго реформатора. Но совѣты Штейна пригодились Францу II и Александру I, у которыхъ онъ искалъ убѣжища. А въ Берлинѣ остался его пріятель, ганноверецъ, крестьянскій сынъ, *Шарнгорстъ*, первый стратегъ послѣ Наполеона и военный организаторъ въ духѣ Карно. Онъ подготовилъ всеобщую воинскую повинность, которая была введена лѣтъ шесть спустя. Онъ смягчилъ жестокія тѣлесныя наказанія и отмѣнилъ привилегію юнкеровъ на офицерство. Онъ въ три года создалъ «національную» армію въ 150.000, благодаря «системѣ обработки», этой матери «ландвера» (ополченія): безпрестанно набирали новыхъ рекрутъ, не болѣе 42.000, какъ было дозволено Наполеономъ, но распускали ихъ по домамъ послѣ быстраго обученія.

Отчасти подъ вліяніемъ оживленія въ Пруссіи зашевелилась и неповоротливая Австрія. Даже въ Вѣнѣ явился свой Штейнъ въ лицѣ *Стадіона*, а военнымъ министромъ сталъ эрцгерцогъ *Карлъ*. Посланникомъ въ Парижъ былъ отправленъ другъ Стадіона, *Меттернихъ*, увѣрявшій Франца II, что французы возстанутъ противъ деспота, какъ испанцы. Австрійскія газеты открыто требовали войны. Начиналось патріотическое движеніе даже по провинціямъ: на пріятелей Франціи, баварцевъ, уже напали горцы Тироля, предводимые кабатчикомъ Гоферомъ Бородачемъ. Лѣтомъ 1809 г, у Австріи было уже 300.000, и она рѣшилась «приставить ножъ къ горлу Наполеона»: Францъ призывалъ всѣхъ нѣмцевъ ополчиться противъ «системы завоеваній». Англія опять сорила деньгами и готовила флотъ для высадки во Францію. Она устроила *пятую коалицію* изъ Австріи, Испаніи и Португаліи, съ тайной поддержкой почти всѣхъ народовъ и самого султана. У нея нашлись союзники въ самомъ Парижѣ: Талейранъ и Фушэ замышляли замѣнить Наполеона Мюратомъ, который досадовалъ, что его миновала испанская корона.

Никогда Наполеонъ не желалъ такъ искренно уклониться отъ жребія войны. Онъ писалъ царю: «Разоружись Австрія—и казармы стали бы убѣжищемъ нищихъ, а рекруты остались бы земледѣльцами». Но Александръ уже послѣ Эрфурта говорилъ своей сестрѣ: «Въ Европѣ нѣтъ мѣста для насъ обоихъ; рано или поздно, одинъ изъ насъ долженъ удалиться». Теперь онъ всячески оправдывалъ передъ Наполеономъ свою уклончивость отъ помощи и успокаивалъ его словами: «Вѣдь, я ничего не дѣлаю наполовину». А самъ говорилъ австрійскому послу: «Не нанесу вамъ удара: желаю вамъ всякаго успѣха». Въ то же время прусская чета гостила въ Петербургѣ и устроила бракъ Екатерины Павловны съ принцемъ Ольденбургскимъ. Наполеона опять спасли старые союзники—собственная геніальность да негодность враговъ. Онъ снарядился въ походъ «съ быстротой молніи». У нѣмцевъ возродилось недовѣріе къ Габсбургу. Гоферъ былъ выданъ своими же и разстрѣлянъ. Вспышки патріотизма въ Пруссіи были подавлены самимъ королемъ, который испугался и императора, и «преступныхъ волненій». Александръ выдвинулъ небольшую армію въ Австрію, хотя она опоздала помочь французамъ. Наконецъ, въ Австріи реформы оказались лишь на бумагѣ, и самъ Карлъ со страху надѣлалъ рядъ промаховъ.

Наполеонъ же, весной 1809 г., въ четверо сутокъ примчался въ Баварію и показалъ стратегію, которую даже враги признаютъ самымъ геніальнымъ его подвигомъ; и онъ самъ считалъ это дѣло самымъ художественнымъ изъ своихъ кровавыхъ произведеній. Когда эрцгерцогъ Карлъ узналъ, что передъ нимъ самъ герой Аустерлица, съ нимъ сдѣлались судороги, и онъ остолбенѣлъ. А Наполеонъ, замѣтивъ главный его промахъ, воскликнулъ: «Они попались; они погибли! Черезъ мѣсяцъ мы въ Вѣнѣ!». Императоръ ошибся: французы были въ столицѣ Австріи черезъ три недѣли, послѣ дивнаго «пятидневнаго боя» въ Баваріи съ болѣе многочисленнымъ непріятелемъ.

Но подъ Вѣной повторилось Эйлау, какъ новое предостереженіе судьбы. Дунай бушевалъ, а на другомъ берегу, у *Асперна*, стоялъ Карлъ въ отличной позиціи. Едва переправилась часть французовъ, какъ мосты снесло: пришлось драться одному противъ двухъ втеченіе двухъ дней. Наконецъ, французы ушли обратно за Дунай. Солдаты роптали; маршалы возставали противъ переправы. Среди офицеровъ образовался «союзъ филадельфовъ» — республиканцевъ и миролюбцевъ, которые сносились съ Фушэ. И «волненіе овладѣвало всею Германіей», говоритъ очевидецъ. Но Наполеонъ снова воодушевилъ всѣхъ, самъ работая вездѣ, не сходя съ коня по 20 часовъ

въ сутки, изобрѣтая новые мосты, создавая рѣчную флотилію. Спеціалисты находятъ всѣ эти приготовленія выше похвалъ. Наконецъ, Наполеонъ снова наладилъ переправу и смутилъ Карла. Разразился бой у *Ваграма* (6 іюня)—лучшій примѣръ хладнокровія вождя и новой тактики обходовъ и сосредоточенія пушекъ. Но побѣдитель задумался. Австрійцы дрались уже не хуже французовъ и готовы были снова принять бой. А у императора были «уже не солдаты Аустерлица»: у нихъ поколебались и дисциплина, и вѣра въ себя. Бернадотъ загадочно опозорился и былъ отпущенъ домой: говорили, будто онъ, заодно съ Макдональдомъ, сносился съ Талейраномъ. «Исходъ всякой битвы сомнителенъ», сказалъ тогда Наполеонъ меланхолически. Онъ обрадовался, когда ему предложили миръ.

По *шёнбрунскому* (вѣнскому) миру, Габсбургъ лишился еще $3^1/_2$ милл. подданныхъ: къ Франціи прирѣзывались Тріестъ, Крайна и часть Каринтіи, что̀ составило «губернаторство Иллирію». Францъ I заплатилъ еще огромную контрибуцію и обязался не имѣть болѣе 150.000 войска. Наконецъ онъ долженъ былъ отдать побѣдителю собственную дочь, Марію-Луизу, по совершеніи развода жениха съ Жозефиной. Республиканцы злились; но массы во Франціи радовались этому залогу прочнаго мира: рента поднялась.

Звѣзда Наполеона достигла зенита. Его называли уже «западнымъ императоромъ». Его владѣнія распадались на 130 департаментовъ съ 44 милл. населенія всякихъ націй. Онъ попросту прирѣзалъ къ Франціи сѣверные берега Германіи и лишилъ престола герцога Ольденбургскаго (1810) и даже своего Люи. Затѣмъ вся Скандинавія была втянута въ союзъ противъ Англіи; шведы даже провозгласили своимъ наслѣдникомъ шурина Жозефа, Бернадота. Пруссію держали въ рукахъ маршалы, съ неумолимымъ Ожеро во главѣ. Монархи южной Германіи, Рейнскій Союзъ, Швейцарія и Италія были прямо вассалами Наполеона. На крайнемъ югѣ престолы занимали пока Мюратъ и Жозефъ. Самый Римъ формально обратился во французскій департаментъ (1810), а папа проживалъ въ Фонтенебло. Наконецъ, отъ Варшавы до Кадикса дѣйствовала конституція Франціи, съ Наполеоновымъ Кодексомъ во главѣ.

Развернулся вполнѣ и талантъ Наполеона, какъ государственнаго мужа. Тогда-то централизація достигла высшаго предѣла: возникло даже «бюро общественнаго мнѣнія», снабжавшее печать темами и статьями. Умное, расторопное чиновничество вносило всюду порядокъ, помогавшій кормиться трудолюбивому населенію. И во главѣ его стоялъ уже не предатель Фушэ, а преданная и столь же искусная пищейка, Савари, который хвастался, что всѣ боялись

его больше чумы. Казна процвѣтала: въ запасѣ хранилось 300 милліоновъ. А дипломатія императора закрыла для Англіи всѣ рынки, кромѣ Россіи, и поднимала противъ нея Америку. Англичане уже помышляли о мирѣ: у нихъ опять начиналось банкротство. Весной 1811 г. Наполеонъ уже сказалъ публично: «Еще три года—и я буду владыкой вселенной».

Но именно тогда звѣзда рокового человѣка окружалась черными точками. Колоніальная система вызывала торговый застой и промышленные кризисы въ самой Франціи. Земледѣліе страдало отъ наборовъ впередъ, а въ 1811 г. оказался еще неурожай. Финансовые запасы означали высасываніе сока у народа: «казна государства пуста, а казна монарха полна», сказалъ тогда Меттернихъ. Лучшая армія таяла за Пиренеями, и особенно отъ паденія дисциплины. Ряды солдатъ пустѣли отъ дезертирства и укрывательства, несмотря на драконовскія мѣры противъ ослушниковъ. Глухое недовольство овладѣвало всею націей, разувѣрившейся въ мирѣ. Буржуазію обижало еще пристрастіе императора къ привилегированнымъ, а тѣ презирали выскочку и мечтали о своихъ Бурбонахъ. Массы негодовали на угнетеніе св. отца. Въ самой семьѣ владыки росли раздоры: когда Люп былъ изгнанъ изъ Голландіи, Люсьенъ бѣжалъ въ Англію. Немудрено, что молва заговорила о «филадельфахъ», когда, послѣ Ваграма, было уволено 8 генераловъ и погибли таинственно 23 офицера изъ республиканцевъ, а въ Парижѣ былъ посаженъ въ сумасшедшій домъ непокорный генералъ Малэ.

Наконецъ, уже совсѣмъ явственно выступалъ главный врагъ міродержавія—національизмъ. Онъ поднималъ кроткихъ братьевъ, Жозефа и Люп, противъ властителя. Онъ сквозилъ и въ добровольцахъ Англіи, и въ «ландверѣ» (ополченіи) Пруссіи, и въ отлучительной буллѣ папы, который благословлялъ испанцевъ. Самъ завоеватель прельщалъ поляковъ и венгерцевъ призракомъ «національной независимости». Онъ попялъ эту новую силу, когда, послѣ Ваграма, поповичъ, студентъ Штабсъ, хотѣлъ зарѣзать «палача Германіи». За германизмомъ обрисовывался скандинавизмъ: Бернадотъ именемъ шведскаго народа переговаривался съ царемъ, который обѣщалъ ему Норвегію. А на другомъ концѣ Европы англичане разбередили «испанскій вередъ»: Веллингтонъ воздвигъ окопы у Торресъ-Ведрасъ, о которые разбились молодецкія аттаки Массены.

Міродержецъ смутно чувствовалъ, что предстоитъ тяжелая расправа. Онъ скорбѣлъ, что у него уже нѣтъ «ветерановъ Аустерлица». Онъ съ ужасомъ вспоминалъ про Асперпъ и Ваграмъ, гдѣ онъ ставилъ все на карту, былъ контуженъ, впадалъ въ онѣмѣ-

ніе, однажды расшибся, свалившись съ коня. Наполеонъ старался заклясть глухую вражду, поднимавшуюся отовсюду. Онъ сыпалъ милостями, приманивалъ вождей французской націи, задумывался надъ искорененіемъ нищенства, основалъ обширный воспитательный домъ. Геній бурь искалъ угла, куда бы преклонить свою буйную голову. Онъ сталъ самымъ нѣжнымъ мужемъ; а когда родился сынокъ, судорожно прижалъ его къ сердцу: онъ не переставалъ любить его и послѣ того, какъ жена покинула его въ несчастьи.

Главная сила, которой суждено было подкосить богатыря, скоплялась на сѣверѣ. Наполеонъ уже въ апрѣлѣ 1811 г. писалъ: «Война разыграется вопреки мнѣ, вопреки Александру, вопреки интересамъ Франціи и Россіи». Онъ, во главѣ почти всей Европы, былъ невольнымъ представителемъ Запада въ борьбѣ съ Востокомъ: Англія, втравившая въ нее своихъ соперниковъ, отступилась тогда отъ Россіи.

«Борьба колоссовъ» подготовлялась съ самаго Ваграма. Наполеонъ шелъ только на тайное соглашеніе и внушалъ Александру: «Франція не должна быть врагомъ Россіи: это—неоспоримая истина. Географическое положеніе устраняетъ всякій поводъ къ разрыву». Тогда же императоръ возвѣстилъ въ сенатѣ свою радость по поводу того, что «другъ» пріобрѣлъ часть Галиціи и Финляндіи и занялъ Молдо-Валахію. Между тѣмъ съ весны 1810 г. въ Парижѣ появился Нессельроде, который сносился съ Талейраномъ тайкомъ даже отъ нашего министерства. Въ то же время разгорался экономическій вопросъ. Континентальная система довела Россію до торговаго кризиса, причемъ рубль палъ до четвертака. И 1811 годъ начался въ Россіи рѣзкою мѣрой: указъ не только облегчалъ ввозъ англійскихъ товаровъ, но и запрещалъ ввозъ произведеній Франціи. Съ этой минуты Наполеонъ началъ готовиться къ войнѣ.

Понятно, что въ интересахъ континентальной блокады владыка захватилъ Ольденбургъ. Понятенъ и протестъ царя противъ этой «пощечины передъ лицомъ всей Европы». Староруссы растравляли рану Александра. Они называли Тарнополь «подачкой на водку», Финляндію—даромъ «безбожника». Ихъ агенты въ Парижѣ, съ нашимъ посланникомъ во главѣ, закидывали царя ядовитыми донесеніями о «тиранѣ Европы». Въ душѣ «друга» негодованіе слилось со страхомъ, когда лѣтомъ 1812 г. Соединенные Штаты объявили войну англичанамъ, которые всячески запугивали его и безъ того. А тутъ явилось соблазнительное поощреніе изъ Вѣны. Александръ вообще былъ не прочь отъ обѣщаннаго Наполеономъ «разбитія Пруссіи на куски». Онъ говорилъ въ началѣ 1812 г.: «Я—другъ

короля: я удовольствуюсь частью до Вислы». А владыка вздумалъ теперь обойти Россію: онъ заставилъ Франца I тайкомъ принять Силезію взамѣнъ остававшагося у него клочка Галиціи, который предназначался полякамъ. Но Меттернихъ отплатилъ Россіи за 1809 г., показавъ договоръ русскому послу.

Александромъ овладѣла лихорадочная поспѣшность. Не давъ созрѣть нѣмецкому патріотизму, не давъ Австріи и Пруссіи времени изготовиться, онъ уже весной 1811 г. началъ стягивать войска въ Литвѣ; а въ октябрѣ былъ заготовленъ ультиматумъ. Въ началѣ 1812 г. Александръ уже заключилъ союзъ съ Швеціей, Англіей и даже съ испанскими кортесами, причемъ обѣщалъ Бернадоту самый французскій престолъ. Затѣмъ послѣдовалъ миръ съ Портой, доставившій намъ Бессарабію; и царь открыто говорилъ, что, «покончивъ съ Наполеономъ, создадимъ греческую имперію». Въ апрѣлѣ Россія потребовала, чтобы императоръ очистилъ Пруссію и Помераранію. «Какъ вы смѣете дѣлать мнѣ такія предложенія! Вы поступаете, какъ Пруссія передъ Іеной!» крикнулъ Наполеонъ нашему послу. «Я остаюсь другомъ и самымъ вѣрнымъ союзникомъ императора», сказалъ Александръ его послу, отъѣзжая къ арміи въ Вильну.

Въ Вильнѣ всѣ, не исключая Барклая, рвались въ бой, низко оцѣнивая силы врага. Два нѣмца, Фуль и Толль, взялись устроить на Двинѣ, въ Дриссѣ, Торресъ-Ведрасъ, забывая, что тамъ нѣтъ ни горъ, ни моря. А въ лагерѣ кишѣли интриги, перекоры да обычные безпорядки. Войска были разбросаны, хотя ихъ было не меньше, чѣмъ у Наполеона, а пушекъ даже больше (1.600). Налицо оказывалось тысячъ 200, да и тутъ было много плохой милиціи. Багратіонъ только шелъ съ юга; а Чичаговъ, съ дунайской арміей, могъ еще позже выдвинуться противъ австрійской арміи Шварценберга. Хорошо еще, что не исполнилось первоначальное приказаніе Александра Чичагову—«дѣйствовать въ тылъ непріятелю, приближаясь даже къ границамъ Франціи».

Приподнятый духъ ясно обнаруживался въ самомъ Александрѣ. Онъ возвѣстилъ, что «никогда не отлучится отъ арміи». Вопреки совѣтамъ брата, матери, приближенныхъ, онъ отвѣчалъ на мирныя предложенія Наполеона: «Не положу оружія, пока хоть одинъ непріятельскій солдатъ останется въ Россіи». А вскорѣ онъ воскликнулъ: «Лучше отрощу себѣ бороду и буду питаться картофелемъ въ Сибири, вмѣстѣ съ послѣднимъ изъ моихъ крестьянъ, чѣмъ примирюсь съ Атиллой новѣйшихъ временъ». Правда, Наполеонъ получилъ въ Вильнѣ предложеніе о мирѣ; но, по сознанію са-

мого царя, оно было сдѣлано лишь съ тѣмъ, чтобы «Европѣ было извѣстно, что не мы начинаемъ войну». Воинственный пылъ остылъ, какъ только врагъ вторгнулся въ наши предѣлы. Александръ тотчасъ составилъ списокъ того, «что надобно будетъ увезти изъ Петербурга», и 26 іюня выѣхалъ изъ Вильны. Онъ приказалъ Барклаю отступать на соединеніе съ Багратіономъ, оставивъ корпусъ Витгенштейна на Двинѣ, для прикрытія пути въ Петербургъ.

Наполеонъ, напротивъ, не спѣшилъ. «Это—самое великое, самое трудное предпріятіе!» воскликнулъ онъ: «Чую, меня влечетъ къ невѣдомой цѣли. Когда достигну ея, довольно будетъ одного атома, чтобы низвергнуть меня. Но нужно довершить начатое». Онъ успокаивалъ смущенныхъ, что это — «послѣдній актъ». Впрочемъ у него почти всѣ вѣрили въ легкую побѣду западной цивилизаціи надъ восточнымъ варварствомъ. Когда владыка сдѣлалъ смотръ своимъ вооруженнымъ «народамъ» въ Дрезденѣ, почти всѣ монархи составляли его свиту. Лейпцигскій университетъ назвалъ одно созвѣздіе «Наполеономъ», старикъ Гёте опять славословилъ великана исторіи. И самъ Наполеонъ пророчествовалъ: «Рокъ увлекаетъ Россію; ея судьба должна свершиться».

Императоръ уже давно снаряжался и измыслилъ прекрасную стратегію. «Русскіе воображаютъ, что я стану гоняться за ними до Волги!» подсмѣивался онъ и опредѣлилъ: 1-й годъ — зимовка въ Смоленскѣ и возстановленіе Польши, 2-й — Москва, 3-й — Петербургъ. Онъ не думалъ уничтожать Россію, какъ Пруссію: онъ желалъ, какъ въ Тильзитѣ, сдѣлать ее своей помощницей въ раздѣлѣ міра. Оттого ему хотѣлось еще подготовиться. Онъ покинулъ Парижъ лишь послѣ отъѣзда царя въ Вильну и приглашалъ «друга» на свиданіе въ Дрезденъ. Только послѣ упорнаго отказа мириться, онъ воскликнулъ: «Хотятъ войны — буду воевать! Багратіонъ съ Барклаемъ ужъ не увидятся болѣе. Одна-другая битва—и я въ Москвѣ: и Александръ падетъ на колѣна предо мной!».

Этого и всѣ ожидали. Наполеонъ велъ болѣе полумилліона бойцовъ, за которыми стоялъ такой же резервъ въ Европѣ. Если даже его гвардія была «молодая», почти отроки, зато иностранцы были отличнымъ воинствомъ, а Наполеонъ сознавался, что «выставлялъ на смерть нѣмцевъ и поляковъ». Недостаточность артиллеріи (1.350 орудій) вознаграждалась достоинствомъ вождей: она работала лучше даже, чѣмъ подъ Ваграмомъ. Кавалерія, съ своимъ «палачемъ» Мюратомъ, представляла невиданную силу, по численности и отвагѣ. Интендантство было образцово. Тылъ былъ обезпеченъ ликующими поляками. Наполеонъ открылъ имъ сеймъ въ Вар-

шавѣ, который провозгласилъ возстановленіе Рѣчи Посполитой. Несчастные не знали, что Наполеонъ говорилъ самому царю: «Мнѣ нуженъ въ Польшѣ лагерь, а не форумъ. Я желаю имѣть поляковъ, лишь какъ дисциплинированную военную силу, чтобы меблировать поле битвы».

Русскій походъ—рядъ сюрпризовъ: у русскихъ былъ уже не одинъ суворовскій штыкъ, но и прекрасная артиллерія; а стойкость ихъ опять поразила міръ. Здѣсь, какъ въ Испаніи, оказался младенческій народъ, но цѣльный, привязанный къ землѣ и вѣрѣ отцовъ. Да еще у него была сила, которой недоставало испанцамъ,—прочное правительство, до того связанное съ массой, что не смѣло замиряться безъ ея воли.

Вотъ среда, которая разстраивала всѣ разсчеты ума. Началось съ такого сюрприза, какъ отступленіе бахвальствовавшихъ варваровъ передъ «великою арміей». Но этотъ-то позоръ и спасъ ихъ. Наполеонъ, жаждавшій «хорошей битвы», принужденъ былъ, вопреки себѣ самому, «гоняться за ними до Волги». Тылъ оказался не такъ-то обезпеченнымъ: въ Вильнѣ, гдѣ уже шла Литва, а не Польша, французы были встрѣчены холодно. Крылья великой арміи общипывались побочными русскими отрядами, которые все росли, питаясь соками родной земли. И эти варвары не знали бѣгства врассыпную, какъ нѣмцы: они, какъ въ стадѣ, тѣснились между собой и, отступая, давали горячія арьергардныя битвы. Озадаченный завоеватель сталъ черезчуръ остороженъ, даже нерѣшителенъ. У него брала верхъ гибельная для полководца выжидательность дипломата. Его нервы раздражались, тѣмъ болѣе, что верховая ѣзда стала для него мукой отъ новаго недуга (задержаніе мочи). Отсюда преувеличеніе силы русскихъ, что̀ разъ спасло Барклая отъ гибели. Затѣмъ испортили дѣло ослушаніе Даву и бездарность Жерома.

А тутъ—главный врагъ, который слѣдовалъ за великой арміей съ самаго перехода черезъ Нѣманъ (23 іюня). Ливни и жара, грязь и пыль изнуряли и людей, и скотъ. Провіантъ отставалъ отъ вождя, а безъ него пошло воровство да лѣнтяйство. Жители не брали фальшивыхъ рублей, наготовленныхъ во Франціи; да они и сами прятались по лѣсамъ, оставляя за собой пылающія деревни. Тифъ и поносъ косили голодавшихъ людей; кони падали кучами, заражая воздухъ. Уже въ августѣ пришлось вычеркнуть изъ списковъ 130.000. При отступленіи изъ Москвы, въ морозы, погибло вдвое меньше.

Погибла геніальная стратегія, тѣмъ болѣе, что австрійцы, вмѣсто помощи, совершали у своихъ границъ какія-то военныя прогулки. Барклай и Багратіонъ «увидѣлись» въ *Смоленскѣ*. «Нако-

нецъ-то! Они у меня въ рукахъ», воскликнулъ Наполеонъ, и началъ громить городъ изъ ста орудій. Но онъ съ ужасомъ увидѣлъ, что жители сами помогали разрушенію. Здѣсь же французы узнали удаль казаковъ, съ ихъ невѣдомыми пиками. И до сихъ поръ ни одного плѣннаго! Двухдневный бой поглотилъ равное число жертвъ у противниковъ: и оказалось, что дрался лишь арьергардъ русскихъ, прикрывавшій ихъ дальнѣйшее отступленіе! Великая армія пустилась въ новое преслѣдованіе; но оно уже походило на борьбу за собственное существованіе: «Передъ нами лежала новая Испанія, но Испанія безъ границъ, безъ городовъ, безъ средствъ», сказалъ Наполеонъ. Его армія таяла, изнывала: люди ѣли мертвечину, пили изъ лужъ. Вожди плели лапти отъ незнанія мѣстности и врага; они перекорялись между собой, особенно герои наступленія—Даву съ Мюратомъ. И гонители потеряли больше народу, чѣмъ гонимые. А русскими овладѣвалъ патріотизмъ, напоминавшій 1612 г. Всюду перелетали горячія слова царя въ Москвѣ, по поводу манифеста объ ополченіи, увѣщанія синода и афишки московскаго генералъ-губернатора, Ростопчина, обѣщавшія шапками закидать полчища Антихриста. Помѣщики снаряжали цѣлые полки изъ своихъ крѣпостныхъ; купцы давали деньги; крестьяне подымали народную войну, все истребляя передъ врагомъ. Всѣ негодовали на отступленіе, приписывая его начальникамъ, «проклятымъ нѣмцамъ». Староруссы, помѣщики и интриганы въ лагерѣ и при дворѣ требовали Кутузова, какъ «спасителя отечества». «Публика желала его—и я назначилъ его; но лично я умываю руки въ этомъ», сказалъ царь. «Врагъ пройдетъ въ Москву только чрезъ мой трупъ!» поклялся дряхлый герой.

И онъ далъ, подъ *Бородиномъ*, въ 40 в. отъ столицы, сраженіе, которое французы назвали «Московскимъ». Бойцы были почти въ равномъ числѣ (по 130.000); но у насъ было съ полсотни лишнихъ орудій. Поле было чистое, и Кутузовъ на скорую руку окопался въ нѣсколько рядовъ. Планъ Наполеона считается образцомъ тактики. Зная природу необразованныхъ народовъ, онъ прибѣгнулъ къ грубой аттакѣ съ фронта, зато искусно сосредоточилъ силы на слабомъ лѣвомъ крылѣ врага—на редутахъ Багратіона, которые и были взяты сразу, хотя послѣ отчаяннаго боя: онъ обманулъ «старую лису» ложными аттаками въ другихъ мѣстахъ. Кутузовъ самъ помогъ ему: задумавъ «обойти» генія побѣдъ, онъ не пускалъ въ дѣло своего сильнаго праваго крыла, а потомъ, въ попыхахъ, слишкомъ скучилъ войска, превративъ ихъ въ мишень для перекрестнаго огня французской артиллеріи. Слѣдующій день противники отдыхали.

7 сентября (26 августа) разразился главный 12-тичасовой бой, особенно у батареи Раевскаго. Наполеонъ взялъ искусною тактикой: онъ выдвигалъ резервъ за резервомъ и пускалъ конницу въ массовыя аттаки; храбрецовъ поддерживалъ отмѣнный огонь мастерски поставленной артиллеріи.

Наполеонъ и не думалъ воспользоваться дорого купленной побѣдой. Русскіе уступили только 1.800 шаговъ и остановились у заднихъ окоповъ, готовые возобновить бой. Если у нихъ пало чуть не вдвое больше людей и 20 генераловъ съ Багратіономъ, то и французы лишились 30.000 солдатъ, 43 генераловъ и многихъ знаменъ. Съ боковъ французамъ угрожали удалые казаки, съ отважнымъ Платовымъ во главѣ. Простуженный Наполеонъ былъ мраченъ и ворчливъ. Онъ признавался, что еще не видалъ такого кроваваго дѣла. Онъ не далъ своей гвардіи, отвѣчая на мольбы маршаловъ: «А если завтра новая битва, чѣмъ я буду сражаться?» Онъ былъ крайне остороженъ, почти вялъ и мало распоряжался самъ. А Кутузовъ послалъ донесеніе о «побѣдѣ», хотя въ концѣ говорилось объ отступленіи: у него не оставалось ни свѣжей роты, ни лишнихъ снарядовъ. Отъ недостатка провіанта онъ двинулся на Калугу, въ хлѣбный край. Слѣдомъ за нимъ, французы вступили въ Москву (2/14 сентября), среди гробового молчанія. Наполеонъ запретилъ грабежъ: онъ думалъ хорошо отдохнуть въ богатой столицѣ и ждалъ депутацій отъ «бояръ», а также мольбы царя о мирѣ.

Новый сюрпризъ. Въ Москвѣ изъ 200.000 оказалось тысячъ 10 разнаго сброду, въ томъ числѣ колодниковъ, выпущенныхъ Ростопчинымъ, который самъ бѣжалъ, захвативъ пожарные инструменты. А на другой день сразу вспыхнулъ во всѣхъ концахъ 3-хъдневный *пожаръ Москвы*, истребившій $^{9}/_{10}$ деревяннаго города. «Это— скиѳы! Это —предвѣстникъ нашихъ величайшихъ бѣдствій!» воскликнулъ Наполеонъ—и словно окаменѣлъ: гренадеры насильно увезли его изъ Кремля въ загородный дворецъ. А въ Москвѣ начался грабежъ. Особенно усердствовали наши собственные «шелопаи» (chenapans); французы обращали каменныя церкви, уцѣлѣвшія отъ пожара, въ казармы и конюшни.

Наполеонъ отправилъ къ царю письмо, гдѣ оплакивалъ гибель Москвы, чего не было бы, еслибы тильзитскій другъ черкнулъ ему пару словъ передъ Бородиномъ или тотчасъ послѣ. Александръ не могъ отвѣчать: Петербургъ волновался, слышался ропотъ. «Съ тѣхъ поръ въ мою душу снизошла горячая вѣра», говорилъ потомъ царь. А тогда онъ воскликнулъ: «Все это—рука Всевышняго!» и счелъ себя «спасителемъ Европы» отъ ея «деспота». Тогда же онъ

воскликнулъ: «Наполеонъ или я, я или онъ; но вмѣстѣ мы не можемъ царствовать!». А завоеватель 33 дня ждалъ отвѣта! «Москва—не военная, а политическая позиція; здѣсь я—не полководецъ, а императоръ», говорилъ онъ въ ослѣпленіи. Онъ впадалъ то въ лихорадочное возбужденіе, то въ тупое равнодушіе и велъ безпорядочную жизнь; не то создавалъ фантастическіе планы о поднятіи крѣпостныхъ, татаръ и украинцевъ, о польской коронѣ на своей головѣ. А «великая армія» таяла и опошлялась. Русскія же силы быстро росли; и наши солдаты пуще всего боялись замиренія. Отовсюду тянулись ополченцы; возникли отчаянные партизаны, съ Денисомъ Давыдовымъ во главѣ, и даже православныя Жанны д'Аркъ (Дурова). Начала свирѣпствовать «святая война», какъ въ Испаніи. Ожесточился и завоеватель: уходя изъ Москвы, онъ взорвалъ Кремль.

А пришлось уходить, какъ ни старался Наполеонъ избѣжать этого «позора», несмотря на мольбы маршаловъ. Пришла вѣсть, что Кутузовъ самъ напалъ побѣдоносно на французскій авангардъ при Тарутинѣ. $^{6}/_{18}$ октября «великая армія» двинулась на Калугу. Тутъ было еще до 100.000 бойцовъ, но испорченныхъ и отягченныхъ добычей да семьями иностранцевъ. Русскія войска тотчасъ преградили имъ путь. Правда, французы одолѣли у *Малоярославца*; но городъ 8 разъ переходилъ изъ рукъ въ руки, и самъ Наполеонъ чуть не попалъ въ плѣнъ къ Платову. Пришлось повернуть на смоленскую дорогу, черезъ Бородино, еще усѣянное трупами.

Началось безпримѣрное отступленіе «великой арміи», за которою слѣдовалъ по пятамъ Кутузовъ (болѣе 100.000), а по бокамъ—Чичаговъ (60.000) и Витгенштейнъ (50.000). Всюду кружились казаки. Сѣверный вѣтеръ подымалъ непроглядныя вьюги; ударили морозы, подъ конецъ до 30°. Полунагіе французы, питавшіеся мукой да сырой кониной, коченѣли сотнями на бивуакахъ. Многіе сходили съ ума. А тамъ вдругъ наступала оттепель—и студеныя лужи да гололедица губили послѣднихъ коней. Но русскіе не смѣли нападать на издыхающаго льва, который выказалъ неслыханную живучесть, «какъ въ Египтѣ». Молчаливо, но бодро шагалъ императоръ, въ шубѣ, съ суковатой палкой въ рукѣ. И это погребальное шествіе арміи-скелета ознаменовалось 3-хъ-дневнымъ боемъ подъ *Краснымъ*, гдѣ она одними штыками пробилась сквозь массу пушекъ Кутузова, а Ней изумилъ міръ переправой черезъ подтаявшій Днѣпръ, передъ тучами врага на другомъ берегу.

Отъ «великой арміи» осталось всего 1.000 человѣкъ и 9 орудій,

если не считать 20.000 безоружныхъ, добравшихся до Нѣмана. Самъ вождь едва ускользнулъ отъ рукъ русскихъ партизановъ и въ самомъ жалкомъ видѣ прискакалъ въ Вильну. А тутъ зловѣщая новость. Въ Парижѣ опять зашевелились филадельфы. Бѣжавшій Малэ увлекъ національныхъ гвардейцевъ вѣстью о мнимой смерти императора въ Москвѣ и провозгласилъ республику, съ Моро и Карно во главѣ. Правда, заговорщики были разстрѣляны; но императора поразило, что никто не вспомнилъ ни объ императрицѣ, ни о римскомъ королѣ. Наполеонъ прочелъ маршаламъ 29-й бюллетень, который все сваливалъ на морозы и кончался словами: «здоровье его величества никогда не было лучше». Затѣмъ императоръ укатилъ съ тремя напарсниками (6 декабря). Онъ передалъ начальство Мюрату, но тотъ тоже уѣхалъ къ себѣ въ Неаполь, проклиная шурина.

Въ Россіи погибло до 250.000 европейцевъ почти всѣхъ націй. Но и русскіе не забудутъ нашествія «двунадесяти языкъ». У Кутузова осталось только 30.000; а всего ихъ погибло также не менѣе четверти милліона. Кутузовъ взывалъ къ миру; и его поддерживало общественное мнѣніе Россіи. Но Александръ, явившись вслѣдъ за Наполеономъ въ Вильну, сказалъ: «Прочный миръ можетъ быть подписанъ только въ Парижѣ». И въ приказѣ по арміи значилось: «Идемъ положить конецъ нестерпимому кичснію; станемъ за вѣру противъ безвѣрія, за свободу противъ властолюбія, за человѣчество противъ звѣрства». $^{1}/_{13}$ января 1813 г. русское войско перешло границу, съ своимъ царемъ во главѣ.

VI.

Оборона генія. (1813—1814).

У русскихъ не было и 20.000 бойцовъ. Ими и пруссаками командовалъ нелюбимый солдатами, бездарный Витгенштейнъ; Пруссія и Австрія еще боялись Наполеона; а въ тылу поляки оставались вѣрными ему, такъ какъ Россія уклонилась отъ немедленнаго возстановленія Польши. Наполеонъ представлялъ себѣ враговъ въ гораздо болѣе страшномъ видѣ, но не испугался. 1813-й годъ—одна изъ самыхъ блестящихъ эпохъ въ его жизни. Французы поддержали его, опасаясь нашествія «скиѳовъ»: они осыпали его патріотическими адресами и пожертвованіями. Наполеонъ поддерживалъ это обаяніе опять изумительной дѣятельностью. Теперь вы-

двигались благотворенія, все во имя Маріи-Луизы, которая назначалась регентшей на случай отлучекъ императора. Ради толпы Наполеонъ принудилъ Пія VII къ новому конкордату. Деньги явились въ видѣ облигацій подъ захваченныя у общинъ земли. Была согнана масса подростковъ 15—17-ти лѣтъ, которыхъ Цезарь сразу превратилъ въ львовъ: онъ грозилъ даже дипломатамъ, что вооружитъ и женщинъ. Въ 4 мѣсяца императоръ снарядилъ до полумилліона бойцовъ, а всего у него было немного меньше, чѣмъ у всѣхъ враговъ вмѣстѣ. Тогда же на морѣ американцы брали верхъ надъ англичанами; а избитый въ Испаніи Веллингтонъ ретировался въ Португалію. Немудрено, что міродержецъ хотя и предлагалъ миръ державамъ, но на старыхъ условіяхъ.

Тѣмъ не менѣе Наполеонъ поддавался ослѣпленію. Патріотизмъ усталыхъ французовъ быстро остылъ: они стали разсуждать о «виновникѣ» всѣхъ бѣдствій. Самъ виновникъ уже не думалъ объ ихъ будущемъ. Отнимая земли у общинъ и рабочія руки у земель, онъ приказывалъ женщинамъ да дѣтямъ обрабатывать почву заступами. Онъ отнялъ у пахарей и лошадей, да и ихъ не хватало такъ же, какъ и пушекъ: плохая развѣдка, за недостаткомъ кавалеріи, была одною изъ причинъ неудачъ 1813 года. А въ пѣхотѣ геронзмъ не могъ возмѣстить слабосилія юнцовъ, которые быстро утомлялись. Паладины были уже не прежніе. Ланнъ погибъ на полѣ брани, и вскорѣ его участь раздѣлили Бессьеръ и Дюрокъ; Массена удалился на покой; Даву былъ почти отстраненъ изъ подозрительности. Самимъ Бертье овладѣвало переутомленіе: онъ раскрывалъ врагамъ слабости своей арміи, чтобы принудить своего императора къ миру. Мюратъ почти явно измѣнялъ, и Мармонъ готовился послѣдовать его примѣру; а Бернадотъ, Моро и Жомини уже работали въ лагерѣ непріятеля. Остальные маршалы выказывали строптивость и пререкорялись между собой.

Не замѣчалъ Наполеонъ и внѣшней грозы. Пій VII отвергъ конкордатъ, разнуздывая тѣмъ ненависть католиковъ къ «тирану церкви». Англія опять ловко дѣйствовала своимъ золотомъ и дипломатіей; а Веллингтонъ снова перешелъ въ наступленіе и уже грозилъ вторженіемъ во Францію. Александръ I сталъ фанатикомъ мщенія, а императоръ воображалъ опять прельстить его, какъ въ Тильзитѣ. Еще больше ошибался онъ въ тестѣ: ловкій дипломатъ Франца I, Меттернихъ, становившійся «арбитромъ Европы», льстилъ Наполеону, а самъ сталъ посредничать съ виду и даже тайно вступилъ въ заговоръ съ Россіей и Пруссіей. А главное, Наполеонъ

все еще не постигалъ новой великой силы — національнзма, хотя Талейранъ уже говорилъ тогда: «пришла пора императору стать французскимъ королемъ». Послѣ испанцевъ и русскихъ пришла очередь нѣмцевъ: начиналась ихъ *война за освобожденіе*. Даже въ Саксоніи за императора стоялъ одинъ только король: народъ принялъ союзниковъ съ восторгомъ. Но главнымъ палачомъ тирана стала Пруссія, которая испытывала такой гнетъ побѣдителя, что ей оставалось или погибнуть, или возстать.

Уже при возвращеніи французовъ изъ Россіи пруссаки сдѣлали два покушенія на жизнь Наполеона. Фридриха-Вильгельма III засыпали ободреніями со всѣхъ концовъ сѣверной Германіи. Потекли пожертвованія, даже отъ дѣтей и слугъ; женщины продавали свои косы парикмахерамъ; крестьяне жгли свои избы на пути непріятеля. Всюду раздавались патріотическія пѣсни Рюккерта и Кёрнера. Арндтъ писалъ катехизисы для народа языкомъ Лютера. На войну рвались даже сынки юнкеровъ, царедворцы и тѣ, которые раньше откупались отъ рекрутчины; а во главѣ шли студенты и гимназисты съ своими преподавателями. Фридрихъ-Вильгельмъ III испугался «революціи»: при дворѣ снова появились Штейнъ и Гарденбергъ. Въ арміи тихо, но отлично хозяйничалъ Шарнгорстъ и горячился «70-лѣтній юноша», Блюхеръ, котораго прозвали генераломъ-Впередъ; а рядомъ выдвигались дѣльные чистокровные пруссаки — Клейстъ, Гнейзенау и Бюловъ. Пруссія выставила больше войскъ, чѣмъ Россія съ Австріей; и никогда еще у нея не было такой хорошей арміи. Уже въ февралѣ король заключилъ союзъ съ Россіей и Швеціей; а Англія дала ему денегъ. Такъ налаживалась *шестая коалиція*, къ которой примкнула даже Испанія.

А Наполеонъ воображалъ, что все еще воюетъ съ «лѣнивыми монархами», и надѣялся опять смять ихъ молодецкимъ ударомъ. И онъ обнаружилъ старую геніальность и энергію. Его юнцы совершали дивные маневры. Самъ онъ вихремъ носился по огромному театру войны; и при одномъ его имени враги падали духомъ. Правиломъ союзниковъ было избѣгать его, щипать только маршаловъ. Однако герой былъ уже не прежній. Роковой недугъ вызывалъ обмороки и бездѣйствіе по цѣлымъ недѣлямъ, а во время битвъ непреодолимую спячку. И въ душѣ «рокового человѣка» поневолѣ, какъ въ Россіи, дипломатъ, императоръ, мѣшалъ великому полководцу. А отсюда — ошибки въ разсчетахъ, впрочемъ понятныя при массѣ случайностей отъ неожиданныхъ враговъ.

Первою ошибкой было преувеличеніе силы противниковъ, вызвавшее излишнюю поспѣшность, чтобы не дать имъ собраться, чтобы

прорвать ихъ центръ. Начало пошло блестяще: при равныхъ силахъ, Наполеонъ съумѣлъ напасть на русско-прусское войско въ двойномъ числѣ, подъ *Люценомъ*. Его маневры отличались мѣткостью и хладнокровіемъ шахматнаго игрока. Вслѣдъ затѣмъ — новая блестящая побѣда, у *Бауцена:* и врагъ попятился за Одеръ. «Мы надѣялись идти на западъ, а двигаемся на востокъ!» съ горечью воскликнулъ король. Царь, который все время самъ командовалъ лицомъ къ лицу съ Наполеономъ, утѣшалъ его лишь надеждой на Бога. Пруссаки потеряли Шарнгорста въ бою; Александръ замѣнилъ Витгенштейна Барклаемъ.

Но тутъ произошла вторая ошибка, которую самъ Наполеонъ назвалъ «величайшею въ своей жизни». Союзники были угнетены и разстроены. Барклай собирался уйти въ Россію, чтобы преобразовать свою разбитую армію. Король твердилъ, что Пруссія погибла, если не остановить побѣдителя перемиріемъ. Союзники готовы были снова возненавидѣть другъ друга: отступая, они обвиняли одинъ другого въ бездарности и даже въ измѣнѣ. Саксонія опять пристала къ французамъ. А Наполеонъ самъ схватился за мысль о перемиріи.

Побѣдитель оторопѣлъ въ свою очередь. Онъ былъ угнетенъ душевно и тѣлесно: уже подъ Бауценомъ на него нападала вялость, спячка. У него солдаты тысячами превращались въ мародеровъ отъ голода; не хватало офицеровъ, которые падали, бросаясь впередъ для одушевленія «дѣтей». Пришли вѣсти о новомъ бѣдствіи въ Испаніи, о горячемъ миролюбіи въ Парижѣ и о подозрительномъ поведеніи Австріи. Наполеонъ дважды предлагалъ царю миръ съ раздѣломъ Пруссіи и Польши; но его посланцы даже не были приняты. Тогда онъ призвалъ Меттерниха. Почуявшій гибель міродержецъ промучился съ вѣнскимъ Янусомъ цѣлыхъ 10 часовъ, то грозя, то ласкаясь. Наконецъ онъ загремѣлъ, бросивъ шляпу на полъ: «Такъ вы хотите войны? Хотите получить свою долю, какъ пруссаки и русскіе? Извольте! Назначаю вамъ поединокъ въ Вѣнѣ. Я три раза ставилъ императора на престолъ. Я женился на его дочери: то была глупость; я раскаиваюсь въ ней. Чего хотятъ отъ меня? Безчестія? Никогда! Скорѣе умру, чѣмъ уступлю хотя пядь земли. Ваши, рожденные на тронахъ, государи могутъ быть 20 разъ побиты—и они все-таки возвратятся въ свои столицы. Я же—сынъ счастья: мое царство прекратится въ тотъ день, когда я перестану быть сильнѣйшимъ. Вы грозите мнѣ союзниками. Сколько ихъ у васъ? 4, 5, 6, 20? Чѣмъ больше, тѣмъ лучше для меня!... Но нѣтъ, вы, вѣдь, не станете воевать со мной?» «Вы погибли», отвѣчалъ Меттерниху.

Наконецъ Наполеонъ пошелъ и на «безчестіе»: онъ согласился на конгрессъ въ Прагѣ, предложенный Меттернихомъ. Но вѣнскій дипломатъ обратилъ этотъ конгрессъ въ комедію: не успѣлъ пробить часъ срока перемирія, какъ Габсбургъ объявилъ войну своему зятю. Не дождались даже отвѣта императора, который соглашался почти на все.

Міръ опять увидалъ ужаленнаго льва. Опять блеснула самоувѣренность гепія. Опять улыбалось ему счастье: Бернадотъ «топтался на мѣстѣ» въ Померанін; Блюхеръ застрялъ въ Силезіи. А главною, богемскою арміей командовалъ трусливый вѣнскій аристократъ, князь Шварценбергъ, походившій болѣе на дипломата, чѣмъ на полководца; да и тому мѣшали цѣлыхъ три вѣнценосца. Оттого-то Наполеонъ, гонявшійся за Блюхеромъ, подоспѣлъ на выручку къ осажденному *Дрездену*. Здѣсь-то, въ незабвенномъ двухъ-дневномъ бою (26—27 августа 1813 г.), онъ показалъ примѣръ геніальной обороны. «Императоръ въ Дрезденѣ!» съ ужасомъ воскликнулъ Шварценбергъ, завидя искусные маневры французовъ: и у союзниковъ опустились руки. Они потеряли треть своихъ людей, и наполовину плѣнными. Тутъ палъ и Моро, со словами: «Какъ! Я, Моро, умираю среди враговъ Франціи, отъ французскаго ядра!» Союзники, мечтавшіе отрѣзать Наполеону «отступленіе» къ Рейну, сами бѣжали босые, голодные, въ безпорядкѣ; а въ тылу у нихъ, въ Богеміи, показался корпусъ Вандама. Самъ Наполеонъ пустился-было въ погоню, но вдругъ упалъ въ обморокъ.

Болѣзнь приковала побѣдителя на нѣсколько недѣль въ Дрезденѣ. «Моя шахматная игра запуталась», сказалъ онъ. И политикъ все больше бралъ верхъ надъ полководцемъ. Императоръ не преслѣдовалъ Шварценберга, надѣясь отвлечь отъ коалиціи своего тестя, къ которому даже засылалъ лестныя предложенія о мирѣ вдвоемъ. Онъ думалъ уже не объ истребленіи армій, а о занятіи столицъ: Удино получилъ отчаянный приказъ — захватить Берлинъ врасплохъ. А тѣмъ временемъ забытый въ Исполинскихъ Горахъ Вандамъ долженъ былъ сдаться цѣлой арміи союзниковъ, хотя послѣ жестокаго боя подъ *Кульмомъ*. Макдональдъ также наткнулся на вдвое сильнѣйшаго врага у *Кацбаха:* Блюхеръ взялъ у него множество плѣнныхъ и пушекъ. Наконецъ, Берлинъ былъ спасенъ побѣдой пруссаковъ у *Денневица*. Тутъ померкла звѣзда Удино, какъ потомъ слава даже Нея и Даву, а утвердилось имя прусскаго «маленькаго Наполеона» — цезаревиднаго, но нервнаго чудака съ оборванными пуговицами, Бюлова. Денневицъ важенъ и по нравственному вліянію. Здѣсь пруссаковъ было не больше французовъ; и

увѣровалъ въ себя ихъ ландверъ, который сражался иногда дубинками и ѣздилъ безъ стремянъ, на недоуздкахъ. Здѣсь же саксонцы, дравшіеся съ пруссаками, какъ львы, возненавидѣли неблагодарныхъ французовъ, сваливавшихъ на нихъ всю неудачу. Съ тѣхъ поръ гордость, отвага непобѣдимости перешли отъ французовъ къ пруссакамъ, которые стали совершать рядъ молодецкихъ подвиговъ. Блюхеръ съ Бюловымъ продвинулись къ Эльбѣ, хотя имъ мѣшалъ Бернадотъ: этотъ лукавецъ, поджидавшій, чтобы «убили» его шурина, «плута и бича міра», не хотѣлъ бить своихъ «будущихъ подданныхъ», французовъ.

Опять, какъ въ Россіи, вокругъ «великой арміи» сжималось желѣзное кольцо и даже отрѣзывалось отступленіе. Францъ I уже не принималъ посланцевъ зятя, а Меттернихъ успѣлъ вовлечь въ коалицію и другого родственника—короля баварскаго. Армія французовъ таяла: изъ 400.000 оставалась развѣ только половина. Французы истомились отъ «системы туда-сюда», какъ назвалъ Наполеонъ свои маневрированія въ треугольникѣ-мышеловкѣ между Дрезденомъ, Лейпцигомъ и Бауценомъ: мѣстные жители прозвали тогда императора, который самъ скакалъ между этими городами, «бауценскимъ почтальономъ». У солдатъ оставалось мало сапоговъ и даже снарядовъ. Съ голоду они то дезертировали, то уродовали себя, чтобы попасть въ лазаретъ. Генералы скопомъ требовали возвращенія за Рейнъ. Генію битвъ оставалось дерзнуть по-старому: онъ далъ генеральное сраженіе вдвое сильнѣйшему непріятелю.

16—18 октября грянула, подъ *Лейпцигомъ*, трехдневная «битва народовъ»: тутъ дрались даже «амуры», какъ называли французы лучниковъ-башкировъ. Въ первый день французы отразили всѣ нападенія, направляя въ центръ враговъ массовыя аттаки кавалеріи и залпы 150 орудій. Но у союзниковъ были такія стѣны людей, что ихъ нельзя было ни пробить, ни обойти; и подходили все свѣжія подкрѣпленія. На другой день противники отдыхали, не сговариваясь. И Наполеонъ не отступилъ. Эта «необъяснимая безпечность» объясняется его надеждой на тестя, которому онъ предложилъ тогда возвратить почти все, кромѣ Италіи. 18-го виртуозъ войны рѣшился показать невиданное —примѣръ генеральнаго сраженія при отступленіи. То была величайшая битва цѣлаго тысячелѣтія, и еще день славы для французовъ. Ихъ было 130.000 противъ 300.000; да еще имъ измѣнили, въ разгаръ боя, саксонцы и вюртембержцы. И все-таки они удержали главную позицію, разгромили Шварценберга и погубили 75.000 солдатъ, сами потерявъ только 50.000. Но, конечно, пришлось отступить передъ стихійной силой поднявшихся

народовъ. И, уходя, вонтель безподобно морочилъ преслѣдовавшихъ, билъ ихъ авангарды и уничтожилъ баварцевъ, заступившихъ ему дорогу. Императоръ опять изумлялъ ветерановъ своимъ спокойствіемъ, самоотверженіемъ и выносливостью: «точно такъ шелъ онъ изъ Москвы», перешептывались между собой бородачи въ медвѣжьихъ киверахъ.

А позади завоевателя началась «жажда мести». Рухнулъ Рейнскій Союзъ и Вестфальское королевство. Въ Голландію возвратился принцъ Оранскій. Мюратъ даже выступилъ противъ своего родственника, Евгенія, который отлично дрался съ австрійцами, отказавшись принять итальянскую корону изъ рукъ союзниковъ. Веллингтонъ вторгнулся во Францію. А Меттерних предложилъ Наполеону «естественныя границы»: потомъ онъ признавался, что хотѣлъ этимъ только разлучить императора съ арміей и народомъ Франціи, жаждавшими мира. Наполеонъ согласился на всеобщее замиреніе, но на европейскомъ конгрессѣ. Тогда союзники возвѣстили, что они «воюютъ не съ Франціей, а съ преобладаніемъ Наполеона за ея предѣлами». То была воля царя, котораго уже называли «новымъ солнцемъ». Александръ шелъ впередъ всѣхъ Агамемнономъ, и во Франціи принималъ союзниковъ, какъ хозяинъ. Нѣмецкіе государи толпились въ его переднихъ. Когда усталые союзники заговаривали о мирѣ, онъ твердилъ о Парижѣ — «для чести русскаго имени»

Но месть народовъ возбуждала національизмъ и у французовъ. Сознавая, что вчера еще міръ преклонялся предъ ними за просвѣтительныя начала «великой» революціи, они вообще смотрѣли на другіе народы, какъ на «варваровъ». А теперь они получали право на это: пруссаки выказали истинное звѣрство. Жалкая, вѣроломная дипломатія разжигала ненависть и презрѣніе гордой націи. Французы забыли про «виновника» бѣдствій и опять восторгались своимъ героемъ, который не былъ побѣжденъ: онъ отступилъ такъ, что потерялъ гораздо меньше людей, чѣмъ союзники, у которыхъ было наполовину больше войскъ. Могикане «великой арміи» все еще находились подъ обаяніемъ генія битвъ, который раздѣлялъ съ ними всѣ опасности и лишенія и всегда во-время являлся къ нимъ на выручку. Они разносили по Франціи вѣсти объ его чудотворствахъ и еще объ его великой душѣ. Вонтель и вправду становился все сердечнѣе, по мѣрѣ колебанія счастья. Онъ запретилъ жечь Лейпцигъ, при отступленіи. Его кошелекъ былъ открытъ для обездоленныхъ. «Бѣдняга!» говорили солдаты, видя неутѣшнаго вождя послѣ смерти его Патрокла, Дю-

рока. А онъ выказывалъ отеческую заботливость и искреннее состраданіе къ юнымъ жертвамъ голоднаго тифа, которыхъ увозили на ломовикахъ, «связывая трупы, какъ сѣно». Наполеонъ даже отпустилъ папу въ Римъ, а Фердинанда VII—въ Мадридъ. Самъ Талейранъ признавался, что если 99% націи жаждали мира, то 99½% желали своего императора: французы вѣрили, что только его геній опять спасетъ ихъ и отъ варваровъ, и отъ Бурбоновъ. И по странѣ слышалась теплая пѣсенка Беранже о «немъ».

Союзниковъ встрѣтилъ во Франціи патріотизмъ, напоминавшій Испанію и Россію; а въ крѣпостяхъ стойко держались ветераны. Солдаты кричали вмѣстѣ съ народомъ: «Долой измѣнниковъ! Смерть роялистамъ!» «Придется охранять армію съ тыла другою арміей!» воскликнулъ испуганный Шварценбергъ. Но Цезарь и теперь не могъ освободиться отъ рокового заблужденія. Когда законодательный корпусъ потребовалъ мира, а также «свободы и политическихъ правъ для націи», онъ закрылъ его, какъ гнѣздо «измѣнниковъ и друзей Англіи». Онъ закричалъ на «идеологовъ»: «Настоящій тронъ—человѣкъ; и это—*я*, съ моей волей, съ моимъ характеромъ, съ моей славой. Я могу спасти Францію, а не вы! Франція больше нуждается во мнѣ, чѣмъ я—въ ней... Я самъ хочу мира, но согласнаго съ честью націи. Черезъ три мѣсяца враги будутъ изгнаны изъ Франціи, или я умру!»

А между тѣмъ у императора не хватало ни оружія, ни мундировъ, ни денегъ. Поспѣшная спекуляція съ землями общинъ дала мало; если увеличили налоги наполовину, то столько же оказалось недоимокъ. Товары лежали массами отъ застоя въ торговлѣ; всюду объявлялись банкроты. Народъ несъ бѣлье въ ломбардъ; въ Парижѣ продавались только пища да конфекты. Звонкая монета исчезла; развилось ростовщичество; рента упала наполовину. Мало было и рекрутъ: крестьяне хотѣли защищать только свои усадьбы. У Наполеона оказалось всего 200.000 боевыхъ дѣтей и калѣкъ съ 200 орудій; у непріятеля было 600.000 и 900 пушекъ.

Началась безцѣльная, но дивная «кампанія во Франціи», которая покрыла генія, обезумѣвшаго отъ отчаянія, новыми лаврами, едва-ли не болѣе славными, чѣмъ его первый походъ въ Италію. Непріятель былъ ошеломленъ юношеской энергіей 44-лѣтняго полководца, который носился птицей между Сеной и Марной. Никогда еще враги не дрожали такъ при одномъ его имени, хотя имъ было извѣстно его безсиліе. «Наполеонъ (говоритъ Ланжеронъ) былъ какимъ-то пугаломъ для нашихъ командировъ. Онъ мерещился имъ всюду. И правда, онъ колотилъ насъ всѣхъ поочередно. Смѣлость

его предпріятій, быстрота движеній, замѣчательное искусство въ замыслахъ держали насъ въ постоянномъ страхѣ. Едва мы успѣвали выработать какой-нибудь планъ, какъ онъ уже оказывался разстроеннымъ». «Мы разбиваемся нарочно, чтобы и Наполеонъ раздѣлялъ свою армію, чтобы онъ не вездѣ былъ самъ», признавался Шварценбергъ.

Но этого-то и не могли достигнуть союзники. Геній битвъ исчезалъ на ихъ глазахъ, среди болотъ, и внезапно возникалъ у нихъ въ тылу, по бокамъ, гдѣ никто не могъ ждать его. Рядъ его чуть не ежедневныхъ побѣдъ тѣмъ поразительнѣе, что онъ велъ борьбу среди морозовъ и ливней, противъ отличныхъ арміи и тѣхъ полководцевъ, которыхъ обучилъ онъ самъ. А у него ничего не было готово, и онъ былъ почти одинъ. Оторопѣлые маршалы терпѣли пораженія при лучшихъ условіяхъ: во главѣ ихъ очутились такія бездарности и отчасти будущіе Іуды, какъ Мармонъ и Мортье, Викторъ, Макдональдъ и др. Немудрено, что Наполеонъ говорилъ тогда: «Я нашелъ мои ботфорты итальянской кампаніи. Я разсѣкаю Гордіевы узлы, какъ Александръ». Разъ онъ даже воскликнулъ, къ ужасу паладиновъ: «Пусть не воображаютъ, что левъ уже издохъ! Я продиктую царю миръ на Вислѣ».

Какъ всегда, у Наполеона былъ одинъ только союзникъ—самъ непріятель. Здѣсь не падалъ духомъ одинъ только фельдмаршалъ-Впередъ. Но онъ умѣлъ только лѣзть напроломъ, губя вдесятеро больше своихъ, чѣмъ чужихъ, а у самого постоянно было «рыло въ крови», какъ говаривалъ Кутузовъ; нерѣдко онъ еще путалъ дѣла своимъ непослушаніемъ и юношеской нетерпѣливостью. Всѣ остальные пали духомъ: даже англичане желали мира. Только русскій солдатъ опять прославился покорной стойкостью. И царь одинъ только представлялъ душу коалиціи. Онъ самъ ѣхалъ верхомъ, впереди всѣхъ, франтомъ въ непогоду, шагалъ ночью, по колѣна въ грязи, по квартирамъ монарховъ, всѣхъ ободрялъ своей веселостью, привѣтливостью, распорядительностью. Но Александръ же былъ одною изъ причинъ вялости союзниковъ: они опасались его роли Агамемнона и не сходились съ нимъ въ политикѣ. Отсюда — вѣчныя пререканія въ главной квартирѣ. И Шварценбергъ радъ былъ приказу Меттерниха подвигаться «умненько»: онъ все оглядывался на Рейнъ.

Разъ только соединились союзники—и Наполеонъ былъ разбитъ у Ля-Ротьера, хотя съ великимъ трудомъ. Монархи тотчасъ собрались въ Шатильонѣ, чтобы потребовать границъ до 1792 г. Но они вдругъ опять раздѣлились — и императоръ въ пять дней нанесъ

пять жестокихъ пораженій пруссакамъ и русскимъ. Затѣмъ онъ бросился на Шварценберга и далъ ему такихъ же два урока, хотя у него было втрое меньше силъ. Наконецъ, Блюхеръ былъ побитъ еще два раза; и только случай спасъ его отъ плѣна. Но то были послѣдніе удары издыхающаго льва. Онъ принялъ отчаянное рѣшеніе — броситься въ Вогезы, чтобы отрѣзать врагу отступленіе, поднявъ гверилью и стянувъ къ себѣ гарнизоны пограничныхъ крѣпостей. Наполеонъ написалъ объ этомъ Маріи-Луизѣ; но казаки перехватили депешу. Тогда только 170.000 союзныхъ войскъ устремились къ Парижу. Они гнали передъ собой 15.000 измученныхъ солдатъ Мармона и Мортье.

Этотъ-то жалкій обрывокъ «великой арміи» да столько же едва вооруженныхъ національныхъ гвардейцевъ составляли всю оборону столицы, почти лишенной укрѣпленій. Но всѣ, не исключая гражданъ, схватившихся за баррикады, рвались въ бой. Часовые на фортахъ кричали, при видѣ всякаго всадника на бѣломъ конѣ: «Это *онъ*, онъ!» И союзники дрожали отъ страха, оглядываясь на юго-востокъ. Ихъ опять воодушевлялъ только царь, воскликнувшій: «На развалинахъ или въ пышныхъ палатахъ, но Европа должна нынѣ же ночевать въ Парижѣ!» Подъ *Парижемъ* произошла одна изъ самыхъ кровавыхъ битвъ всей кампаніи: союзники потеряли до 10.000, французы — наполовину меньше. Героемъ дня оказался Мармонъ; а команда проклинала его, когда онъ подписалъ, хотя и почетную, сдачу столицы, видя, что «его» не дождаться. 31 марта союзники вступили въ «столицу міра».

А «онъ» былъ далеко, въ тылу у непріятеля. И тамъ уже кипѣла «императорская Вандея»: сотни тысячъ крестьянъ требовали оружія и успѣли привести 2.000 плѣнниковъ. Стягивались гарнизоны крѣпостей. У Наполеона опять скопилось 50.000 одушевленныхъ бойцовъ; а онъ справедливо говорилъ: «50.000 да я, это—150.000». И они уже уничтожили одинъ корпусъ пруссаковъ. На югѣ стояли арміи у Ліона и Бордо, а за Пиренеями—самъ Сультъ съ сотней тысячъ ветерановъ. Но теперь, какъ и послѣ Дрездена, смѣлый вождь былъ озадаченъ трусостью маршаловъ. Его окончательно остановило извѣстіе, что союзники подъ столицей, а Марія-Луиза покинула ее. Императоръ искусно повернулъ свою армійку назадъ, а самъ поскакалъ впередъ съ ничтожной свитой. 31-го марта онъ былъ уже въ 15 верстахъ отъ Парижа—чтобы видѣть, какъ туда вступали союзники.

Наполеонъ послалъ къ царю Коленкура, предлагая принять шатильонскія условія. Отказъ. «Такъ докажемъ же имъ, что мы еще способны защищать нашу независимость и кокарду!» воскликнулъ

императоръ. Онъ ускакалъ въ Фонтенебло, какъ помѣшанный: глаза его сверкали; весь онъ былъ рвеніе и самоотверженность юности. 4-го апрѣля вокругъ него собралось уже 60.000 солдатъ, рвавшихся въ бой. Но генералы перешептывались между собой, и послышался грубый голосъ Нея—«отреченіе!» Наполеонъ вздрогнулъ, но углубился въ планъ сраженія. Онъ думалъ: «Слѣдовало бы выслать изъ арміи всѣхъ этихъ бывшихъ героевъ. Пусть-себѣ спятъ на пуховикахъ и важничаютъ въ своихъ гордыхъ замкахъ; а мнѣ—начать войну опять съ честной молодежью незапятнанной доблести». Маршалы ворвались въ кабинетъ. Императоръ сталъ краснорѣчиво доказывать имъ неизбѣжность побѣды. Но Ней грубо заявилъ, что они не пойдутъ на Парижъ. Говорятъ, паладины обнаруживали даже намѣреніе умертвить своего вождя.

Наполеонъ не видѣлъ, что военное дѣло уже кончилось: началась работа дипломатіи. Смыслъ ея былъ ясенъ съ начала кампаніи 1813 г. изъ мстительныхъ словъ царя: «Наполеонъ унизилъ меня: я унижу его. Я веду войну не съ Франціей: если его убьютъ, я тотчасъ остановлюсь!» Оттого-то всѣ мирныя попытки Наполеона оставались безъ отвѣта. Союзники возвышали свои требованія при малѣйшей неудачѣ противника, но ничего не спускали при самыхъ блестящихъ его успѣхахъ. Самымъ позорнымъ лицемѣріемъ, съ ихъ стороны, былъ шатильонскій конгрессъ, гдѣ заговорили о «старыхъ границахъ» Франціи, что̀ намекало и на «старый порядокъ». Это значило отказаться отъ Бельгіи и Рейна, которые были присоединены до имперіи, и по желанію самого мѣстнаго населенія. Императоръ былъ глубоко оскорбленъ. Но маршалы опять стали насѣдать на него—и онъ уже соглашался. Вдругъ послѣдовалъ рядъ новыхъ подвиговъ—и побѣдитель написалъ Францу I: «никогда не откажусь отъ Бельгіи и Антверпена».

Дипломатія не могла спѣться только относительно преемника Бонапарту. Англія, а за нею Австрія и Пруссія, скоро столковались насчетъ Бурбоновъ: они надѣялись, при этой ничтожной династіи, возвратить все, утраченное во время революціи. Но Александръ, жаждавшій только сокрушить соперника, все остальное предоставлялъ волѣ Франціи: онъ презиралъ «невозможныхъ и неисправимыхъ» Бурбоновъ, къ которымъ приглядѣлся въ Россіи. Но Наполеонъ недаромъ говорилъ еще въ 1810 г., что если не онъ—будутъ Бурбоны. Роялисты живо побѣдили. Вѣдь, во главѣ ихъ стоялъ Талейранъ! Онъ стакнулся съ царедворцами Александра, закадычными друзьями эмигрантовъ, а въ Парижѣ распускалъ злостныя клеветы на своего императора и даже подкупалъ убійцъ. По провинціямъ

орудовали наперсники графа Артуа. Они переносили союзникамъ военныя тайны, командовали ихъ отрядами, сдали англичанамъ Бордо.

Въ столицѣ, среди убитаго населенія, бодрствовали только юркіе «кавалеры» и прелестницы С. Жермена.

Собранный Талейраномъ сенатъ, этотъ вчерашній рабъ Наполеона, объявилъ низложеніе «корсиканца»; къ нему тотчасъ присоединился обрывокъ законодательнаго корпуса. Но что скажетъ армія? Шварценбергъ обратился къ Мармону, герцогу Рагузскому волей Наполеона, съ щедрыми предложеніями. Герой 30 марта задумалъ разыграть роль Монка, возстановившаго Стюартовъ послѣ англійской революціи; но народъ назвалъ его Іудой, а измѣну—«рагузадой». Мармонъ собралъ свой корпусъ и сказалъ, что ведетъ его въ бой, а привелъ къ австріійцамъ. Когда солдаты поняли измѣну, они стали стрѣлять въ свой штабъ; офицеры срывали съ себя опозоренные эполеты.

Это произошло 4-го апрѣля, въ тотъ день, когда измѣнили и паладины. Императоръ набросалъ отреченіе въ пользу сына: изъ отвѣта царя, только-что привезеннаго Коленкуромъ, видно было, что тотъ не отвергалъ регентства Маріи-Луизы. Александръ даже предлагалъ самому Наполеону «гостепріимство въ Россіи». Наполеонъ послалъ отреченіе съ Коленкуромъ и Неемъ: онъ не хотѣлъ поручить такое щекотливое дѣло своему любимцу, Мармону. А посланцы были приняты Александромъ въ ту самую ночь, когда совершилась измѣна Мармона. Царь уже соглашался на регентство, какъ вдругъ вошелъ адъютантъ и что-то сказалъ ему по-русски. «Господа! воскликнулъ Александръ: вы ссылаетесь на преданность арміи императору, а вотъ его авангардъ сейчасъ дезертировалъ». Посланцы возвратились съ такимъ рѣшеніемъ: сенатъ провозглашаетъ Людовика XVIII, а Наполеонъ будетъ жить на о. Эльбѣ «гостемъ Европы». Послѣдняя милость была плодомъ «романтизма» царя: англичане, Талейранъ и Меттернихъ были «озабочены» такою близостью великана къ Европѣ.

Въ ту минуту Наполеонъ готовился къ новой кампаніи: онъ хотѣлъ или укрѣпиться за Луарой, куда призывалъ и жену, или, въ крайнемъ случаѣ, идти въ Италію, къ своему Евгенію. Вдругъ маршалы возвѣстили ему волю союзниковъ и измѣну его Веніамина. «Неблагодарный! Онъ будетъ несчастнѣе меня. У этихъ людей нѣтъ ни сердца, ни ума. Я побѣжденъ не столько судьбой, сколько себялюбіемъ да неблагодарностью товарищей по оружію», прошепталъ императоръ. На другой день онъ издалъ приказъ по арміи, гдѣ за-

клеймилъ позоромъ измѣну Мармона и низость сената. Изъ сердца падшаго великана вырвалось проклятіе человѣчеству: «Императора упрекали въ презрѣніи къ людямъ: теперь должны признать, что онъ имѣлъ основаніе къ тому». Затѣмъ Наполеонъ пытался еще разъ увлечь маршаловъ, раскрывая передъ ними страшную картину мести Бурбоновъ. Но Ней настаивалъ на «безусловномъ отреченіи». «Вы хотите покоя? Извольте!» сказалъ императоръ, и твердою рукой написалъ: «Въ виду заявленія союзныхъ державъ, что императоръ Наполеонъ—единственное препятствіе къ возстановленію мира въ Европѣ, императоръ Наполеонъ заявляетъ, что отказывается за себя и за своихъ наслѣдниковъ отъ престоловъ Франціи и Италіи, ибо нѣтъ такой личной жертвы, которой онъ не принесъ бы на благо Франціи».

Черезъ недѣлю привезли *Фонтенеблоскій договоръ*, заключенный сенатомъ съ союзниками 11 апрѣля. Державы предоставляли Наполеону императорскій титулъ и о. Эльбу, а также 2 милл. фр. въ годъ и 400 гвардейцевъ; Маріи-Луизѣ обезпечивалось герцогство Парма. Императоръ отложилъ отвѣтъ до завтра. Ночью произошла еще невыясненная драма. Съ Наполеономъ сдѣлался одинъ изъ сильнѣйшихъ припадковъ. Такъ какъ съ 1808 г. онъ носилъ на шеѣ ладонку съ ядомъ, то разнесся слухъ о самоотравленіи. Но самъ императоръ сказалъ наканунѣ: «Самоубійство противорѣчитъ какъ моимъ убѣжденіямъ, такъ и моему положенію въ мірѣ». Передъ отъѣздомъ на Эльбу онъ прибавилъ: «Меня станутъ осуждать за то, что я пережилъ мое паденіе. Это несправедливо. Я не вижу ничего великаго въ томъ, чтобы покончить жизнь, какъ все спустившій игрокъ». На другой день Наполеонъ всталъ здоровый и спокойный. Онъ уволилъ въ отставку своихъ паладиновъ и милостиво простился съ ними, щедро наградивъ приближенныхъ. Затѣмъ онъ сталъ обстоятельно условливаться съ комиссарами державъ насчетъ своего пути и огромнаго багажа. Только разъ, сидя за столомъ, онъ вдругъ ударилъ себя по лбу и воскликнулъ: «Боже мой, да неужели же все это—не сонъ?»

Быстро все опустѣло вокругъ «эльбскаго императора». Впереди всѣхъ устремился подъ бѣлое знамя Бертье, а за нимъ Ней, Ожеро, Удино и др. Только джентльменъ Макдональдъ сказалъ Іудѣ-Мармону: «Я отдалъ бы свою руку, чтобы не видѣть этого». Да вдали Сультъ разгромилъ врага подъ Тулузой, а Даву, въ Гамбургѣ, стрѣлялъ въ парламентеровъ. Но вскорѣ и Даву закричалъ: «Если Бонапартъ не уберется спозаранку, схвачу его за шиворотъ!» А Сультъ пошелъ, со свѣчкой въ рукахъ, въ церемоніи погребенія «короля-

мученика». Нѣжный мужъ поджидалъ только жену, гнѣваясь на «насиліе» надъ нею; но ему донесли, что Марія-Луиза добровольно отбыла, съ сыномъ, къ батюшкѣ. Зато Валевская стучалась къ императору въ кабинетъ, когда его постигъ припадокъ. Говорятъ, онъ сказалъ тогда, что его послѣднія мысли посвящаются Жозефинѣ. А та умерла, въ Мальмезонѣ, въ тотъ день, когда Марія-Луиза прибыла къ отцу въ Шёнбруннъ.

Настало 20-е апрѣля. Императоръ сошелъ на дворъ замка Фонтенебло, гдѣ выстроилась рота гренадеръ старой гвардіи. Онъ трогательно благодарилъ ихъ за вѣрную службу и воскликнулъ: «Съ вами да съ моими крѣпостями я могъ бы воевать еще два-три года. Но я предпочелъ, во избѣжаніе междоусобія, пожертвовать моими личными правами и выгодами счастью и славѣ отечества. Продолжайте служить Франціи! Я же охотно покончилъ бы съ собой; но остаюсь въ живыхъ, чтобы возвѣстить потомству о подвигахъ моихъ вопновъ». Изгнанникъ, но не плѣнникъ, Европы прижалъ къ груди императорскаго орла и приложился къ нему. «Во всѣхъ рядахъ послышались вздохи», говоритъ очевидецъ. И прослезились суровые ветераны.

На пути народъ сначала встрѣчалъ своего императора изъявленіями преданности и сожалѣнія. Но на югѣ показалась работа роялистовъ. Толпы кричали: «Долой Бонапарта!» Наполеонъ едва избѣгнулъ шайки наемныхъ убійцъ. Ему пришлось переодѣваться, даже прицѣплять бѣлую кокарду. Онъ прятался въ каретѣ, за спиной адъютанта, со слезами на глазахъ; а припадки болѣзни не давали ему покоя. 3-го мая великанъ вступилъ въ свое лилипутское царство—рядъ скалъ въ 200 кв. в.

VII.

Сто Дней и о. св. Елены. (1815—1821).

Возвращеніе Бурбоновъ было плодомъ обстоятельствъ: нужно было спѣшить съ умиротвореніемъ Европы, а ни у кого, кромѣ нихъ, не было формальныхъ правъ на престолъ. Имъ помогла также недальновидность и взаимное недовѣріе союзниковъ. Что же касается самихъ французовъ, то Наполеону измѣнилъ не народъ, а его вожди. Массы, по сознанію самихъ роялистовъ, «не видѣли другого врага, кромѣ иноземцевъ», и вѣрили въ своего «спасителя». Но то «обще-

ство», которое раболѣпствовало передъ деспотомъ въ силѣ, лягало его при паденіи. Оно повторяло лозунгъ чужеземцевъ,—что Европа воюетъ не съ Франціей, а съ Бонапартомъ. Среди всеобщаго утомленія и ошеломленія, работали смѣлые роялисты, хотя они и сознавали, что «народъ не поднимется за забытую фамилію». Опираясь на иностранные штыки, они дѣйствовали такъ нагло, что самъ Талейранъ испугался «принципа» Бурбоновъ, названнаго тогда *легитимизмомъ*, т. е. «законнымъ» наслѣдіемъ: онъ пожелалъ оградить себя конституціонной *Хартіей*. Александръ I согласился съ нимъ. Онъ заставилъ даже союзниковъ смягчить условія. Если, по *первому парижскому миру* (30 мая), Франція входила въ предѣлы 1792 г., она все-таки пріобрѣтала до 1 милл. жителей и возвратила почти всѣ свои колоніи. Союзники даже оставили ей награбленныя сокровища искусства и не взяли контрибуціи. Для установленія подробностей новаго порядка, державы рѣшили собраться на конгрессъ въ Вѣнѣ.

3-го мая, когда Наполеонъ высадился на Эльбѣ, совершилась *реставрація* или «возстановленіе». Въ Тюльери возвратились Бурбоны. Гвардейцы сурово всматривались въ эти «привидѣнія»—въ холоднаго, спесиваго толстяка, Людовика XVIII, въ его дерзкаго, вздорнаго брата, графа Артуа, въ сухую, мрачную фигуру его племянницы, герцогини Ангулемской, которая упала въ обморокъ, въ Тюльери, отъ кровавыхъ воспоминаній и отъ жажды мести. «На Эльбу, Бертье, на Эльбу!» загудѣла толпа, увидѣвъ въ свитѣ Бурбоновъ этого Веніамина императора.

Людовикъ XVIII былъ противоположностью Наполеона и по своему нраву, и по убѣжденіямъ. Лѣнивый, пустой старикъ-подагрикъ, онъ уже съ 1795 г. (со смерти «Людовика XVII») осыпалъ Европу манифестами о своей преданности «старому порядку» да о «мести злодѣямъ». Впрочемъ, желая только тишины и бездѣлья, онъ твердилъ объ «умѣренности», соглашаясь съ Талейраномъ, который опять сталъ министромъ иностранныхъ дѣлъ. Но король сдалъ дѣла брату, который былъ годенъ только на роль заговорщика и палача и былъ вдохновляемъ безсердечной герцогиней Ангулемской. Правой рукой графа Артуа сталъ Сультъ, назначенный военнымъ министромъ: онъ клялся «роялизовать армію» огнемъ и мечомъ.

Начался *бѣлый терроръ*. Хартія была изуродована, согласно съ «традиціями» Бурбоновъ: она оказалась «пожалованіемъ» и возстановленіемъ «цѣпи временъ». Люди, 25 лѣтъ занимавшіеся заговорами противъ своего отечества, считали цѣлую великую эпоху французской и міровой исторіи какими-то злодѣйскими кознями и

сновидѣніемъ! Немудрено, что Хартія превращала парламентъ въ куклу, а королю предоставляла право «издавать ордоннансы (указы) для безопасности государства» и учреждать спеціальные суды «по необходимости».

И во всѣхъ шагахъ правительства стало проглядывать рѣшительное намѣреніе воскресить «привилегированныхъ»; а это вело къ рѣзкому уничтоженію всѣхъ мѣръ Наполеона противъ феодализма. Было уволено до 15.000 молодыхъ офицеровъ, питомцевъ императора: ихъ замѣнили юными жантильомами, а впредь въ военныя школы (т. е. въ офицера) могли поступать только отпрыски 100-лѣтняго дворянства. Въ полгода роздали или просто продали старыхъ титуловъ больше, чѣмъ въ два послѣдніе вѣка монархіи. Духовенство всюду захватывало власть, подбирая къ рукамъ въ особенности все народное просвѣщеніе. Оно приказывало даже «дѣтямъ Вольтера» строго соблюдать воскресенье и украшать дома при крестныхъ ходахъ. Мало того: въ указахъ появились прозрачные намеки на возвращеніе національныхъ имуществъ церкви и эмигрантамъ. Это уже затрогивало массы: среди двухъ милліоновъ, купившихъ эти имущества, было не мало крестьянъ, заработокъ которыхъ сокращался еще отъ соблюденія праздниковъ. Сверхъ того, народъ былъ смущенъ явнымъ стремленіемъ духовенства возстановить десятину, да помѣщичьими замашками жантильомовъ по деревнямъ.

Недовольство росло изо дня въ день. Въ Парижѣ рабочіе били иноземцевъ и роялистовъ. На бульварахъ пили «за здравіе великаго человѣка». Въ театрѣ студенты рукоплескали при фразѣ Вольтера: «подавленный герой привлекаетъ всѣ сердца». По провинціямъ встрѣчались надписи: «Да здравствуетъ императоръ! Онъ былъ и будетъ!» Особенно зашумѣли военные, когда вернулись 100.000 героевъ «великой арміи» въ видѣ голодныхъ лохмотниковъ, которые съ проклятіями надѣвали бѣлую кокарду, а на днѣ ранцевъ хранили трехцвѣтку, какъ святыню. Въ этой-то грозной средѣ твердили о «постыдномъ мирѣ». Гарнизоны бунтовали, сожигали или пачкали бѣлое знамя. Въ казармахъ распѣвали: «Онъ придетъ, придетъ опять!» А то были не наемники: солдаты разжигали ненависть къ Бурбонамъ среди родныхъ крестьянъ и рабочихъ. Задумалась, а потомъ вознегодовала и интеллигенція. Ее смутило появленіе церковниковъ въ Институтѣ, гдѣ они вытѣсняли ученыхъ и уже закрыли цѣлое отдѣленіе—изящныхъ искусствъ. Ее заставилъ трепетать новый цензурный уставъ, который преобразилъ даже Шатобріана: этотъ пѣвецъ католицизма и «вожделѣнныхъ» Бурбоновъ теперь грустилъ, что «старая монархія живетъ лишь въ исторіи».

Такъ «неисправимые» съумѣли въ десять мѣсяцевъ смутить и возстановить противъ себя всѣ слои народа, ради блага горсти допотопныхъ «привилегированныхъ» и алчныхъ царедворцевъ. Да и тѣ уже разочаровались. Завзятые роялисты досадовали на то, что еще не произведена «всеобщая чистка» или «оздоровленіе», и называли правленіе Людовика XVIII «революціонною анархіей»; они требовали отмѣны Хартіи. Еще болѣе негодовали «политики» по ремеслу— либералы, бонапартисты и старые революціонеры или республиканцы. Въ особенности горячился Фушэ, услугами котораго пренебрегли спесивые Бурбоны. Въ февралѣ 1815 года онъ составилъ заговоръ для ихъ низверженія, хотя еще не знали, кѣмъ замѣнить ихъ. Одинъ изъ этой компаніи уже поскакалъ тайкомъ на Эльбу.

А правительство, словно нарочно, только бередило раны многострадальной націи. Въ указахъ возвращались къ старому слогу: «Такъ намъ угодно. Объявляемъ нашимъ подданнымъ». Французовъ заставляли торжественно «раскаиваться». Начались церемоніи въ дни смерти «четы-мученицы»; служили панихиды по Пишегрю и генераламъ. А дѣлами никто не занимался, съ отъѣздомъ Талейрана на вѣнскій конгрессъ. Министры почивали на лаврахъ: не слыша голоса націи изъ-за цензуры, они хвастались, что подавили революціонный духъ политикой «усыпленія».

Между тѣмъ уже почти вся Франція, не исключая Вандеи, обращалась въ открытый заговоръ. Кучами появлялись подпольные листки противъ «отеческой анархіи»: вѣнцомъ ихъ была пѣсенка Беранже «Маркизъ Карабасъ». Проскользали даже прозрачные намеки въ печати, за недогадливостью цензоровъ. Въ каррикатурахъ вѣнценосный толстякъ скакалъ, за спиной казака, по трупамъ французовъ. На улицахъ громко разсуждали о расправѣ съ «королемъ иноземцевъ». Всѣ партіи сливались въ возгласѣ: «Такъ нельзя дальше!» Словомъ, положеніе Бурбоновъ стало напоминать презрѣнную директорію: и, какъ въ октябрѣ 1799 г., всюду само собой воскресало имя героя изъ героевъ. Хозяйничанье иностранцевъ разжигало память объ его дивной оборонѣ въ 1814-мъ г. Народъ скрежеталъ зубами при возвращеніи своихъ 300.000 плѣнныхъ, которыхъ было достаточно для новаго завоеванія міра при геніѣ побѣдъ. А эти несчастные стали называть своего капральчика «Отцомъ-Фіалкой»: они ждали его весной. И онъ явился 1-го марта.

«Императоръ умеръ: я—ничто», сказалъ Наполеонъ, высадившись на Эльбу. Казалось, онъ весь ушелъ въ обязанности монарха крохотнаго царства, которое онъ назвалъ Островомъ Отдохновенія. Онъ завелъ образцовое управленіе и отличную армійку. Островокъ

процвѣлъ; туземцы привязались къ своему доброму, простому императору. Изгнанникъ увлекался собственнымъ хозяйствомъ: онъ лучше гофмейстера зналъ, сколько у него матрацовъ, простынь и т. д. У него было еще много хлопотъ съ пріемами: иногда его посѣщали до 300 человѣкъ въ день. Тутъ ему помогали мать и сестра Полина, про привязанность которой ходили грязныя сплетни, благодаря бурбонскимъ шпіонамъ, кишѣвшимъ на островкѣ. Пріѣзжала и Валевская съ сыномъ, но не надолго: императоръ все ждалъ Марію-Луизу, а та утѣшилась, въ Шёнбруннѣ, съ краснвымъ камергеромъ, котораго отецъ приставилъ къ ней.

Но, въ сущности, Наполеонъ былъ опять занятъ міровою задачей. Сами враги наталкивали его на нее. Державы не выплачивали ему пенсіи и отняли у него жену и сына. Ихъ агенты замышляли даже или убить его, или похитить и заточить навѣки: и на вѣнскомъ конгрессѣ уже говорили, по предложенію Талейрана, про о. св. Елены. Оттого-то эльбскій императоръ счелъ себя свободнымъ отъ всякихъ обязательствъ. А здоровье его поправилось: онъ имѣлъ видъ 45-лѣтняго крѣлыша; и онъ все еще прекрасно владѣлъ своей страстной природой. Завоеватель рѣшилъ, что міръ еще не можетъ обойтись безъ него.

Наполеонъ отлично видѣлъ подвиги «неисправимыхъ». Онъ сказалъ одному пріятелю: «Какъ только Бурбоны вступили на почву Франціи, ихъ министры дѣлали только глупости. Нынѣшнее правительство хорошо для поповъ, знати да для старыхъ графинь: оно гроша не стоитъ для современнаго поколѣнія. Народъ привыкъ, при революціи, чтобы его брали въ разсчетъ: онъ никогда не согласится впасть въ прежнее ничтожество, стать паціентомъ дворянства и духовенства». Узналъ Наполеонъ и о раздорахъ на вѣнскомъ конгрессѣ. И вотъ, у него начались таинственныя сношенія съ итальянцами, стонавшими подъ австрійскимъ игомъ, въ особенности же съ Мюратомъ, который уже разувѣрился въ державахъ. Наконецъ къ нему пробрался пріятель г-на Фушэ и еще какая-то переодѣтая личность. И, на глазахъ безпечныхъ крейсеровъ державъ, съ острова отплыла флотилійка съ армійкой эльбскаго императора. 1-го марта 1815 г. Наполеонъ высадился во Франціи.

Искатель приключеній разсчитывалъ на всеобщее ошеломленіе, которое произведетъ «эта великая новость». «Нужно летѣть, опережать молву!» воскликнулъ онъ. Впередъ онъ пустилъ ловкія воззванія къ народу и арміи: во всемъ виноваты-де измѣнники, съ этими Бурбонами во главѣ, которые «ничему не научились и ничего не забыли». Тутъ значилось: «Французы! Я услышалъ въ из-

гнаніи ваши жалобы и вожделѣнія: я переплылъ моря и явился къ вамъ. Мои права—права народа и арміи. Орелъ съ національными цвѣтами пролетитъ, съ колокольни на колокольню, до башенъ Богоматери!»

Однако орелъ побаивался роялистическаго Прованса: армійка пронеслась обходомъ—по спѣгамъ Морскихъ Альпъ, слѣдомъ за своимъ императоромъ, который шелъ пѣшкомъ. Въ Дофинэ народъ уже сталъ изъявлять восторгъ. Подъ Гренобломъ смѣльчакъ встрѣтился съ первымъ королевскимъ отрядомъ. Онъ подошелъ на пистолетный выстрѣлъ, раскрылъ грудь и сказалъ: «Кто изъ васъ хочетъ убить своего императора?» Солдаты побросали свои бѣлыя кокарды и стали цѣловать ноги героя. Къ нимъ присоединились тысячи крестьянъ. Въ самомъ Гренобле также не было предѣловъ восторгамъ.

Дальше массы народа провожали своего «спасителя» отъ деревни до деревни. Всюду слышалась марсельеза, поднимались крики: «Долой поповъ! Смерть роялистамъ!» Встрѣчались и сильные отряды, высланные противъ «кроваваго чудовища»; но они передавались императору. Склонился передъ нимъ и Ней, хвастливій, что онъ привезетъ его въ клѣткѣ. Только въ Парижѣ слышался глухой ропотъ буржуазіи, ея національной гвардіи да палатскихъ политиковъ. Остальные «такъ же мало интересовались пріѣздомъ одного, какъ и отъѣздомъ другихъ», по словамъ самого Наполеона. Утромъ 20-го марта король незамѣтно бѣжалъ въ Гентъ, бросивъ на столѣ даже депеши Талейрана, но не забывъ брилліантовъ и 14 милл. фр. А вечеромъ въ Тюльери опять показался императоръ.

Безъ выстрѣла совершилось событіе, которое называли неслыханнымъ ни въ исторіи, ни въ миѳологіи. Оно перевернуло умы. Во Франціи были смертные случаи отъ нервнаго удара. Бертье покончилъ съ собой. Г-жа Сталь сочла себя побѣжденной. Сультъ и Констанъ стали бонапартистами. Лафайетъ называлъ этотъ эпизодъ «прекрасной страницей исторіи». Байронъ отрекся отъ своей злой оды на Эльбскаго человѣка. Въ Москвѣ опять собирались укладываться. А дѣло было просто, если бросить старый взглядъ на него, какъ на военный переворотъ. Полетъ орла былъ дѣломъ народной массы, которая подталкивала заскорузлыя въ дисциплинѣ войска. При первой встрѣчѣ изгнанника съ королевскими отрядами, солдаты колебались. Наполеонъ крикнулъ имъ, указывая на столпившихся крестьянъ: «Спросите этихъ молодцовъ — и вы узнаете, что имъ угрожаетъ возвращеніе десятинъ, привилегій, феодальныхъ правъ». «Правду ли я говорю, друзья?» обратился онъ къ горцамъ. «О да, да! Насъ хотѣли прикрѣпить къ землѣ. Вы явились, какъ ангелъ Бо-

жій, чтобы спасти насъ!» загудѣла толпа. И Наполеонъ уже въ Ліонѣ издалъ указъ объ отмѣнѣ знати и объ изгнаніи эмигрантовъ. Оставалось удовлетворить буржуазію и интеллигенцію, которыя опасались воскресенія цезаризма. Наполеонъ уже въ Греноблѣ возвѣстилъ, что посвящаетъ себя миру да «огражденію началъ революціи». Прибывъ въ Тюльери, онъ тотчасъ заявилъ державамъ, что будетъ соблюдать существующіе договоры.

Такъ началось господство *Ста Дней* (20 марта — 26 іюня 1815). То была послѣдняя, отчаянная, но мимолетная борьба сверхъ-человѣка съ превратностями судьбы. Наполеонъ развернулъ былую мощь и энергію. Онъ опять работалъ по 16 ч. въ сутки, опять создавалъ гигантскіе планы и проводилъ ихъ увѣренной рукой. Казалось, явился и неисчерпаемый источникъ средствъ. Всѣ уплаты производились наличными деньгами; подрядчики даже получали впередъ. Долги и пенсіи оплачивались точно. Воскресла даже обширная «система» общественныхъ работъ. Деньги давали и банкиры, свои и чужіе, и народъ.

Но среда, а отчасти и сама личность смѣльчака, нагромождали непреодолимыя препятствія. Непривычная роль конституціоннаго короля, вялость чиновниковъ, ослабленіе дисциплины и вѣры въ дѣло, наконецъ, гроза нашествія иноземцевъ — все подкашивало силы богатыря. Онъ видѣлъ это — и молчалъ. Онъ изловилъ переписку Фушэ съ союзниками—и не трогалъ его; онъ понялъ Талейрана изъ забытыхъ королемъ депешъ—и вступилъ съ нимъ въ переговоры. Самъ императоръ обнаруживалъ нерѣшительность, сталъ задумчивъ и кротокъ, жаловался на перемѣну судьбы. Онъ быстро уставалъ за работой и томилъ приближенныхъ болтовней о разныхъ предположеніяхъ, съ промежутками долгаго молчанія. Страданія отъ старыхъ недуговъ стали хроническими; появились непроизвольныя судороги и миганья глазомъ; императоръ не разъ впадалъ въ истерику передъ портретомъ своего сына. «Не узнаю его», сказалъ тогда Карно.

И эпоха Ста Дней была сплошнымъ противорѣчіемъ, какъ впрочемъ и вся политическая исторія Европы въ началѣ реакціи. Самъ Наполеонъ, рѣшившій стать «Карломъ Великимъ конституціонныхъ идей», обратился къ Констану съ такими характерными словами: «Нація желаетъ—или думаетъ, что желаетъ—трибуновъ и сходокъ. Она не всегда желала ихъ. Она бросилась къ моимъ ногамъ, когда я достигъ власти... Теперь все измѣнилось: слабое, враждебное націи правительство пріучило народъ къ самозащитѣ, къ укалыванію властей. Впрочемъ этого желаетъ лишь меньшинство; толпа

желаетъ только меня... Я—не императоръ однихъ солдатъ: я—императоръ крестьянъ, плебеевъ... Я вышелъ изъ народа: мой голосъ дѣйствуетъ на него; я и онъ—одна природа. Мнѣ стоитъ только дать знакъ или, вѣрнѣе, отвернуться—и знать будетъ избита повсюду. Но я не хочу быть королемъ жакеріи. Если можно управлять съ конституціей—прекрасно. Я желалъ мірового господства—и для этого нужна была безграничная власть; а для управленія одною Франціей, пожалуй, лучше конституція. Да, я желалъ мірового господства: но кто не пожелалъ бы его на моемъ мѣстѣ? Самъ міръ призывалъ меня управлять собой: государи и подданные взапуски стремились подъ мой скипетръ. Гласность обсужденія, свобода выборовъ, отвѣтственность министровъ, свобода печати! Я самъ желаю всего этого, особенно свободы печати: подавлять ее—нелѣпость; я убѣдился въ этомъ. Я—человѣкъ народа: если народъ желаетъ конституціи, я обязанъ дать ее ему. Я призналъ его державность—и долженъ повиноваться его волѣ, даже его прихотямъ... Я не ненавижу свободы: я устранялъ ее, когда она стояла у меня поперекъ дороги; но я понимаю ее; я воспитанъ на ея идеалахъ. Итакъ, дѣло 15-ти лѣтъ разрушено: оно не можетъ быть возстановлено. Да и я желаю мира; только его не получить иначе, какъ путемъ побѣдъ. Не стану внушать вамъ ложныхъ надеждъ: я распространяю слухъ, что идутъ переговоры, но ихъ нѣтъ. Предвижу тяжелую борьбу, долгую войну. Мнѣ нужна поддержка націи, чтобы выдержать ее. Но за это она потребуетъ, я думаю, свободы: она получитъ ее. Я старѣюсь: 45 лѣтъ—не 30. Теперь мнѣ, пожалуй, будетъ къ лицу покой конституціоннаго короля. Еще вѣрнѣе, что онъ пристанетъ моему сыну».

Тогда же императоръ отвѣчалъ на адресъ сановниковъ, напоминавшій о «волѣ народа» и о «возстановленіи всѣхъ либеральныхъ принциповъ»: «Государи—первые граждане (citoyens) государства: ихъ власть соразмѣряется съ интересами ихъ націй. Отказываюсь отъ идеи великой имперіи, которой я положилъ лишь основаніе втеченіе 15-ти лѣтъ». И явилось примирительное министерство: Карно находился рядомъ съ Фушэ. Главой государственнаго совѣта былъ назначенъ тотъ самый Бенжаменъ Констанъ, который наканунѣ громилъ въ журналахъ «Аттиллу, Чингисхана». И ему-то было поручено начертать новую Хартію.

Наполеонъ, который подсмѣивался надъ «цѣпью временъ» у Бурбоновъ, самъ назвалъ свою Хартію *Дополнительнымъ Актомъ* «къ учрежденіямъ имперіи». Зато онъ набросалъ такое вступленіе: «Доселѣ я старался создать въ Европѣ великую федеративную систему, согласно съ духомъ эпохи и на пользу цивилизаціи: отнынѣ

же у меня одна только цѣль—возвеличить благоденствіе Франціи утвержденіемъ политической свободы». Въ Актѣ очевидны всѣ основы этой свободы—полный демократизмъ выборовъ (никакого ценза), почти полная законодательная власть палатъ, съ безусловнымъ правомъ низвергать министровъ и опредѣлять рекрутскіе наборы, упраздненіе государственной церкви, феодальныхъ привилегій и чрезвычайныхъ судовъ, наконецъ, личная свобода. Въ особенности была выдвинута свобода печати: Наполеонъ замѣтилъ, что послѣдній годъ на него вылили уже всѣ помои, а для враговъ еще остается довольно чернильной грязи. Предварительная цензура была отмѣнена; малѣйшіе проступки печати были подчинены суду присяжныхъ. И Францію наводнили листки и газеты, гдѣ авторы, съ полной подписью, всячески издѣвались надъ императоромъ и называли его правленіе «временнымъ».

Но и Дополнительный Актъ никого не удовлетворилъ. Плебисцитъ о немъ не далъ и $1^1/_2$ милліона «да» — менѣе половины того числа, которымъ была утверждена имперія. Въ палату депутатовъ были избраны, въ большинствѣ, либералы да республиканцы. Изъ провинцій доносили императору: «Всѣми овладѣваетъ уныніе. Вездѣ женщины—ваши отъявленные враги; а во Франціи нельзя пренебрегать такимъ противникомъ». Да и ветераны ворчали: «Мы не знаемъ Толстяка Папашу (Людовикъ XVIII), но намъ надоѣла война». И добровольцевъ явилось всего 60.000.

Дѣло въ томъ, что никто не вѣрилъ въ превращеніе Цезаря въ Цинцинната. И императоръ поддерживалъ роковое противорѣчіе. Увидавъ въ Актѣ статью, воспрещавшую отобраніе имуществъ за политическіе проступки, онъ закричалъ: «Меня толкаютъ на чужой путь, меня ослабляютъ, сковываютъ цѣпями! Франція ищетъ меня—и не находитъ. Она спрашиваетъ: что сталось со старой рукой императора, которая нужна ей для усмиренія Европы?.. Когда настанетъ миръ, тогда видно будетъ. У всякаго своя природа: моя—не ангельская». Этотъ «человѣкъ народа», который называлъ въ Греноблѣ французовъ «гражданами», перешелъ въ Парижѣ къ слову «подданные». Онъ призналъ наслѣдственность пэровъ и возстановилъ пышный дворъ. Наконецъ, при обнародованіи Дополнительнаго Акта, было воскрешено феодальное Майское Поле—допотопный, холодный маскарадъ. Владыка и его братья появились въ театральныхъ костюмахъ изъ бѣлаго бархата, въ испанскихъ плащахъ, усѣянныхъ золотыми пчелами (эмблема имперіи), въ шляпахъ съ широкими полями и страусовыми перьями. Кругомъ поднялся ропотъ негодованія, посыпались насмѣшки интеллигенціи. И какъ только откры-

лись палаты, императора попросили не увлекаться «соблазнами побѣды».

Но эти совѣты запоздали: Наполеонъ *долженъ* былъ или опять воевать со всею Европой, или бѣжать, какъ похититель, застигнутый на мѣстѣ преступленія.

Французы не вѣрили рѣчамъ Наполеона о свободѣ; чужестранцы не вѣрили его внезапному миролюбію. Европа и вообще опасалась «мятежной» націи. Оттого, какъ при Людовикѣ XIV, всѣ ея заботы состояли теперь въ томъ, чтобы «заковать» ее въ «естественныя» границы. И вотъ, явившись на вѣнскій конгрессъ, «союзныя державы» или «четверо» (Россія, Пруссія, Австрія и Англія) все предрѣшили заранѣе, помимо Франціи, надѣясь кстати попользоваться наслѣдіемъ ея міродержца. Но Талейранъ, какъ истинный «хромой бѣсъ», по сознанію самихъ дипломатовъ, сразу смутилъ ихъ и перессорилъ. Этотъ «цареубійца», предатель всѣхъ и всего, сталъ жрецомъ «принципа, на которомъ зиждется весь общественный порядокъ»: такъ онъ назвалъ легитимизмъ.

Эта политика, нити которой тянутся, съ одной стороны, до Ришельё, съ другой—до Наполеона III, была ловкимъ ходомъ противъ Габсбурга и Гогенцоллерна, такъ какъ она поддерживала выгодную для Франціи раздробленность Германіи и Италіи. И сами дипломаты вѣнскаго конгресса, которые сначала «гнушались» Талейраномъ, должны были признать его своимъ главой. Но политика законности шла въ разрѣзъ съ «интересами» трехъ сѣверныхъ державъ, вытекавшими изъ «права завоеванія». Россія и Пруссія хотѣли подѣлиться землями саксонскаго короля, который томился въ берлинскомъ плѣну за свою преданность «тирану». Царь накричалъ на Талейрана за его безкорыстные «принципы»: онъ грозился даже, что, если Бурбоны не уймутся, «выпуститъ на нихъ чудовище». А король занялъ своими войсками Саксонію.

Поднялась міровая буря и безъ чудовища. Нѣмецкіе потентаты завопили, что гогенцоллернское занятіе Саксоніи —«узурпація» хуже Наполеоновской, и опять бросились въ объятія Франціи. Англія и Австрія вздрогнули при мысли о новомъ усиленіи своихъ старыхъ соперницъ. Съ помощью Талейрана, онѣ заключили «конвенційку» съ Франціей, какъ называлъ союзъ трехъ противъ двухъ хромой бѣсъ, потирая руки: новая коалиція обязывалась даже оружіемъ охранять условія парижскаго мира. Россія и Пруссія должны были сократить свои желанія. Но затѣмъ онѣ чуть не поссорились между собой и съ Австріей изъ-за польскихъ земель.

Вдругъ всѣхъ объединилъ ужасъ: пришло извѣстіе объ исчезно-

венін эльбскаго императора. Затѣмъ послѣдовалъ взрывъ ярости: даже Францъ I обозвалъ своего зятя «авантюристомъ», проходимцемъ. Особенно горячился опять царь: онъ готовъ былъ «положить своего послѣдняго человѣка и послѣдній грошъ», чтобы истребить чудовище. Тотчасъ же, безъ совѣщаній, державы подписали декларацію, изготовленную Талейраномъ. Она объявляла «Бонапарта» «сумасброднымъ и немощнымъ злодѣемъ, врагомъ и разрушителемъ всеобщаго спокойствія»; она изъяла его «изъ гражданскихъ и общественнымъ отношеній» и предоставила «всенародной мести».

Образовалась *седьмая* коалиція, съ цѣлью охранить и «дополнить» парижскій договоръ. Напрасно Наполеонъ осыпалъ державы мирными предложеніями; напрасно онъ послалъ царю «конвенційку», забытую Людовикомъ XVIII у себя на столѣ: монархи не принимали его пословъ, не распечатывали его писемъ; они даже арестовывали его курьеровъ. Марія-Луиза объявила, что предпочитаетъ Вѣну Парижу и у римскаго короля французская гувернантка была замѣнена австріячкой. Англійскіе корабли окружили Францію. А къ ея границамъ потянулось болѣе милліона солдатъ коалиціи: по словамъ Александра, ихъ задачей было «низвергнуть генія зла вторично, и уже въ послѣдній разъ».

Наполеону оставалось дерзать. Онъ зналъ, что у союзниковъ пошли старыя распри. Русскіе съ австрійцами тащились еще вдалекѣ. Францъ I опасался за свой тылъ: Мюратъ внезапно измѣнилъ державамъ и уже пробрался, со своими войсками, до р. Но. Готовы были только пруссаки Блюхера да англичане и нѣмцы Веллингтона, стоявшіе близъ Брюсселя. Правда, ихъ однихъ было не меньше 250.000. Но они стояли вразсыпную, безпечно, съ массой новобранцевъ: самъ Веллингтонъ называлъ свое воинство «отвратительнымъ». Этотъ медлитель побаивался генія побѣдъ и думалъ только объ укрѣпленной оборонѣ, о «прикрытіи всего»; а у его «братца», фельдмаршала-Впередъ, войска чуть не голодали.

У Наполеона дѣло закипѣло по-старому, какъ только онъ убѣдился, что все его спасеніе—въ натискѣ. Онъ вдругъ образовалъ отличную и чисто-національную армію. Она состояла преимущественно изъ ветерановъ, вернувшихся изъ плѣна и жаждавшихъ мести, особенно англичанамъ, которые мучили ихъ на галерахъ. И императоръ позволилъ имъ идти въ аттаку подъ звуки марсельезы, покрывъ трауромъ свои орлы до новой побѣды. Если эта армія была вдвое слабѣе непріятеля, зато у нея было больше пушекъ, и она была лучше снаряжена. А во главѣ ея стояли старые молодцы—Ней, Сультъ, Даву и др. Театръ войны былъ благопріятенъ фран-

цузамъ: бельгійцы и голландцы сочувствовали имъ. Самъ императоръ создалъ планъ, достойный героя Аустерлица, отличавшійся величавой простотой: онъ рѣшилъ внезапно врѣзаться клиномъ между Веллингтономъ и Блюхеромъ, пользуясь знаменитымъ «французскимъ патискомъ».

Противники смутились. «Наполеонъ надулъ меня!» воскликнулъ Веллингтонъ, замѣтивъ, что его отрѣзываютъ отъ пруссаковъ. А Блюхеръ попалъ подъ удары самого императора. Правда, при Линьи, онъ наткнулся лишь на французскій резервъ, и его солдаты дрались львами; при всемъ томъ онъ былъ разгромленъ. Самъ пылкій вождь чуть не погибъ подъ копытами конницы, свалившись съ раненой лошади. Блюхеръ потерялъ болѣе 20.000. Остальные отступали по первой попавшейся дорогѣ, которая привела къ Ватерло. Туда же двигались, съ другой стороны, англичане, которыхъ потрепалъ Ней у Катръ-Бра, хотя ихъ было вдвое больше.

Но тутъ же почувствовалось, что счастье отвертывается отъ рокового человѣка. Все было уже не прежнее. Самъ императоръ былъ «не тотъ, котораго мы знали», сказалъ Вандамъ про своего кумира. Онъ уже не могъ носиться птицей по полямъ: невыносимы стали его недуги, къ которымъ прибавился геморрой—плодъ долгой верховой ѣзды. Онъ внезапно погружался почти въ летаргическій сонъ. Онъ колебался въ аттакахъ, затягивалъ дѣло, давалъ неточныя, даже противорѣчивыя приказанія, слишкомъ полагался на маршаловъ. Такъ какъ и адъютантства почти не было, то полководецъ либо не зналъ, гдѣ стоятъ части его войскъ, либо принималъ цѣлую армію врага за мелкій отрядъ. Оттого Груши простоялъ у него, сложа руки, вмѣсто того, чтобы разъединить Блюхера съ Веллингтономъ. Паладины тоже работали вяло и несмѣтливо: приказанія доходили къ нимъ поздно, спутанно. Наполеонъ не понялъ соединенія враговъ: «братцы» сошлись случайно, отступая послѣ первыхъ пораженій. Могъ ли онъ предвидѣть еще измѣну командира лучшей дивизіи, Бурмона, который въ самомъ началѣ бѣжалъ къ непріятелю, зная все?

Послѣ битвы у Линьи, Наполеонъ торжествовалъ, вообразивъ, что пруссаки уже уничтожены. Онъ устремился къ вѣрной побѣдѣ надъ Веллингтономъ, стоявшимъ у *Ватерло*: у него было немного больше войскъ, чѣмъ у англичанъ, и гораздо больше пушекъ. Онъ устроилъ блестящій парадъ на глазахъ у непріятеля и, вопреки своему обычаю, началъ послѣдній свой бой поздно (18 іюня 1815). И тотчасъ же императоръ почувствовалъ себя очень плохо: онъ то впадалъ въ дремоту, то внезапно пробуждался. А здоровый, рьяный

«желѣзный герцогъ» Англіи, по своему обычаю, отлично окопался на горѣ Сенъ-Жанъ. Но невиданная масса кавалеріи Нея, подъ которымъ пало пять коней, уже два раза вскакивала на вершину. «Блюхеръ или ночь!» воскликнулъ Веллингтонъ въ отчаяніи. Въ отвѣтъ, сбоку раздались крики пруссаковъ: «Месть за Линьи!» У Наполеона не хватало силъ противъ двухъ враговъ. Но для него отступать—значило погибнуть: и онъ пустилъ на гору старую императорскую гвардію. «Гвардія умираетъ, но не сдается!» доносили ему съ горы. Эта фраза—сказка, но она соотвѣтствовала дѣйствительности. Гвардія натыкалась грудью на штыки англійскихъ каррэ, но давила, разрѣзала ихъ, пока массы врага не сбросили ее въ деревню Бель-Альіансъ (этимъ именемъ англичане назвали битву).

Императоръ съ 20 всадниками поскакалъ въ Парижъ. За нимъ разстилалось поле, на которомъ лежало до 30.000 французовъ и еще больше союзниковъ. Блюхеръ съ 70.000 солдатъ несся къ столицѣ Франціи, по пятамъ разбитой арміи, отъ которой уцѣлѣла едва одна четверть.

И все-таки, казалось, не все еще проиграно. Послѣдняя кампанія стоила союзникамъ вдвое больше жертвъ, чѣмъ французамъ. На границахъ стояли свѣжіе отряды императора. Подъ Парижемъ опять собралось до 100.000 защитниковъ. Въ палатахъ снова заговорили о сопротивленіи иноземцамъ. Но, вотъ, сюда внезапно явился «храбрецъ изъ храбрецовъ», въ жалкомъ видѣ: Ней загремѣлъ своимъ грубымъ голосомъ, доказывая, что палаты обмануты, что все погибло. И правда: отовсюду къ границамъ подходила почти вся вооруженная Европа. Конечно, еслибы Наполеонъ и побѣдилъ 18-го іюня, онъ скоро нашелъ бы Ватерло въ другомъ мѣстѣ.

Не такъ думалъ императоръ. Тотчасъ послѣ Ватерло онъ писалъ въ Парижъ Жозефу и Люсьену: «Не все потеряно. Мужайтесь, будьте тверды!» Вновь явился блестящій планъ отпора врагамъ, которые подвигались къ столицѣ попрежнему—вразсыпную, вяло, сварливо. Геній битвъ надѣялся въ лучшемъ видѣ повторить кампанію 1814 года, поднявъ всю націю. У него уже набиралось солдатъ больше, чѣмъ у Блюхера и Веллингтона; а по границамъ крупные отряды дрались побѣдоносно съ русскими и австрійцами. Этотъ планъ могъ выполнить лишь деспотъ во главѣ арміи; а генералы боязливо указывали на ненадежность палатъ. «Знаю—воскликнулъ императоръ: мое мѣсто здѣсь. Но я поѣду въ Парижъ, хотя чувствую, что вы заставляете меня сдѣлать глупость».

Въ столицѣ царствовало смятеніе: императоръ здѣсь—и безъ арміи, какъ послѣ Москвы и Лейпцига! Рабочіе предмѣстій и бѣг-

лцы изъ-подъ Ватерло кричали объ «измѣнѣ» и требовали цезарской диктатуры. То же говорили Карно и Даву. Но «политики» и буржуазія боялись новыхъ войнъ. Наполеонъ растерялся. На ободреніе Люсьена онъ отвѣчалъ безстрастнымъ отказомъ. Но вотъ, палаты высказались за отреченіе,—и императоръ разсвирѣпѣлъ, началъ проклинать «якобинцевъ». Тогда палаты погрозили «опалой»—и онъ подписалъ отреченіе въ пользу «Наполеона II». Палаты не обратили даже вниманія на «Наполеона II»: онѣ назначили директорію или временное правительство, подъ предсѣдательствомъ Фушэ.

Такъ 22-го іюня окончилось господство Ста Дней.

Наполеонъ удалился въ Мальмезонъ. Покинутый всѣми, экс-императоръ набрасывалъ планъ бѣгства въ Соединенные Штаты Америки. Вдругъ воздухъ задрожалъ отъ канонады: то пруссаки громили форты Парижа. А подъ окнами Мальмезона грянуло: «Ура императоръ! Долой Бурбоновъ! Долой измѣнниковъ!» То проходила дивизія ветерановъ. Наполеонъ надѣлъ мундиръ и послалъ сказать директоріи: «Сдѣлайте меня простымъ генераломъ. Мнѣ хочется только раздавить врага, принудить его къ благопріятному миру. Затѣмъ я удалюсь». Фушэ отвѣчалъ, что не ручается даже за его личную безопасность. «Эти господа раскаятся потомъ», сказалъ Наполеонъ кротко и поѣхалъ, съ четырьмя спутниками, на югъ, къ морю, переодѣвшись въ статское платье.

Онъ подвигался медленно. По дорогѣ народъ и войска бросались къ нему съ восторгомъ: онъ прятался отъ нихъ. Онъ то предлагалъ директоріи распоряжаться имъ, «какъ простымъ солдатомъ», то переписывался съ командирами ближайшихъ отрядовъ о низверженіи «предательскаго» правительства. Между тѣмъ союзники вступили въ Парижъ. Летучіе отряды Блюхера искали бѣглеца, чтобы «разстрѣлять» его; шпіоны Бурбоновъ собирались «повѣсить» его. А на рейдѣ показались англійскіе крейсеры. Наполеонъ собирался плыть въ Новый Свѣтъ даже на одномъ суденышкѣ, которое онъ купилъ, какъ вдругъ увидѣлъ американскій флагъ. Капитанъ великой за-атлантической республики, которой недавно помогала революціонная Франція, заявилъ, что сочтетъ честью и счастьемъ отвезти падшее величіе. Наполеонъ сказалъ своему секретарю, Лась-Казу: «Отправлюсь въ Соединенные Штаты и кончу тѣмъ, чѣмъ начиналъ человѣкъ: буду жить плодами моихъ полей и стадъ. Англичане не помѣшаютъ мнѣ: вѣдь, американцы еще не дошли до того, чтобы серьезно тревожить ихъ. Современемъ, пожалуй, они явятся мстителями за моря. Правда, я могъ бы приблизить эту эпоху... А если не ускользну отъ англичанъ—не бѣда. У нихъ правитель-

ство ничего не стоитъ; но это—великая, благородная, великодушная нація. Они обойдутся со мной, какъ должно».

Отъ англичанъ нельзя было ускользнуть, и Наполеонъ обратился къ ихъ крейсеру. Капитанъ принялъ его съ подобающими почестями, чтобы доставить «въ Англію». Онъ отправилъ впередъ слѣдующія строки своего гостя къ принцу-регенту: «Подобно Ѳемистоклу, иду сѣсть у очага британскаго народа. Взываю къ нему, какъ къ самому могучему, самому упорному и самому великодушному изъ моихъ враговъ». На крейсерѣ Наполеонъ часто впадалъ въ дремоту и все показывалъ портреты жены и сына, чуть не плача о разлукѣ съ ними. Когда приплыли къ берегамъ Англіи, союзники уже приговорили считать Наполеона военно-плѣннымъ, а слѣдовательно разстрѣлять его. Но британское правительство испугалось своего народа: онъ стекался къ берегамъ привѣтствовать своего великаго противника и даже собирался освободить его. И державы рѣшили сослать «генерала Бонапарта» на о. св. Елены. Плѣнникъ отвѣчалъ спокойно: «Протестую передъ потомствомъ и передъ самимъ англійскимъ народомъ: нарушены права гостя, освященныя международнымъ обычаемъ. Хотя и побѣжденный, я—все-таки монархъ... Мнѣ не выжить на маленькой скалѣ: я привыкъ ѣздить верхомъ верстъ по 30 въ день». Позже онъ воскликнулъ: «Позоръ моей смерти завѣщаю царствующему дому Англіи».

Во время долгаго плаванія Наполеонъ былъ спокоенъ, даже поправился. Онъ много читалъ и началъ свои Записки. 16-го октября показалась земля ссылки. Островъ *св. Елены*—вулканическая скала въ 100 кв. верстъ. Наверху стоялъ небольшой домъ, куда и помѣстили плѣнника, съ его четырьмя друзьями и ихъ семьями, съ врачемъ и дюжиной слугъ. Кругомъ стояли часовые. Тюремщики не спускали глазъ съ заключеннаго. Ихъ глава, Гудсонъ Лоу, педантъ изъ торіевъ, отравлялъ жизнь своему «Наполеону» мелкими придирками.

Бонапартъ сначала воевалъ съ своимъ мучителемъ, потомъ затихъ. Вообще онъ велъ себя достойно: за обѣдомъ соблюдался даже этикетъ въ костюмахъ. Днемъ онъ то писалъ, то работалъ въ своемъ садикѣ; по вечерамъ разсказывалъ друзьямъ о прошломъ и много читалъ, особенно интересуясь англійскими газетами. Узникъ все надѣялся на освобожденіе, но отказывался отъ предложеній друзей устроить побѣгъ: онъ ждалъ или побѣды оппозиціи въ Англіи, или изгнанія Бурбоновъ изъ Франціи. Ему удавалось пересылать въ Англію свои жалобы, которыя тотчасъ попадали въ печать. Но это только раздражало державы: онѣ одобряли строгости Гудсона Лоу относительно «человѣка, мрачная извѣстность котораго не переста-

етъ волновать міръ». Тогда Наполеонъ предался диктовкѣ своей автобіографіи, которая выходила потомъ отрывками, подъ видомъ записокъ его секретарей и врачей. Тогда же были набросаны его замѣчательныя военныя замѣтки.

Прошло четыре года. Узникъ плохо спалъ, мало ходилъ: онъ быстро тучнѣлъ. Вдругъ у него обнаружился упадокъ силъ: онъ сталъ томиться и столь же быстро худѣть. Отъ наслѣдственнаго недуга онъ уже не переносилъ пищи. Наполеонъ составилъ завѣщаніе. Здѣсь сначала говоритъ набожный католикъ, нѣжный мужъ и отецъ, патріотъ и другъ «справедливости», а потомъ сыплются корсиканскія стрѣлы. Бывшій императоръ надѣялся, что Франція, какъ и онъ самъ, проститъ его предателей и злодѣевъ, и бралъ на себя отвѣтственность за смерть герцога Ангьенскаго. Въ приписке сказано по поводу одного человѣка, посягавшаго на жизнь Веллингтона: «Онъ имѣлъ такое же право убить этого олигарха, какое имѣлъ тотъ уморить меня здѣсь, на скалѣ св. Елены». Свои 6 милл. фр. умирающій распредѣлилъ между всѣми, кто оказалъ ему услуги съ самаго дѣтства. Затѣмъ настали двухъ-дневныя жестокія страданія. Въ бреду слышалось: «Голова... Армія». 5-го мая 1821 г. не стало Наполеона.

Теперь на вершинѣ океанійской скалы лежитъ безъименная каменная плита: Гудсонъ Лоу не позволилъ начертать на ней «императоръ». Онъ не исполнилъ и просьбы покойнаго—послать его сердце въ Парму, къ Маріи-Луизѣ. Но могила пуста. Корсиканецъ завѣщалъ: «Желаю покоиться на берегу Сены, среди французскаго народа, который я такъ любилъ». И прахъ его былъ перевезенъ, въ 1840 г., съ великимъ торжествомъ, въ имъ же построенный Домъ Инвалидовъ. А на океанійскомъ островкѣ уцѣлѣлъ только пустой домикъ «Наполеона», охраняемый часовымъ третьей французской республики.

Такъ «народовъ ненависть почила, и лучъ безсмертія горитъ» на томъ «пустынномъ и мрачномъ гранитѣ», гдѣ, 80 лѣтъ тому назадъ, новаго прикованнаго Прометея «сторожилъ, какъ онъ непобѣдимый, какъ онъ великій, океанъ». Понятно, что этотъ казематъ казался «проклятымъ островомъ» «сверхъ-человѣку», для котораго вся Европа была «удушливо тѣсна». Однако въ этомъ историческомъ Прометеѣ, какъ и въ его миѳическомъ первообразѣ, все—человѣческое, какъ силы, такъ и слабости: только все—въ преувеличен-

ныхъ размѣрахъ. Судьба словно желала, чтобы на этомъ примѣрѣ потомство легче разглядѣло свойства разрѣшителей своихъ величайшихъ задачъ. Но вышло какъ разъ наоборотъ.

Втеченіе цѣлаго вѣка не былъ понятъ самый страстный представитель одной изъ самыхъ страстныхъ эпохъ. Съ нимъ связанъ такой бурный міровой переворотъ, что его самого судили страсти, а не разумъ: Наполеоновская «легенда» боролась съ исторической карикатурой. Только «конецъ вѣка», озаренный небывалымъ сіяніемъ науки, въ видѣ эволюціонизма, устраняющаго чудеса повсюду, подошелъ къ спокойной оцѣнкѣ всего «сверхъ-человѣческаго». Благодаря сухимъ, какъ муміи, но безпрекословнымъ, какъ вѣчный судія, документамъ архивовъ, къ числу погребаемыхъ пережитковъ отошла и теорія «героепоклонства». И тутъ герой нашей біографіи оказался самымъ нагляднымъ, самымъ поучительнымъ примѣромъ.

Теперь историкъ, какъ бы съ нотаріальными актами въ рукахъ, можетъ сказать приверженцамъ героепоклонства: «Наполеона I совсѣмъ и не было». По крайней мѣрѣ уже никто не опровергнетъ того факта, что нѣтъ у него ни одного замысла, ни одного вожделѣнія, которыя не вытекали бы изъ прошлаго, не были бы прямымъ и неизбѣжнымъ завершеніемъ задачъ вчерашняго дня. Это иногда поражаетъ изслѣдователя даже въ мельчайшихъ подробностяхъ: довольно вспомнить первыя депеши консула въ Петербургъ, знаменитый планъ итальянской кампаніи, или же египетскій замыселъ.

Если «роковой человѣкъ» изображаетъ собой все человѣческое въ слишкомъ выпукломъ видѣ, то это преувеличеніе было лишь въ уровень съ необычайной порой въ жизни человѣчества. Эта нервная, почти до эпилепсіи, натура была дочерью печальнаго поколѣнія. То поколѣніе, какъ плодъ измученныхъ тяжкимъ недугомъ отцовъ, болѣзненно спѣшило жить: оно, до совершеннолѣтія, усиливалось породить массу великихъ задачъ, которыхъ хватило на цѣлый вѣкъ. Не могла быть иною личность, которая, при всѣхъ условіяхъ попасть въ «великіе люди», оказалась исполнительницей неумолимыхъ законовъ эволюціи обществъ, нерѣдко даже слѣпымъ, безсознательнымъ *орудіемъ исторіи*. Эта личность сама сказала намъ, отправляясь въ Россію: «Чую—меня влечетъ къ невѣдомой цѣли. Когда достигну ея, довольно будетъ одного атома, чтобы низвергнуть меня. Но нужно довершить начатое».

Эта бурная, какъ стихія, натура ощущала инстинктивную, завѣщанную великимъ переворотомъ, ненависть «человѣка народа» къ «привилегированнымъ» стараго порядка, хотя она не постигала ею же вызваннаго націонализма. Она съ злорадствомъ искореняла

пережитки феодализма по всей Европѣ и гордилась этой задачей, хотя задача была незавидна: бѣлыми ручками нельзя было разгребать навозную кучу «стараго порядка». А свобода, такъ же, какъ и миръ, представлялись великану въ благодатной дали будущаго, какъ міровое и завершительное воплощеніе трехъ волшебныхъ словъ «великой революціи»: «моему сыну пристанетъ покой конституціоннаго короля», говорилъ онъ. Наполеонъ «чуялъ», что онъ ломаетъ корень старины, и точно также повсюду, какъ вездѣ, идеи Просвѣщенія, нерѣдко безсознательно, проводились первой республикой. Въ лебединой пѣснѣ міродержца, въ этомъ полубезумномъ потокѣ фразъ, излившемся передъ юнымъ «либерализмомъ», въ лицѣ Констана, есть слова съ историческимъ смысломъ: «Для мірового господства нужна была безграничная власть... Да, я желалъ мірового господства: но кто не пожелалъ бы его на моемъ мѣстѣ? Самъ міръ призывалъ меня управлять собой».

Углубляясь въ изученіе того безпримѣрнаго времени, вглядываясь въ вожделѣнія окружавшихъ Наполеона лицъ, начинаешь понимать восторженность возвышеннѣйшихъ поэтовъ разныхъ странъ и партій. При всѣхъ печальныхъ сторонахъ героя нашей біографіи, которыхъ мы вовсе не думали скрывать, чувствуешь утѣшеніе хоть въ томъ, что, въ данномъ случаѣ, роковой историческій законъ воплотился въ почти-миѳологическомъ гигантѣ, котораго недаромъ горячо ненавидѣли столпы старины, какъ «исчадіе революціи», не дававшее имъ покоя, нарушавшее ихъ гробокопанье. Въ этомъ смыслѣ, иныя созданія Наполеона, даже во внутренней политикѣ, живутъ и теперь. Вообще же его дѣятельность послужила источникомъ тѣхъ всесторонникъ движеній, которыя наполнили весь только-что истекшій вѣкъ.

КОНЕЦЪ.

Московская Центральная
Публичная библиотека

249 no